

Флэйта

Мелара-сана

Annotation

О чем может мечтать прожженный циник из мира шоу-бизнеса? Кого он прячет от толпы, глубоко в сердце?..

•

Флейта

Автор:Melara-sama

Бета:Assyr_g

Фэндом:Ориджиалы

Персонажи:Мираж/Шел, Итон/Кот, Митчел/Рей, Джаред/Элеонора, Даниэль/Терри, Ларсен/Лоф

Рейтинг:NC-17

Жанры:Слэш (яой), Романтика, Флафф

Предупреждения:Секс с несовершеннолетними

Размер:Макси, 154 страницы

Кол-во частей:27

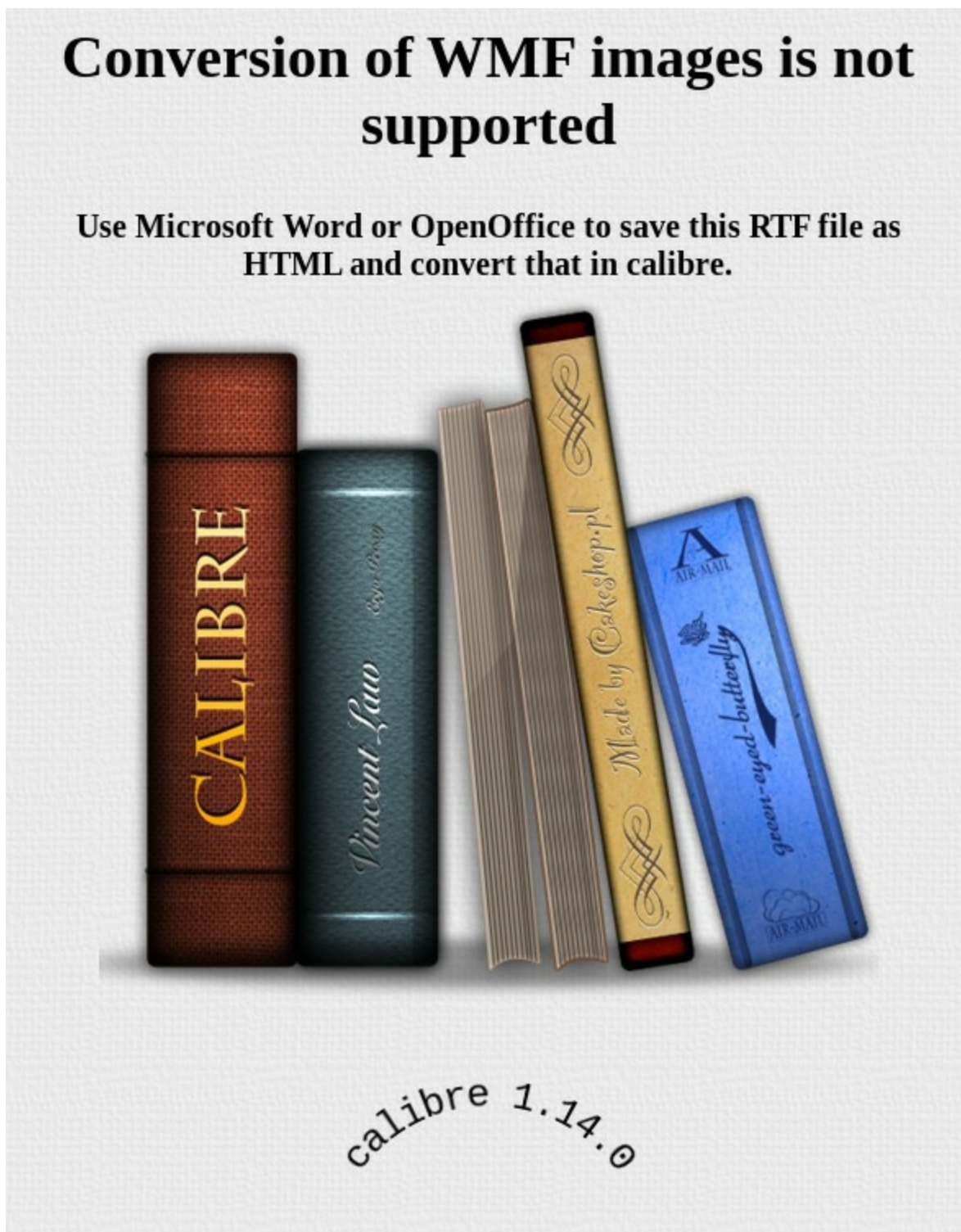
Статус:закончен

Примечания автора:

1. "Золото моих чувств"
2. "Чашка кофе" (можно читать как отдельную историю)
3. "Золото моих чувств. Примирение"
4. "Флейта"
5. "Танец"
6. "Да, Себастьян!"

7. "Дикий кот в моих руках"

8. "Зеленый чай"

Пролог.

Я удобно устроился в мягком кресле. И скрестил ноги в лодыжках. И почему именно сегодня? Это интервью должны были взять еще неделю назад, но как обычно все зависит от журнала и газеты. И вот сегодня утром меня поднял этот писклявый голосок и предложил, наконец, встретиться для интервью. Собственно, я жду ее уже десять минут, непозволительная роскошь в моем положении, а в ее - непозволительная грубость. Я снова немного съехал в кресле. И мои мысли плавно перешли на более насущное – новую песню. Я в последнее время четко чувствую, что мне чего-то не хватает. Точнее, не мне лично, хотя это тоже, а звучанию моей группы. Марс шутит, что мне не хватает личной жизни.

Возможно, он прав.

Мои мысли нарушило шуршание и облако приторного аромата духов. О! Она здесь.

- Простите, что опоздала. – Улыбнулась милостивая шатенка, усаживаясь в кресло, облизнула губы. Я последнее время совершенно утратил вкус к женской ласке. Мне так и хочется в своей постели тонкое мужское тело, маленькие бусинки сосков и твердо стоящий член у меня во рту... - Энтони, я бы хотела сразу перейти к делу, а то у меня совершенно мало времени.

Это она мне? Таааак, этот сорт мы знаем.

- Во-первых, вы опоздали, во-вторых, я не разрешал называть себя по имени, в-третьих, кто вам вообще сказал, что я трачу ваше время, а не свое? А теперь о том разговоре, который, похоже, сегодня так и не состоится, потому что через пять с половиной минут мне нужно быть совершенно в другой части здания.

Я лениво поднялся с кресла и не спеша пошел к незапертой двери. Она подавлено молчала, забыла, видимо с кем у нее интервью. Я - Мираж, и я один из тех, кто сам оплачивает свое ремесло. А это, я скажу вам, очень сложно, если сидеть в удобном кресле.

Я посмотрел на часы. Полпервого, если потороплюсь, то успею на обед, и ребята даже будут есть не вчерашнюю пиццу.

Я торопливо прошел холл и завернул за угол, еле успел затормозить около лифта. Остановился и немного повернул голову. Я не знал, что так бывает, но вот он стоит, и прикусил губу.

Мальчишка, не больше семнадцати, в руках футляр и в глазах слезы. Я немного наклонился и нажал на кнопку вызова лифта, так как он даже не потянулся к ней. Простые джинсы и обычная футболка, в руках, кроме футляра, пакет, а руки мелко дрожат. Да он на грани.

Двери открылись, я сделал шаг, он смотрел мокрым взглядом и не двигался. Я протянул руку и мягко дернул его на себя. Возможно, я просто не рассчитал силы, но он вдруг уткнулся мне в грудь и разрыдался. Боже... тонкое тело в моих руках вздрагивало и всхлипывало. От мальчишки пахло лимоном, я даже улыбнулся, нашел, о чем думать.

Я нажал на кнопку третьего этажа, там есть кафетерий, отведу парня, ему нужно попить. Он продолжал стоять и плакать у меня в руках. Лифт остановился, и я, мягко подталкивая его, вышел в холл.

- Простите. – Услышал я чуть хриплый от рыдания голос.

- Пойдем, сядем. Кофе или чай? – Он непонимающе поднял на меня свои мокрые черные глаза.

- У меня...

- Тебе успокоиться нужно. Садись.

Он послушно сел на стул и положил футляр на столик, а пакет устроил у себя на коленях. Я сходил за чаем себе и соком ему, какой я сегодня добрый, сам себе удивляюсь. Когда я вернулся, парень все так же сидел, задумчиво водя пальчиком по футляру. Глаза все так же мокрые, и губы дрожат.

– Так, выпей.

Он ухватился за прохладный тонкий стакан чуть дрожащими руками.

- Спасибо, не стоило, я бы сам... - он замолчал, потому что поднял на меня глаза и застыл. Узнал.

– Простите.

Смутился, а я сидел и обалдевал сам от себя. Никогда не был альтруистом, нет, я знаю, что очень снисходителен к своим парням и что искал их очень долго по всем приютам. Что они талантливы. Но что меня могло привлечь в этом мальчишке? Его смазливость? Вряд ли, Кот смазливей.

Я снова отвлекся, на его взгляд.

- Что-то не так? – Он покачал головой и сделал глоток из стакана, какой-то торопливый и жадный. Облизал губы. Я знаю эту жадность. Я печально вспомнил первый день рождения Марса, как он жадно ел торт и облизывал руки. Детдомовские ребята мало что видят в этом мире. И присмотревшись повнимательней, я заметил и чуть потертую футболку, и немного неровные ногти. Да, я редко ошибаюсь.

- Вы Мираж? – тихо спросил меня парень и застыл, то ли от своего же вопроса, то ли от того, что я сижу рядом.

- Да, я Мираж. А ты?

Он покраснел, на бледной фарфоровой коже это было красиво.

- Шел. – Прошептал он.

- Что привело тебя в студию, Шел?

Он дернул себя за прядь чуть длинных волос и, робко улыбаясь, тихо проговорил.

- Я играю. Думал, что возможно... - и тут он снова опустил лицо и по щекам полились слезы. Первым моим порывом было вскочить и пойти набить морду тому, кто обидел существо, сидящее передо мной.

- И на чем же ты играешь?

Он снова поднял голову и улыбнулся такой улыбкой, что я понял, я уже никуда не отпущу его. На чем бы он ни играл.

- Флейта, – просто произнес Шел.

- О! Вот этого мне как раз и не хватает, для полного счастья.

Он непонимающе округлил черные глаза.

- В каком смысле?

- У меня есть предложение для тебя...

Глава 1. Знакомство с «L'iris noir».

- Предложение?

Я заметил, как в черных глазах зажглось понимание.

- Да. Давно ты играешь?

- С пяти лет. – Немного поерзав на стуле, ответил он.

- А сколько тебе сейчас? – я улыбался про себя. Он мило покраснел, опять, и еще тише ответил.

- Семнадцать.

Я покрутил чашку у себя в руках, конечно, я имел с этим дело, нужно будет оформлять бумаги и съездить в приют, в котором он живет. Он истолковал мое молчание по-своему и быстро проговорил:

– Но у меня скоро день рождения, то есть мне будет восемнадцать и...

- Когда? – улыбнулся и спросил я, он смутился.

- Через год.

- Да, год это скоро. Чем еще увлекаешься кроме игры на флейте?

Он ошарашенно смотрел на меня. Не понимая. - Объясняю. Моя группа «L'iris noir» - ты это, я думаю, знаешь, все же мы знамениты. Так вот, мои ребята живут в студии, и конечно няnek и горничных у нас нет, каждый что-то делает сам. Я никого ничего не заставляю делать, это личная инициатива каждого из них. Но: у меня дисциплина, никакой ругани и брани, я этого просто не перевариваю, и в воскресенье у нас тишина.

- А почему члены группы живут в студии? – спросил он.

- Потому что они не имеют своего жилья, – уклончиво ответил я. Он понимающе кивнул. Что мне нравилось еще в таких вот ребятах - очень быстро все усваивают и схватывают на лету.

- Вы хотите, чтобы я поехал с Вами?

- Так, давай договоримся, на людях ты зовешь меня Мираж, никаких «Вы», дома Энтони или Тони. – Я чуть улыбнулся, когда он облизал сладкие апельсиновые губы. И что за мысли? – Отвечая на твой вопрос: да, я хочу, чтобы ты поехал со мной, посмотрим, как ты будешь звучать вместе с ребятами.

- Я раньше не играл в группах, и опыта у меня нет, – серьезно сказал Шел.

- Я понимаю. Нужно будет время, чтобы мы спелись и сыгрались, поэтому завтра я хочу, чтобы мы съездили в тот приют, в котором ты живешь.

Парень вжался в стул, и совершенно круглыми глазами смотрел на меня.

- Откуда ты узнал?

- У меня глаз на это очень хорошо наметан. – Я многозначительно посмотрел на его футболку.

- Я не оборванец... - опустив глаза на стакан и сглотнув, проговорил он, а потом достал из кармана смятую бумажку и положил на столик, встал. – Спасибо, но я думаю, что ничего не выйдет.

Я улыбался как идиот, про себя. Гордый. Мммм!

- И куда ты собрался? – я оставил недопитую чашку чая и, схватив бумажку со стола, догнал мальчишку у выхода.

- Я сначала подумал, что вы и правда хотите меня... - о да, это звучит так соблазнительно. - ...В свою группу, но я никогда не верил в бесплатный сыр в мышеловке. Простите.

Он прижал к себе футляр и пакет и ускорил шаг. Да, с Марсом и Котом было легче, хотя они такие же упрямые.

Я догнал его и остановил за плечо. Повернул к себе: глаза на мокром месте.

- Послушай, я не хотел обидеть. Поехали, познакомишься с группой и ты увидишь, что все, что ты сейчас себе надумал - глупо.

Он резко дернул плечом, вырываясь, и хрипло прошептал:

- Что вы захотите за то, что я буду играть в группе?

- Я знаю, какие слухи обо мне ходят, я читаю газеты каждое утро, поверь, в них есть, конечно, доля правды, но я не насильник и, уж тем более, не беру плату. Да и за что? За то, что ты будешь играть?

- Почему ты спросил про приют? – тихо, и в глаза не смотрит. Ресницы трепещут, и от них мягкая тень на щеках. Красивый. И если честно, я вру сейчас безбожно. И он снова перешел на «ты», видимо, успокоился.

- Шел, я объясню, поехали?

- Меня будут искать. – Твердо и поднимая глаза.

- Ох, а то я не знаю, что ты еще маленький.

- Не в этом смысле. – Серьезно. Я улыбнулся и потрепал каштаново-золотистые пряди волос. Он шокированно приоткрыл губы. – Мне нужно вернуться к шести.

- Отлично! Поехали.

Я знаю, они очень недоверчивы, прям как дикие зверьки, мне с Марсом пришлось полгода только подстраиваться и пытаться как-то его разговорить. Было трудно, но с Котом было еще трудней. Этот парень вообще безбашенный, но гитарист превосходный. Трудные подростки, буйные, шумные... Почему я выбрал именно это?

Потому что от них впоследствии, если сумеешь добиться доверия, получаешь такую отдачу, что сам удивляешься. Нет, они не считают меня отцом, скорее, старшим братом, и совершенно не стесняются своей прошлой жизни. Марс, я знаю, до сих пор ездит в приют и возит подарки на Рождество малышам. Я не меценат, они работают за зарплату и тратят свои деньги сами, как захотят. Есть, конечно, условие – никаких сильных наркотиков. И они это соблюдают. Потому что знают, за это им будет плохо. С другой стороны вечеринки... ох, помню, сколько было паники при первой...

Я выплыл из мыслей и остановился около нашей студии. Краем глаза увидел, что наши соседи на месте. Давно не видел Терри. Нужно будет заглянуть вечерком.

Шел сидел всю дорогу тихо, пристегнулся и сжал свои вещи. Смотрел в окно.

- Приехали? – спросил он.

- Да, пойдём, ребята должны быть на месте.

- Хорошо. – Он все еще не верит мне, ладно, предстоит работа, очень сложная и почти ювелирная. Раскрыть потенциал и приручить. Мммм, прелесть!

Честно, я сам не мог понять, откуда такой азарт и предвкушение. Но я отдаю себе отчет, что он младше меня на тринадцать лет, и что я, все же, чертов извращенец.

- Ничего не бойся и ничему не удивляйся. – Вылезая из машины, предупредил я. Он лишь кивнул.

Мы прошли по дорожке и поднялись на крыльцо, я достал ключи, открыл. По ушам сразу ударила громкая музыка, точнее, долбежка Майлза.

Шел округлил глаза и вжался в меня, так как я стоял немного сзади. Я чуть приобнял его за плечи и подтолкнул в холл.

Потом взял за руку и повел в студию, туда, где надрывался Майлз.

Когда мы прошли и он нас увидел, то покрутил палочками и снял наушники.

- Мираж! А мы тебя ждали!

- Привет.

- Как интервью? – с дивана раздался голос Кота.

- Не было, она опоздала на десять минут. Так, где все остальные?

- На кухне. А это кто, довесок от той, которая осталась без интервью? – насмешливо спросил Кот, поднимаясь с дивана. Кот - это у нас нечто сексапильное и берущее на себя фанатов. Высокий, накачанный брюнет с ярко-зелеными глазами. Сегодня хоть одет, а то обычно в одних джинсах.

- На кухню, буду знакомить. – Они без вопросов пошли за нами, я не отпустил руку Шела и почувствовал, что он нервничает. Ладонка в моей руке была мокрой.

На кухне играла тихая музыка, и пахло едой. Ребята смеялись и негромко разговаривали. Вообще, была атмосфера семейности. У меня дома такого нет, поэтому я не люблю обедать дома. А это приходится делать почти каждую субботу. Моя мать обожает эти обеды...

Мы вошли, и ребята замолчали, Шел дернулся. Я увидел удивленный серый взгляд Марса.

- Шел? Тони, ты где его откопал? – Марс вскочил со стула и обнял мальчишку. – Привет, Мыш! – Рука из моих пальцев выскользнула, и парнишка вцепился в Марса.

- Андреее... - взвыл ребенок и расплакался.

- Эй, ну ты чего?

Я впервые увидел у Марса столько заботы, и меня немного взяла зависть. Шел так

прижимался к нему, а ко мне так только на пике истерики. Я попытался выкинуть такие мысли, они пока ни к чему, потому что он кое-что скрыл от меня, а я не люблю этого.

- Очевидно, что с некоторыми из нас ты уже знаком? – немного сухо. Шел оторвался от плеча Марса и улыбнулся мне.

- С Андре.

- Мы в одном приюте были, а потом Шела усыновили, – радостно проговорил Марс. А я увидел. То, что он не заметил, страх и отчаянье в глазах мальчишки. Усыновили?

- А я подзабыл, что Андре играет в твоей группе... - немного нервно, как мне показалось. Подзабыл? Хм...

- Ну, кроме Марса здесь еще есть люди. – Манерно протянул Кот.

- Да. Познакомься, Шел, это Кот, свое настоящее имя он не помнит, поэтому мы его зовем только так, ну, иногда Тони его Котярой обзывает, за дело, конечно! – начал Марс. Я потянул парня на себя и усадил на стул. Продолжил за Андре.

- Дальше, Майлз - барабаны.

- Приют Девы Марии, чтоб он сгорел в адском пламени. – Проговорил Майлз. Я улыбнулся, да, адское место, забрал бы оттуда всех детей. Отец мне уже предлагал открыть свой приют, я пока думаю. Шел улыбнулся.

- Бетховен – клавиши. Если потерял его - ищи в библиотеке, всегда там, даже странно, что сейчас сидит здесь. - Подхватил Кот.

- Я проголодался, одними знаниями сыт не будешь, и, между прочим, сам ты книжный червь. – Они засмеялись. – Приятно познакомиться, Шел. – Почти галантно.

- Ну и самый главный среди нас – Мираж. Брат, отец, жилетка и вообще хороший парень, только он очень часто об этом забывает. Соло. – Немного дурашливо представил меня Бетховен. Мы засмеялись, и Шел вдруг озарил кухню своей улыбкой.

- Я же говорил тебе, что ничего страшного не произойдет.

- Это ты ему говорил? Не верь...

- Коот! Поймаю и отшлепаю. – Пригрозил я.

Вообще, у нас не часто такая вот обстановка, они, видимо, хотят произвести положительное впечатление на нового мальчишку. Да и Марс у нас, все же, старше чем они все, поэтому к нему прислушиваются.

- Ладно, познакомились.

- Эээ, я вообще-то есть хочу, давайте закажем пиццу с анчоусами? – проплакал Кот.

- Эй, я между прочим рагу овощное приготовил, бездарь. – Наигранно серьезно от Бета.

А я смотрел, как Шел внимательно следит за ребятами, как подмечает все жесты. И нежно улыбается от руки Марса на его плече. Я задумался. Если его усыновили, почему он так одет и так жадно, иногда, смотрит на тарелку с хлебом? Конечно, он солгал, что не помнил Марса, и тот это понял сразу. Зачем?

- Как твоя семья? – тихо, под звуки разборки и громыхание посудой, спросил его Марс, я прислушался, но парень ничего не ответил, покачал головой и накрыл руку Марса своей. Странно.

- Давайте обедать! – Перед ним поставили тарелку, и я увидел эту нерешительность.

- Ешь. – Тихо, на ухо ему шепнул Андре.

- Спасибо большое. – Он ел аккуратно и неторопливо. Играл, я это видел. Да что не так с этим ребенком?

- А на чем ты играешь? – поинтересовался Бет.

- Флейта, – облизнув губы, проговорил Шел. Ребята непонимающе уставились на меня, все кроме Марса.

- Мне кажется, что нам чего-то не хватает и почему бы это не его флейта? – принимая чашку чая от Кота, спросил я.

- Ну, мы ничего против не имеем. Нежности захотелось, Мираж? – засмеялись ребята. Шел обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

- Возможно, будет лучше, если мы поедем и проведем небольшой кастинг флейты... м? – я улыбнулся мальчишке, он покраснел.

Она звучала печально, так, как будто за окном падал крупный дождь, и маленький котенок сидел и ловил эти капли своим нежным тельцем. Дрожа и всхлипывая. Я прислонился к косяку и нервно курил. Парень играл так, как будто от этого зависит его жизнь. Я видел нервно сжимающего руки Марса и задумчивого Кота, и Бетховена, который смотрел в одну точку. Майлз сначала скептически отнесся к новому инструменту, но сейчас был удивлен.

Шел отложил изящный инструмент и облизнул губы, так вот откуда эта привычка. Он посмотрел на них, ребята молчали. Потом перевел взгляд на меня.

- Это было великолепно.

- Правда? – хрипло. А в глазах столько радости, хотя на лице совершенно непроницаемая маска.

- Да.

- По-моему, ребятам не очень понравилось, – печально произнес Шел.

- Мы в шоке. – Кот встал и протянул руку Шелу. – Добро пожаловать к нам.

Мальчишка приоткрыл губы и улыбнулся, немного натянуто. Пожал руку Коту.

- Я рад, что ты теперь с нами. – Просто сказал Марс. И обнял его. Остальные тоже пожали руки. Я стоял и думал о том, какую тайну я снова открою. Потому что у этого парня действительно есть секрет.

- Пойдем, покажу тебе твою комнату. – Улыбаясь, позвал я. Его тут же отпустили, и он несмело подошел ко мне.

- Спасибо. Я не ожидал, что понравлюсь тебе.

Еще как, малыш.

Глава 2. Первая проблема.

Мы поднимались по лестнице на второй этаж. Я, когда покупал это помещение, был приятно удивлен наличию жилых комнат. Их здесь было семь. В одной я сделал библиотеку для Бета. Он тогда в восторге пропал на сутки. Обожает читать, «глочет» книги не смотря на размер и содержание. Я иногда с восхищением думаю о том, как же у него в голове все не пугается.

У каждого члена группы своя комната, чтобы не мешали друг другу в те короткие передышки, которые я им устраиваю. У каждого свое пространство, которое они заполняют тем, что им нравится. Я знаю, что Кот все свободное место заставляет дисками. Фильмы, мультики, игры. Обожает вечером, если он, конечно, свободен, с тазом попкорна смотреть очередной кинематографический шедевр. У Майлза в комнате полно фарфоровых статуэток, я, если честно, немного не понимаю это хобби, но если ему нравится и он скупает их кучами, это лично его дело. У Бета идеальный порядок и стопки прочитанных и не прочитанных книг. Причем он их разделяет каким-то особым способом; я однажды взял одну и положил не туда - ору было столько, что я зарекся приближаться к его книжным горам. Марс, пожалуй, самый безликий из нас, но я знаю, что ему нравятся открытки. Он тщательно прячет их в столе под нотными листками. Или в папке под матрасом. Скрытый, но в то же время абсолютно открытый для нас. Это сочетание и привлекло меня в нем, когда я впервые увидел эти затравленные серые глаза и пальцы, судорожно сжимающие гриф гитары.

Я посмотрел на парнишку, идущего рядом, и улыбнулся. Он был взволнован и все время облизывал губы. Проходя мимо зеркала, которое висело на площадке второго этажа, я взял со столика новую гигиеническую помаду. И протянул мальчишке. Он остановился и

непонимающе посмотрел на меня.

- Привыкай, завтра нас ждет поход по магазинам, ты должен выглядеть соответствующе стилю группы. И со внешностью тоже будем работать.

Он кивнул и попытался спрятать помаду в карман.

– Намажь губы.

Шел округлил глаза и несмело подошел к зеркалу. Я следил за каждым его жестом. Аккуратно разорвав упаковку, он открутил колпачок и поднес прозрачную помаду к розовым губам. Я застыл. Как змея перед флейтой факира. Наши глаза встретились в зеркале и Шел вздохнул, совсем тихо, но я стоял близко и услышал. Он провел помадой по губам, не разрывая зрительный контакт.

- Ты носишь линзы? – заканчивая меня гипнотизировать, неловко спросил он. Я очнулся.

- Нет. Полная гетерохромия радужек.

Он улыбнулся.

- Уникальное явление. – Шепотом проговорил он. Я улыбнулся и кивнул.

- Пойдем, комната небольшая и, честно сказать, мы ее не использовали уже давно, раньше хранили там разные ненужные мелочи...

- Какие? – заинтересованно.

- Сломанные палочки и оборванные струны... шучу.

Мы как раз прошли по коридору до конца, я открыл дверь напротив своей. Как символично.

Занавески были опущены, в комнате был полумрак, я нашарил выключатель и нажал. Яркая лампа дневного света озарила пространство. Шел охнул. Да. В комнате были кровать и шкаф, письменный стол с компьютером, и в углу стоял синтезатор.

- Нужно будет сказать Бету, он потом уберет его. Вообще комната не жилая, так что теперь она твоя.

Обои были нежно-лилового цвета, уж не знаю, кому из нас пришла эта идея. На полу лежал на два тона темнее ковер, и белье на постели было сиреневым. А покрывало черным. Вообще создавалось впечатление будуара. – Можешь сделать с ней все что хочешь, расцветка не очень подходит для парня... - зачем-то сказал я. Шел повернулся ко мне и вдруг обнял.

- Спасибо. Я не ожидал.

- Ну, что ты, я же не мог постелить тебе на диване в студии... Это место занимает Кот. – Он фыркнул и поднял на меня свои черные глаза, сейчас, под дневным светом или оттого что он так близко, я увидел в них чуть золотистые искорки, как и в волосах. Красивый мальчик. Он отстранился. И немного несмело подошел к столу, провел по слегка пыльной поверхности. – Потом попросишь парней, они помогут убратъся.

- Нет, я сам смогу. – Немного хрипло.

- Могу я задать тебе вопрос? – осторожно начал я. Он немного напрягся, но кивнул. Я облокотился на стену рядом с дверью. – Марс сказал, что тебя усыновили...

- Андре не знает, и я бы не хотел, чтобы узнал.

Его спина была слишком ровной, я оттолкнулся от стены и мягко повернул его лицом к себе. Он был грустный.

- Они вернули тебя в приют?

Он качнул головой.

- Не совсем. Мадам и мсье Стюарт усыновили меня, когда мне исполнилось двенадцать. Сначала это было похоже на сказку. Каждый ребенок в приюте мечтает о родителях. Каждый. – Он покачал головой и попытался отвернуться, я не дал. Приподнял его лицо за подбородок и четко проговорил:

- Что произошло, и почему ты оказался в другом приюте?

- Я не хочу отвечать на первый вопрос, а в другом приюте я оказался, потому что попросил об этом служащего в отделе по опеке. Она не сопротивлялась, им все равно, куда нас пихать. – Я чувствовал, как он напряжен, только не знал: это от разговора или от моей близости.

- Значит, Марс уверен, что ты живешь в семье, а ты голодаешь в приюте.

Он дернулся.

– Я заметил, что он не просто относится к тебе как к товарищу по одному дому, а ближе. Зачем обманывать его? И, он мог бы помочь...

- Нет. Я сам могу позаботиться о себе. Я благодарен тебе, что ты предложил мне место в группе, я отработаю...

- Шел, я уже говорил, что мне важно как ты играешь, и что об отработке чего-либо речи не идет. И еще, я понимаю твою гордость и желание самостоятельности...

- Нет. – Снова немного нервно и отходя от меня на шаг, я отпустил его. – Дело не в

этом. Ты же ничего не знаешь обо мне... Я... у меня есть немного денег, и я сам... в общем... - он заметался, я видел, что мальчишка снова готов разреветься. Я нахмурился и поймал его за запястье. Притянул к себе.

- Тихо, успокойся. Ты зарабатываешь?

Он судорожно покачал головой.

- Я играю на улице. – Немного печально. А я вдруг понял.

- Попрошайничество. – Он вскинул голову и со злобой посмотрел на меня.

- Ты думаешь это легко? Легко для меня? Я почти год собирался с силами, чтобы сделать это, потому что кушать хотелось до одури! – зло процедил он.

- Крыша? – серьезно спросил я, а он дернулся и застыл. Он думает, если я обеспеченный, то совершенно ничего не знаю о том, что творится на улице. Глупый. – Ты все время забываешь, с кем говоришь. Я, уже почти восемь с половиной лет, общаюсь с такими как ты и знаю очень многое, даже то, что совершенно не красит директоров приютов.

- На улице не так просто выжить с таким лицом как у меня. – Глухо произнес он, я хмыкнул.

- Платишь «крыше» телом?

- Не всегда. – Сжав челюсть, прошептал он. Сейчас передо мной стоял не просто семнадцатилетний мальчишка, а абсолютно взрослый человек. Старше Марса. Умнее Бета. И несчастней котенка в дождливую погоду.

- Если откупишься, отпустят? – совершенно серьезно спросил я.

- Я не знаю, Тони. – Так же серьезно ответил он. – Деньги для них самое главное, может получиться так, что и ты, вместе со мной, попадешь в кабалу.

Я улыбнулся и прижал его к себе спиной, мягко проговорил.

- А если мне доставит удовольствие побороться за тебя с ветряными мельницами?

Он вздохнул.

- Ты странный, Мираж. Ты ведь даже не знаешь, кто я.

- Люблю тайны. – Я позволил себе мягко провести пальцами по контуру его лица и также мягко зарылся в волосы.

- Похоть. – Хрипло проговорил он. Я хмыкнул.

- Не без этого. Ты же сразу это понял, так ведь?

Он кивнул.

- По глазам. На меня всегда так смотрят, но чаще я игнорирую это. Тебя не смог.

- Я просто уловил момент, Шел. – Прошептал я в пахнувшие лимоном волосы.

- Не надо. – Почти не слышно.

- Я уже говорил, я не насильник. Если ты не захочешь, ничего не будет, ты просто будешь играть в моей группе и создавать музыку вместе с ребятами, я все улажу с приютом и с теми, кто держит тебя на поводке.

- Ты так уверен? – он стоял так близко, что я слышал, как он нервно дышит и пытается не сбежать из моих рук. Зверек, дикий зверек, которому не хватает нежности. Но пока ни я ни он не в состоянии дать друг другу ее. Позже, возможно, он немного раскроется и перестанет дрожать от прикосновений чужих рук. Я помогу.

- Уверен. Не было еще никого, кто мог противиться мне. – Не считая Терри Стоуна-Гранта, хмыкнул я про себя.

- Ты сейчас о чем говоришь, о моем положении или о том, как затащить меня в постель? – немного оборачиваясь, спросил он. Я наклонился и прошептал ему в ушко:

- Обо всем.

Я ощутил, как его пробирает дрожь.

- Мираж, не надо.

Я отступил на шаг и отпустил его.

- Для начала поехали, начнем улаживать дела с приютом, я не намерен постоянно дожидаться тебя на репетиции. – Немного строго. Он улыбнулся и кивнул.

Я заметил, как он обводит комнату восторженным взглядом, как он уже хочет вернуться, хотя еще не ушел.

- Спасибо.

- Пока не за что.

Мы сели в машину, он оставил флейту и пакет в своей комнате и был счастлив от этого, я видел, как черные глаза блестят, но стоило нам подъехать к серому зданию, улыбка сползла с лица и исчезла из глаз. Передо мной снова сидел совершенно безэмоциональный

юноша.

Мы вошли в здание. На первый взгляд было все прекрасно и даже идеально, но я видел нечто другое. Затравленные взгляды, у детей помладше надежда и зависть. Они все, как голодные волки, смотрели на Шела, он немного нервничал, об этом говорили спрятанные в карманы руки. Но лицо не выражало никаких эмоций. Он привел меня к кабинету с золотой табличкой «Сандра Пери. Директор».

Я постучал. Мне ответили:

- Чего надо?!

Я хмыкнул и открыл дверь. То, что я увидел, не вызвало во мне абсолютно никаких эмоций, я это уже видел. Парень с оголенной задницей стоял и принимал розги. На молочной коже уже было пять хлестких ударов. Мадам Пери - женщина средних лет, в строгом платье и с этими самыми розгами в руках, обернулась на дверь и уже хотела высказаться, но увидела Шела.

- Эээ... - совершенно глупо протянула она. – Что Вы хотите?

Я не собираюсь рушить ее устои воспитания, я не собираюсь защищать всех, мне противно от того, что земля носит таких как она. Властители мира... Власть над детьми! Я сам не понял, откуда взялся этот порыв, я просто подошел и вырвал у нее розгу, сломал.

- Я хочу, чтобы, немедленно, все документы на этих детей были у меня на руках. И если вы, мадам, сделаете все быстро и без шума, я могу Вам обещать, что Вы останетесь на этой должности, а не будете мыть полы в супермаркете! – прошипел я. Ее влажные бледные глаза округлились, и она уже хотела что-то возразить. – Я рекомендую Вам сделать все быстро!

Парень медленно разогнулся, и я понял, что это не парень, а девочка. Она надела джинсы обратно и, чуть хромая и морщась, подошла к нам.

- Привет, Шел. – Хрипло и неэмоционально.

- Привет, Ад. – Так же спокойно поприветствовал он.

Я чувствовал, еще минута промедления, и я не ручаюсь за себя. Конечно, бороться против этого бесполезно, если я закрою это заведение, их всех распределят в другие, и кто сказал, что там будет лучше. Но этих двоих я заберу.

- Я не намерена разговаривать с вами в таком тоне! Да кто вы такой?! – а в глазах уже цифры с многочисленными нулями, которые она мечтает положить себе в карман.

- Меня зовут Энтони Максвелл, больше Вам, мадам, знать не положено. Я жду бумаги.

- Это так все просто не делается... - начала она. Девчонка хмыкнула. Она была хорошенькой, с огромными голубыми глазами и неровно обрезанными рыжими волосами.

Россыпь веснушек на бледной коже и темные ресницы. Маленькая, ей на вид можно было дать лет пятнадцать-шестнадцать.

- Мадам, я прекрасно знаю, как это все делается. Хотел сделать все по-тихому, но, видимо, не выйдет. – Я развернулся и сделал шаг по направлению к выходу, при этом взяв детей за руки.

- Мсье Максвелл, я думаю, мы договоримся. – Конечно, старое ничтожество. Я отпустил детей и развернулся...

Эта сделка была самой короткой и даже обошлась мне не в такую уж круглую сумму. Странно, видимо, она испугалась, что я вообще передумаю. Девочку звали Аделаида Кормак. Ей было почти восемнадцать. В ее деле, которое я забрал у этой скотины, значилась страшная вещь. Продажа. Я задохнулся от этого слова на фотографии грустной девчонки с толстой косой. Она попала сюда только полгода назад. Ее родители погибли в авиакатастрофе, из родственников никто не захотел брать на себя обузу, и ее отдали в этот приют.

Я стоял и курил на пороге приюта. Я был в гневе. И когда зазвонил телефон, еле сдержался, чтобы не гаркнуть.

- Да?

- Привет, Тони. – Мягко промурлыкали в трубке.

- Ва, Грант, ты ли это? – я улыбнулся.

- Узнал, надо же, Лис, ты мне проспорил! – в сторону выкрикнул Терри. – Как там у тебя?

- Нормально. Вы давно вернулись?

- Нет, только пару дней. Хотел узнать как там дело с моим отцом?

- С этим все в порядке, не волнуйся. Он пока... ближайšie лет семь-десять хлопот нам не доставит. – Я улыбнулся, как же было весело с этим мистером Грантом. Весело, но не долго, он как-то быстро сломался, когда узнал, кто противостоит ему. – Как у вас там, как куколка Лоф?

- У нас тоже все прекрасно. Лоф загорел, теперь плачет в ванной над красным носом...
- На заднем плане засмеялись, а еще дальше проорали:

- Я не плачу! Мне понадобится столько тональника, чтобы скрыть это... - Я улыбнулся, они никогда не изменятся. Обожаю. Из двери вышли две фигурки, Шел держал два пакета с вещами.

- Терри, я перезвоню тебе. А лучше, давайте вечером заходите в гости, познакомлю вас

со своим новым музыкантом.

- О! Отлично! До вечера.

- Давай. – Я нажал на сброс и обернулся к ребятам.

Они стояли и смотрели на меня.

- Вы действительно Мираж? – спросила Ад.

- Да.

- И зачем Вам все это нужно? Я понимаю - Шел, он играет на флейте, а я не умею ничего, кроме...

- В машину. – Строго проговорил я. Они послушно пошли к машине, я зло выругался. Впереди столько проблем.

Глава 3. Неправильные дети.

Ехали молча. Ребята сидели на заднем сидении и даже не говорили. Я не мог сосредоточиться ни на чем. Мысли скакали, наталкивались одна на другую и пихались как в переполненном вагоне метро. Они же дети, должны быть шумными... Черт возьми наше правительство с его законами об усыновлении! Я остановился около нашего с парнями любимого магазина и повернулся к замершим ребятам.

- Сейчас покупки, потом все разговоры. С вами, мисс Кормак, у меня будет долгий разговор, о том, какая нас ожидает взаимовыручка...

Глаза девушки вспыхнули, и она скривилась, я отвернулся и про себя хмыкнул. Конечно, о чем она могла еще подумать, кроме как о постели. Жаль, что не в моем вкусе. Я вышел из машины и открыл дверь перед Ад. Она руки не подала, даже отпихнула мою протянутую, но я не растерялся и схватил тонкую руку моего приобретения. Шел вспыхнул, но тут же взял себя в руки и попытался вырвать ладонь.

- Спокойно. Чего так дергаешься?

Девушка ушла чуть вперед, я хлопнул дверью машины и взял Шела под руку.

- Ничего. Просто... не нужно рассматривать Ад как домохозяйку и постельную игрушку. – Твердо проговорил он, смотря вперед на девушку. В его взгляде не было похоти, он просто предупреждал. Я улыбнулся.

- Сейчас у меня много других проблем, малыш. И мне совершенно некогда рассматривать ее как постельную игрушку и домохозяйку.

- А меня? – тихо спросил он. Я притормозил и повернулся в его сторону, улыбаясь чуть порочно, как на камеру, прошептал.

- С удовольствием. В первом варианте.

Он прикрыл глаза и сглотнул, поднял руку и дернул прядь волос. Привычка.

- Ввиду нынешней ситуации, я, наверное, должен буду отблагодарить тебя как-то.

Я улыбнулся шире.

- В какой ситуации?

- Ты ведь купил нас. – Раздался голос девушки рядом, разрушая такой момент. Глаза Шела, оказывается, не совсем черные, когда он волнуется - в них появляется шоколад. Темный, порочный, манящий. – Поэтому мы теперь принадлежим тебе, Мираж.

Я вздохнул и повернулся к ней.

- Послушать тебя, так у нас опять появилась работоторговля. На счет принадлежности... Вы оба принадлежите группе «L'iris noir». Так как именно на средства, заработанные группой, я оплатил вашу свободу от этого дурдома под названием приют. Если я еще раз услышу хоть слово о покупке, вернешься назад, – я отпустил Шела и не оборачиваясь прошел в магазин.

Я резко перебирал футболки на вешалке, ища размерный ряд для мальчишки. Он подошел тихо и немного нервно проговорил:

- Прости её.

- Мне не за что ее прощать. – Я дернул еще одну вешалку и вытащил футболку, повернулся и приложил ее к парню. Он опустил голову, его взгляд поймал ярлык с ценой, он судорожно вздохнул.

- Тони, это слишком...

- Забудь о том, что ты носил до этого, и потом, я не могу представить тебя Терри в таком вот рванье.

Он вскинул голову. В глазах паника.

- Я не смогу расплатиться и за год за эту футболку.

Я улыбнулся про себя: если девчонка выбрала тактику нападения и полного отказа, то парень просто хочет чувствовать себя уютно и пытается идти на контакт. Мне нравится эта его тактика.

- Шел, ты будешь зарабатывать деньги, как только начнешь играть со мной и группой. И эта футболка и все остальное - подарок.

Он смотрел на меня очень печально, и я вдруг понял, где ошибся. – Ладно, отдашь, как только получишь первую зарплату. Надо еще счет открыть тебе...

Он кивнул и нерешительно взял другую вешалку, с черной футболкой.

- Тогда можно эту, я не очень люблю яркие цвета.

- А какие любишь?

- Серый, черный, синий, зеленый и фиолетовый.

Он улыбнулся.

– Твоя гамма.

Я тоже улыбнулся.

– А кто такой Терри? – можно было подумать, что вопрос он задал просто, чтобы не молчать, но я видел, как он отвернулся и закусил губу.

- Гитарист «Baiser», Терри Стоун-Грант. Мой друг. – мечтательно проговорил я, очень внимательно наблюдая за реакцией Шела. Он немного напрягся, а потом тихо проговорил:

- Друг. Близкий?

- Нет, просто друг. – Ухмыляясь про себя, ответил я, подал ему джинсы, темно-синие с несколькими белыми пятнами. – Оденься.

Он кивнул и, не поворачиваясь, пошел к примерочным; спина настолько ровная и напряженная, что я не выдержал и облизнулся.

- Ты похож на змея. Только не забывай, Мираж, он не добыча.

- Ад, послушай, возможно тебе кажется, что ты права и у тебя есть причины невзлюбить весь мир, но ты пойми, что мир не должен тебе ничего. И если есть люди, которые хотят тебе помочь, то помощь нужно принимать спокойно, а свою агрессию, пожалуй, ты сможешь применить на своих родственниках, когда станешь совершеннолетней.

Она покраснела.

- Прости. Я уже забыла, как это говорить нормально и не злиться.

Я улыбнулся и протянул ей нежно-голубую кофточку, она прыснула и взяла ее. – Да, нежно-голубой мой цвет. – И вдруг стала серьезной. – Мираж, не обижай его, он слишком многое прошел.

Я ухмыльнулся и, мягко растягивая слова, ответил.

- Ну, что ты... у меня на него совсем другие планы.

- Вот эти планы и пугают его больше всего, – удаляясь к примерочным и по пути беря джинсы с вешалки, проговорила она.

Мы провели в магазине около часа, за это время я сумел смутить Шела бесчисленное количество раз. Он краснел от всего и отводил глаза, когда я совал ему в руки упаковки боксеров и носков.

Но сейчас, он стоял передо мной в новой одежде и все такой же смущенный. Черные джинсы с рваными коленками, черная футболка с серебряным принтом, кроссовки, и в руках черно-серебряная куртка. Я улыбнулся и надел на него очки. Он недоуменно приподнял их на лоб.

- Что-то не так с моими глазами?

- Все прекрасно, Шел, ты вообще знаешь, как ты выглядишь?

- Как? – Я не ответил и взяв его за руку потянул к зеркалу в примерочной. Встал со спины и, запустив руку в мягкие волосы, чуть повернул его голову к зеркалу.

- Смотри. – Он снова приподнял очки и посмотрел, в его глазах, в отражении зеркала, не было ничего такого. – Не видишь?

- Что я должен увидеть, Тони?

Я чуть прижался к нему и зашептал:

- Прекрасен. Тонкий. Изящный, милый. Чуть смущенный.

- Ты смотришь на меня предвзято. – Хрипло проговорил он. Я положил вторую руку ему на талию, повел чуть ниже на бедро, левее по поясу джинсов, чуть касаясь кожи живота под слегка приподнятой футболкой. Мы тонули в глазах друг друга, я видел, как парень в моих руках уплывает.

- Возможно и так.

- Ва, Шел, ты просто великолепен! – вырвал нас из омута голос Аделаиды. Я плавно отошел от него, и он прикусил губу. Сглотнул и, незаметно для девушки, поправил ширинку. Хм...

- Вот видишь, не я один так считаю. – Я повернулся к ней. На девушке было легкое шерстяное платье с горлом и высокие сапоги из замши. Пальто она держала в руках. Я одобрительно кивнул. – Отличный выбор.

- Я еще не забыла, как это - ходить по магазинам. И кстати, Шел, я тебе тоже подобрала

кое-что, включая пижаму.

- Спасибо. – Хрипло и смущенно. Интересно, он ведь не девственник, почему же так смущается? Хотя тут могло сыграть роль и то, что он делал всегда, и все не по своей воле. Я покачал головой и расплатился за все покупки, даже не глядя.

Мы снова сели в машину, и тут я подумал о том, что дети голодные.

- Есть хотите?

Шел резко повернулся и медленно кивнул, а вот Аделаида нагло ухмыльнулась и ответила:

- Покорми нас, папочка!

Я рассмеялся. Немного разряжая обстановку, не хочу, что бы Шел думал о грустном.

Мы заехали в ресторанчик, специализирующийся на европейской кухне. Меня тянуло на чизкейки. Мне иногда хочется самой обычной еды. У своих родителей на обеде я не могу позволить себе есть так, как мне захочется, не могу позволить разговор во время еды или, например, читать газету. Высшее общество. Чтоб оно...

- Вкусно? – наклоняясь, спросил я у Шела. Он лишь кивнул. Я чувствовал это напряжение, его можно было потрогать руками, оно было как патока. Вязкое и сладкое. Он тоже чувствовал, но отдавал ли отчет тому, как действует на меня его, казалось бы, простой жест. Макание картошки в соус... и мягкие губы обхватывают эту картошку. А я ловлю себя на том, что все отдам за эти губы. Вот это и страшно, и будоражит.

- Очень. – Ответила Ада, прикладываясь к трубочке. – Я хотела спросить, чем я буду заниматься в твоей группе?

- Если хочешь, можешь просто работать в одном из журналов, вакансию я найду. – Мне почему-то не очень хотелось, чтобы она крутилась под ногами. Я видел, что друзьями они не были, и Шел жутко стеснялся ее, больше даже чем меня. Интересно.

- Ты серьезно! Что это - благотворительность, может, еще мне и квартиру снимешь? – с улыбкой.

- Возможно, потому что в студии у нас больше нет свободных комнат. Было бы неплохо найти тебе жилье... А работа позволит обеспечить себя, я уверен, ты не станешь злоупотреблять моей добротой. Это что касается благотворительности. – Она кивнула и отпила еще сок из стакана. Шел встал.

- Я сейчас... - и пошел в сторону туалетов.

- Знаешь, я бы, на твоём месте, пошла за ним и уже сосалась...

- Хорошо, что ты - не на моем месте, детка. – Усмехнулся я, вставая.

Он мыл руки, лицо сосредоточенное и немного хмурое. Он увидел меня в зеркало. Нет, я не стал бы нападать на него как голодное животное. Мне хотелось, чтобы он сам захотел этого. Чего? Прикоснуться ко мне.

- Почему она смущает тебя? – тихо спросил я.

- Это не так.

- Шел, я же вижу, ты просто замкнулся в себе после посещения приюта.

- Я просто вспомнил, к какому миру принадлежу, а она прямое тому подтверждение. То есть, она испортилась всего за полгода нахождения в этом мире. Когда ее только привезли, Аделаида была тихой и грустной, милой. Сейчас, пред тобой она вся такая, какая есть, то есть раскрепощенная и как будто прожженная грязной ядовитой иглой. Я прожил так всю жизнь и точно знаю, что такое боль и страх, но никогда не опущу голову, а она сдалась сразу. Это не слабость, это скорее защитная реакция. – Он замолчал. Повернулся ко мне. – Прости, я не должен был говорить такие вещи. Просто, мне неприятно находиться рядом с ней. Она все переворачивает и красит в черное. Мой цвет - серый. И я не хочу заляпать его ее краской.

Я сделал резкое движение и притянул его к себе, он уткнулся лицом мне в плечо, его затрясло. Заплакал. Тихо. Боже, ну что за день сегодня у меня?

Он вдруг обнял меня и еще тише зашептал:

- Я вижу, как ты смотришь на меня, я чувствую твое желание и заинтересованность. Но, я пока не могу...

- Шел, успокойся. Я взрослый мужчина, пусть и выгляжу как мальчишка. И я в состоянии потерпеть и не нападать на тебя с сексуальным подтекстом. Уж поверь, я терпеливый. – Он усмехнулся.

- Но будешь давить, да?

- Давить не буду. Буду подталкивать.

Он тихо рассмеялся и снова затих в моих объятиях.

- Ты странный, Мираж. Я думал, что уже через полчаса в студии - окажусь в твоей постели, под тобой...

- Это было бы прекрасно.

Он поднял голову. В черных глазах страх с долей любопытства. – Но не интересно.

- Хочешь приручить меня?

- Хочу. – Я знал, что сейчас нужно сделать, я чувствовал это. И, уже не думая ни о чем, наклонился и накрыл его губы. Он не дернулся, не уперся руками мне в грудь, он просто застыл. Я приоткрыл глаза и столкнулся с открытыми глазами. Парня как будто парализовало. Я чуть отстранился. – Шел? – он моргнул.

- Я не умею.

- Не умеешь целоваться? – без насмешки.

- Не умею принимать ласки. – Совершенно серьезно ответил он и вот тут дернулся из моих объятий. – Отпусти. – Спокойно, я разжал руки. И он попятился от меня, уперся попой в раковину и прикрыл глаза. Дотронулся дрожащей рукой до губ. – Ты поцеловал меня?

- Ну, я бы не назвал это поцелуем.

- А что такое поцелуй, по-твоему? – он убрал руку и выпрямился, посмотрел на меня, немного нервно. Я снова сделал стремительное движение и обнял мальчишку, накрыл его губы. Уже не касанием, а настоящим поцелуем. Сильно, жарко, проникая в раскрытый ротик. Прижимая его к себе, лаская руками по спине и ягодицам, прикрытым тонкой тканью джинсов. Он обнял меня за шею и притянул к себе ближе. Застонал. Тихо и интимно. А я вдруг оторвался от его губ и перешел на шею, думая о том, что это не место и совсем не время распалиться.

- Шел, черт, ты сорвал мне крышу.

- Я не хотел.

- Хотел.

- Да.

И снова: влажные, мягкие губы, со вкусом сладкого соуса. И снова: руки на спине, но я старался не опускать их ниже, запустил в волосы, погладил. Нежный язычок в ответ, укусил мягко, не больно, чтобы было приятно и хотелось еще. Шел тяжело сглотнул и оторвался от меня.

- Энтони, пожалуйста, остановись.

- Сам понимаю, что не то место. Прости.

- Не извиняйся, я же понимаю, что у тебя с утра еще не удовлетворенное желание.

- Да. И как ты заметил?

Он тихо рассмеялся и взглянул на меня лукаво.

- Я не позволю тебе меня отыметь.

- Фу, что за слова... посмотрим.

- Мираж, я не шучу, я не могу так, мне слишком сложно и я не... - Я прижал его к себе и тихо прошептал в волосы, пахнущее лимоном.

- Успокойся, я уже сказал, что слишком просто мне тоже не нужно, таких у меня много и было и есть. Ты пока, возможно, не понимаешь, с кем имеешь дело. Я хочу тебя, да, но не так, чтобы ты просто раздвинул ноги.

- А как?

- Посмотрим.

Он хмыкнул. И вдруг вырвался из моих объятий и весело проговорил, уже от двери:

- Привяжешь меня к кровати и отстегашь плеткой?

Я хохотнул.

- Все может быть.

Он выскользнул из туалета, а я посмотрел на себя в зеркало. Поправил сине-зеленые пряди в темной гриве и ухмыльнулся. В разных глазах был азарт.

Люблю игры, малыш.

Мы еще не успели зайти в студию, как на меня налетел комок шерсти по имени Марс. Я люблю эту псину, и он отвечает мне взаимностью. Я подхватил собаку и прошел на кухню, маня за собой ребят. Они поставили пакеты у входа на кухню и огляделись. А посмотреть было на что.

Марио Лофарго, в тусовке Лоф, сидел на столе и прижимал к себе свою кошку. Лука подросла, но все так же сносила все притязания своего хозяина. Лоф выглядел просто очаровательно, если бы не Лис, я бы сам...

Сегодня моя Дива был в прекрасных белых тонах и в высоких черных сапогах, на клепках с массивной подошвой. Конечно, под летящую белую кофту они не подходили, но кто посмеет сказать это Лофу. Зеленые глаза как обычно подведены, но, видимо, Лис в этот раз присутствовал в ванной, и Марио не переборщил. Я улыбнулся.

Терри Стоун-Грант, в тусовке Змей. Что сказать, сегодня, как и всегда, в красном, под волосы, которые, кстати, отросли, но остались все так же алого цвета. Губу проколол. Мое наваждение...

Ланс Ларсен – Лис, наседка Лофа, точнее, муж. Никогда не присматривался к нему, но он заработал мое уважение только тем, что беспрекословно выполняет все, что пожелает его любимый. Потрясающая выдержка у парня.

Робер отсутствует. Да и понятно, у его Кристины сейчас, наверное, медовый месяц, второй или третий, начался.

И, наконец, наш Факел. Даниэль Стоун. Я перевел на него взгляд и столкнулся с темными синими глазами. Красивый, но стервозный и жутко ревнивый. Хотя Терри, наверное, и не замечает такие недостатки у своего мужа. Но я точно знаю, что Стоун его любит, и сожалею об этом каждый раз, когда смотрю на него. У меня с Факелом с самого первого раза не сошлось. Похожи очень и многое скрываем, поэтому, чувствуя друг друга, не можем не язвить, хотя тоже пытаемся скрыть агрессию. Ради Терри и его нервных клеток.

Когда мы вошли мои ребята затихли и гости повернулись к двери.

- Энтони! – воскликнул Терри и кинулся обниматься. За полгода их тура он успел загореть и немного похудел, но был все так же прекрасен. Я обнял стройное тело и вздохнул. Боже, я действительно соскучился по нему.

- Привет, Змеюка!

- Мираж, дорогой, ты каждый раз будешь приезжать с новой партией детей? – насмешливо спросил Кот. Я отпустил Терри и представил ребят.

- Разрешите представить - Шел. Наш новый музыкант.

- О! – воскликнул Лоф и спрыгнул со стола, обошел Шела кругом. – Какой хорошенький! Где ты его нашел?!

- Там больше уже нет, куколка моя...

- Не твоя, а моя, – проворчал Лис и притянул к себе Лофа, который с горящими глазами разглядывал Шела. А вот я ревниво притянул парня к себе за плечи.

- О! Как все интересно у тебя, Мираж... - пакостно так, проворковал Марио. Я, наконец, отпустил слегка придушенного Марса на пол, и он потопал к Терри, который устроился на коленях Факела. Хорошо, что у меня большая кухня.

- Да, куколка, у меня всегда интересней, чем у вас. Единственная женщина среди мужского коллектива - Аделаида. – Представил я девушку, она немного растеряла всю свою браваду и тихо стояла, прислонившись к стене.

Ей тут же уступил место Кот, но я его знаю, это он от врожденной вежливости, и ни капли заинтересованности, не любит он рыжих. Девушка села. А я продолжал обнимать за плечи моего малыша и думал о том, что меня ждет прекрасный вечер.

- Терри, покурим? – Грант улыбнулся и, чмокнув мужа в губы, встал и пошел на крыльцо, там у нас лавочка, специально для таких вот курильщиков. Я выпустил Шела из объятий и тихо шепнул: – Не волнуйся, я думаю, что тебе нужно разобрать вещи, и, кстати, Ад будет спать в твоей комнате, а ты у меня, малыш.

Я почувствовал, как он напрягся, я не могу лишиться себя его общества... что-то это точно значит.

Глава 4. Я обещаю тебе.

Мы с Терри устроились на лавочке. И я вспомнил тот последний раз, когда мы вдвоем курили здесь. Он был такой трогательный, открытый. Я улыбнулся.

- Как тур? – делая затяжку, спросил я.

- Прекрасно. Мак переживал зря, все прошло просто замечательно. Мы умудрились наработать новый материал для следующего альбома и доснять клип.

- Я рад. Как с Даном? – не знаю, меня, если честно, не очень волнует как у них с Даном, я и так уже все видел, но спросить должен был.

- Энтони, ты же знаешь, у нас всегда идиллия. – Терри улыбнулся немного мечтательно. – А вот у тебя как всегда - сплошные проблемы...

- Ты это о чем, Змей?

- О мальчишке, которого ты послал разбирать вещи. Красивый.

- Терри, ты же знаешь, я всегда выбираю лучшее.

Мы рассмеялись.

- Он знает, что попал в список лучшего для Миража? – Терри закурил еще одну.

- Пока нет, но возможно, что сегодня узнает. – Я затушил свою сигарету и протянул руку, забрал у Гранта его. – Много куришь.

- Нервы. – Тихо ответил он. Я нахмурился.

- Что на сей раз?

- Звонил мой брат... его речь особо от отцовской не отличалась, те же угрозы, та же бравада. Только он обещал убрать меня быстро, если я не перестану топить отца. Да и проблема не в этом... а в том, что я Дану ничего не сказал, знает только Мак. – Он вздохнул. – Трудно снова учиться играть беззаботного парня, когда снял маску.

Я обнял его, просто даря поддержку, погладил по волосам.

- Что говорит Мак?

- Рвет и мечет, но тихо, чтобы Даниэль не узнал, но мне кажется, что он уже все знает и я, иногда, ловлю на себе пронизательные взгляды...

- Так не проще ли рассказать, что у тебя проблемы, чем скрывать все?

- Не хочу, чтобы он нервничал.

- О, Змей, мне кажется, что он больше будет нервничать не зная, в чем дело. И вообще, ты же его любишь, в чем проблема? Решите все вместе, так будет проще.

Он хмыкнул и отстранился.

- Ты стал настоящим профи в таких делах, Мираж.

Я смотрел на него и не мог понять, что происходит. Его черты лица плавно менялись, и я видел совершенно не его лицо. А лицо мальчишки, сейчас разбирающего на втором этаже свои вещи. Я люблю Терри как друга, как брата возможно. Но то, что мне кажется, что они с Шел похожи - это уже перебор. Либо я заигрался, либо это что-то другое.

— Энтони?

- Задумался.

- Я даже могу представить о ком. — Он улыбался так открыто, так заразительно и совершенно не походил на человека, на которого опять давят. Маска? Возможно.

- Расскажи Дану.

Он погрузился и кивнул.

- Нужно только момент подобрать, и собраться с мыслями.

- Нет, лучше сделать это спонтанно, вот прямо сейчас.

Я встал и, проходя мимо застывшего в дверном проеме Стоуна, похлопал его по плечу. — Дерзай, Стоун.

Тот лишь кивнул, и я видел в окна холла, как он сел рядом с мужем и тихо спросил что-то; покачал головой, закусил губу и начал говорить.

Интересный у меня сегодня день, помогаю людям даром...

Я заглянул на кухню, ребята оживленно о чем-то расспрашивали Аделаиду. Я улыбнулся, Шела в кухне не было. Я стремительно пролетел лестницу и около двери в его комнату остановился. Он раскладывал вещи, и те, что были у него раньше, и те, которые мы купили сегодня. Аккуратно складывал на полках в шкафу, расправлял. Я залюбовался. Он

завернул джинсы, чтобы не мешали, и был босиком.

Я, наблюдая за ним, прислонился к притолоке, продолжил свое любование.

Раскрыв последний пакет, он покраснел - там было белье и носки - быстро похватал упаковки и положил на нижнюю полку. Я улыбнулся.

- Интересно, и почему оно тебя так смущает?

Он резко отпрыгнул от шкафа, обернулся.

- Оно не... что ты здесь делаешь, я думал, ты куришь с Терри?

- У него нашлась компания поинтересней... - я сделал шаг и медленно прикрыл дверь комнаты, Шел немного напрягся, - ...А я решил поговорить с тобой, пока ты не надумал чего не следует.

- Я не буду думать... - он попятился, прям как в туалете, но уперся ногами в кровать и сел на мягкий матрас. - То есть я хотел сказать, что понимаю, ведь Ад не может спать с тобой... ой. - Он опустил голову от смущения. Я присел рядом с ним и немного откинулся на кровать, он повернулся и смущенно спросил:

- О чем ты хотел поговорить?

- О том, что тебе не стоит волноваться.

- Я не волнуюсь.

- Шел - это твое настоящее имя? - сменил я тему, потому что я-то знаю что будет и не хочу пугать мальчишку раньше времени. Потому что там, в туалете, где я впервые попробовал эти вкусные сладкие губы, я понял, не смогу отказать сам себе. Хочу.

- Нет. Просто меня так называют с детства, и я привык. Разве ты не смотрел мои документы? - с любопытством спросил он, еще немного поворачиваясь и поджимая под себя ногу.

- Нет, я решил, что про тебя я хочу узнать только из первоисточника. - Он улыбнулся, мягко и даже нежно.

- Любопытство?

Я кивнул.

- Разве это плохо? Я просто хочу знать о тебе немного больше, чем написано в бумагах, которые, кстати, совершенно не отражают сути. Это всего лишь сухие черные буквы на белом листе, а я хочу услышать от тебя твою историю.

Шел снова покраснел и прилег рядом со мной на кровать. Лицом ко мне.

- Я не хочу, чтобы ты звал меня по имени. Мое настоящее имя это прошлое, которое никогда не вернуть. То прошлое, которое я бы хотел забыть и никогда не вспоминать. – Он говорил совершенно безэмоционально, даже сухо.

- Ты говорил, что жил в приюте с детства.

- Детство... ну, скажем так, у меня его не было. А в приют я попал в пять. – Я задумчиво погладил его по руке, не осознавая этого движения. Просто мне хотелось дотрагиваться до него, гладить нежную фарфоровую кожу. Она должна быть нежной, гладкой и должна пахнуть лимоном, как его волосы.

– Мираж?

- Значит, в пять ты попал в приют?

- Да.

- В тот, в котором ты познакомился с Марсом?

- Нет. С Марсом я познакомился в девять. – Он говорил отрывисто, нехотя.

- Почему он назвал тебя «мышь»? – тут Шел улыбнулся.

- Он называл меня Шелковый Мыш. – Он так улыбнулся, что я не выдержал. И притянул его к себе, он не сопротивлялся, даже тогда когда я устроил его на себе и запустил руку в волосы. – Когда я его спрашивал почему, он всегда отвечал одно и то же.

- Что?

- «Ты слишком нежный для этого места».

Мне вдруг стало как-то странно и я, помолчав минуту, понял, что это злость. – Ну, а «Мыш» - это наверное оттого, что я был тихим и всегда предпочитал быть в стороне от всех забав. – Он расслабленно лежал на мне, но я чувствовал, он готов сбежать в любой момент.

- Шел, удобно?

- Не знаю. Это странно. Но я бы не сказал, что неприятно. Энтони, ты пытаешься приучить меня к себе как маленькое домашнее животное? – он приподнялся, и мы встретились взглядами. В его темных, непроницаемых глазах было лишь любопытство. В моих, я знаю, только желание.

- Нет... - я нежно уложил его на кровать и накрыл собой, мягко поцеловал в губы. Он снова не сопротивлялся, но и не проявлял инициативу, даже не обнял меня. Я старался удержаться от грубого желания разодрать на нем одежду и ворваться в это тонкое тело,

перешел на шею. Нежно провел по гладкой коже губами чуть левее, обрисовал языком кадык. Прикусил, Шел запрокинул голову, его дыхание сбилось, и он впервые уперся руками мне в плечи и попытался оттолкнуть.

В другой ситуации, с другим парнем, меня бы это только раззадорило, но с ним... я медленно приподнялся и взглянул в шальные глаза.

- Не надо. – Хрипло прошептал он. Я не стал вставать с него, а просто оперся на локти и внимательно посмотрел в глаза мальчишке, которого я безумно хочу. Приподнял руку и провел по контуру его лица, обвел большим пальцем чуть припухшие губы, прямой, чуть вздернутый носик, лоб, брови. Кончиками пальцев по длинным как у куклы ресницам, они затрепетали, и он прикрыл глаза. – Тони, пожалуйста.

- Неприятно? – После моего вопроса он покраснел.

- Ты всегда задаешь своим любовникам такие вопросы?

Я хмыкнул и наклонился, поцеловал его в щеку.

- Ты мне не любовник, поэтому я могу задавать тебе любые вопросы. Да и будь ты им, я бы вообще с тобой не разговаривал, а занимался бы самым приятным делом...

- Это приятное дело... сейчас упирается мне в бедро.

Я вздохнул.

- Ну, чего ты хотел, ты же потрясающе сексуальный мальчик, и мое "дело" просто не может жить спокойно.

Он хихикнул:

- Я не предложу помощи.

- Я не просил.

Он открыл глаза и печально посмотрел на меня, вздохнул.

- Тони, что мне сказать, чтобы ты понял, что я не игрушка?

- Просто не будь ей. Знаешь, только одному человеку за всю мою жизнь удалось избежать моей постели и моего члена.

- Терри Гранту? – с улыбкой спросил он.

- Да, Терри.

- И ты до сих пор жалеешь об этом?

Вообще разговор был странный, хотя бы тем, что я лежал на нем и хотел его сейчас больше чем разговоров, но так же я понимал, что он не даст мне осуществить свое желание. И это немного злило. Совсем чуть-чуть.

- Нет, я жалею о том, что не могу быть грубым сейчас. – Я почувствовал, как он подомной напрягся. И мне, почему-то, не стало от этого приятно, как обычно бывало в таких ситуациях, мне захотелось, чтобы он расслабился снова. И я, немного сместившись на кровать, погладил кончиками пальцев его плоский животик, он отвернулся от меня и прикусил губу. – Малыш, я предпочитаю жесткий секс, люблю, когда партнер подчиняется беспрекословно, когда я могу делать с ним все, что мне хочется.

- Зачем ты мне все это говоришь? – прошептал мальчишка в моих руках.

- Потому что это важно, я хочу, чтобы ты знал это. Ты все равно, рано или поздно, окажешься в моих руках. – Я встал и уже от двери проговорил. – Прими душ и ложись спать, моя комната напротив, я пойду, скажу Аделаиде, чтобы она готовилась ко сну. Да и ребят разогнать нужно.

Я вышел и прикрыл дверь, прислонился к ней спиной. И что я, интересно, делаю, у меня столько проблем, а я нахожу все новые, он ведь будет теперь шугаться меня. И правда, Мыш.

Я спустился вниз и предупредил Ад, что ее комната готова, Майлз галантно проводил девушку в апартаменты. Я заглянул на кухню. Наши гости уже ушли, оставив в раковине гору посуды, и Кота, который пытался что-то открыть. Я присмотрелся.

- Боже, Кот, это же консервная банка, что ты с ней делаешь, дай сюда!

Он зашипел и аккуратно поставил ее на стол. Банка консервов представляла собой страшное зрелище. Как будто она побывала в пасти хищника и ее, пожевав, просто выплюнули.

- Я ее и так и эдак, а она никак... - пожаловался Кот.

- И что это было, до того, как попало к тебе в руки?

- Сардины. – Почти проплакал он.

- Ты уверен?

- Мираж, я жрать хочу, это овощное рагу не для моего желудка, я проглотил, но так и не насытился.

- Тебя что корми, что не корми... - пожаловался от двери Бет. – Чего над банкой издеваешься? Не умеешь - не берись!

- А ты надо мной издеваешься, я рыбы хочу или мяса, я здоровый мужик, а ты нас зеленью все кормишь!

- Так готовь сам!

Самое интересное, они не кричали, знают, что я не выношу ор и крики. Говорили эмоционально, но на ультразвук не переходили.

- Так, успокоились.

Они тут же прекратили шипеть друг на друга и посмотрели на меня, я смотрел, правда, на банку. – Закажите что-нибудь в ресторане, только молю, не пиццу. У нас завтра первая репетиция с новым музыкантом, так что спать ложитесь пораньше.

Они лишь кивнули, и Кот бросился к трубке.

- Хочу мяса... - услышал я.

Когда я поднялся обратно в свою комнату, Шел уже был тут и внимательно разглядывал обстановку.

Я обожаю желтый цвет и манго. Его тонкий аромат витал в комнате. Это значит, что малыш принимал душ здесь, я улыбнулся. На нем была черная пижама. Волосы влажные.

Он обернулся, когда я вошел в комнату. А я, не обращая на него внимания, скинул пиджак и расстегнул рубашку.

- Ложись, я дам тебе одеяло.

- Тони, а кто это?

Я повернулся к нему, он указывал на фотографию на столе. Моя семья.

- Мои родители. – Я расстегнул пряжку ремня.

- Ты не общаешься ними?

- Почему ты так решил? Общаюсь, просто мои родители не очень хорошо относятся к моей популярности и вообще роду занятий. Мой отец считает, что я отлично бы смотрелся в офисе в кожаном кресле, а мать - спит и видит меня женатым на дочери нашей соседки. Так что мы поддерживаем чисто деловые отношения... семейный нейтралитет. – Я прошел в ванную и включил воду. – Шел, малыш, ложись, завтра рано вставать и у нас будет очень много работы.

- Почему ты не хочешь уступить отцу и сесть в кожаное кресло? – спросил он от двери в ванную. Я умыл лицо и взял зубную щетку.

- Потому что мне это не интересно, и мой отец прекрасно об этом осведомлен, и даже больше, он уже лет пять не спорит со мной на эту тему на субботнем обеде. С мамой сложнее, она не понимает моей бисексуальности.

- Ты бисексуал?

Я улыбнулся.

- Да, но последнее время все больше склоняюсь к мальчикам с черными глазами и с нежным именем... - Его сдуло от двери, и я услышал:

- Спокойной ночи, Мираж.

Я принял душ и надел пижамные штаны. Когда я достал одеяло и лег в кровать, Шел еще не спал. Я это слышал в тишине сумерек. Он старался утихомирить сбившееся дыхание, свернулся калачиком на краю кровати и дрожал.

- Малыш, вот что ты делаешь?

- Сплю. – Со смешком ответил он.

- Иди поближе.

- Тони, я...

- Ты упадешь с кровати, если будешь спать на ее краю.

- Нет, я нормально лежу.

Я вздохнул и обнял его за талию, потянул на себя. Мы лежали на боку, и я прижимал его тонкое тело к себе. Он почти не дышал.

– Тони...

- Неудобно? – прошептал я в маленькое ушко.

- Все хорошо, просто... - пролепетал он.

- Шел, ты странно себя ведешь, то как взрослый, то сущий ребенок. Я уже не один раз говорил, что не насильник. Повторяться не буду. Я хочу тебя, а сейчас расслабься и спи.

Я обещаю тебе, что все еще буду тебя хотеть, утром.

- Мне должно стать от этого легче? – с зевком спросил он, поворачиваясь ко мне лицом и укладывая голову на мою руку. Я улыбнулся в его волосы, даже от моего шампуня не потерявшие запах лимона, еле уловимый, но такой приятный.

- Конечно, ведь это означает, что я не возьму тебя сонным...

Он хмыкнул.

- Такого у меня еще не было... - почти отрубаясь, прошептал он.

А я еще долго лежал, вслушивался в его ровное дыхание и был удивлен, когда во сне он обнял меня. Что-то проговорил, отдельно походившие на «Тепло».

И мне тоже было тепло, от его тонкого и изящного тела в моих руках. И я задумался о том, что свой план по сближению с этой мышью нужно пересмотреть.

Глава 5. Утреннее.

Я открыл глаза и сразу же улыбнулся, потому что перед глазами были темные пряди. Я вдохнул и тут же пожалел об этом. Потому что все внизу живота свело от приятного возбуждения. Свежий аромат от волос и теплая рука на моей груди, все это вкупе просто сносило крышу.

Я немного повернулся, и он плавно соскользнул на мою руку, я любовался этим безмятежным выражением его лица. Провел кончиками пальцев по контуру, задел губы. Он спал и не реагировал, дышал ровно и размеренно. А я задышался от восторга, что спокойно могу касаться его. И не видеть в глазах страх и отчужденность.

Он вздохнул и нахмурился, когда мои пальцы нежно проšliсь по шее к ключицам.

- Мир... - прохныкал Шел. Я вообще-то не люблю, когда мое сценическое имя склоняют, уменьшают или сокращают, но ему можно. Я улыбнулся, и припал губами к его незащищенной шейке. Вчера я решил, что буду действовать мягко, но сегодня мне это уже не казалось актуальным, он так сладко вздохнул от моих губ. Я обнял тонкое тело и прижался к нему.

– Мираж, ты же обещал. – Сипло со сна.

- Я выполняю свое обещание, ты же не спишь.

- Я сплю. – И его ручки уперлись мне в грудь. – Что, пора вставать?

- Нет, я бы хотел, чтобы у тебя встало совершенно другое. – Промурлыкал я в его шею. А он вдруг толкнулся мне в пах бедрами.

- Это? – ехидно спросил он. Я отчетливо чувствовал через тонкую ткань пижамных штанов, что у него прекрасная утренняя эрекция.

- Кто-то хочет поиграть? – мягко спросил я. Он застыл на мгновение, а потом покачал головой. – Я так и думал, но ты прав, нам пора вставать, потому что разбудить оболтусов это целая миссия, и повезло Тому Крузу, который выполняет свои невыполнимые миссии, его бы сюда да ранним утром.

Шел тихо рассмеялся.

- Мираж... - это было сказано так, что я чуть-чуть отстранился и взглянул в блестящие черные глаза. В них было столько всего сейчас, что я боялся утонуть в этих эмоциях. – Спасибо, я впервые за очень долгое время выпался.

- Этому поспособствовала кровать или я?

Он улыбнулся.

- И то, и другое. – А потом выскользнул из моих объятий и побежал в ванную.

Я лежал и думал, что я все же меценат. Потом вздохнул и пошел в общую ванную, все равно все еще спят, но, открыв дверь, я увидел картину маслом - перед зеркалом стояла Аделаида и чистила зубы.

- Доброе утро. – Не растерялся я, девушка была в полотенце. Она вскрикнула и повернулась, наставила на меня зубную щетку, с которой капала паста.

- Энтони, ребята сказали, что у тебя в комнате своя ванна! – И так это звучало, как будто я не могу почистить зубы здесь. Я ухмыльнулся.

- Да, но там сейчас Шел.

Ее глаза сверкнули, и взгляд просканировал меня, остановился на ширинке пижамных штанов.

- И судя по этому, ты провел жуткую ночь. – Голос слегка завибрировал. – Помочь? – Мне тридцать, но поверите, я не снимаю шпюх и не использую людей, если, конечно, они сами этого не хотят, а Ад хотела. Это видно по глазам. Что, интересно, наговорили ей ребята, что она вдруг взглянула на меня так и отложила щетку, сполоснула рот и сделала шаг ко мне? Я не двинулся.

Она подошла почти вплотную и уже садилась на колени, когда я сжал ее руку, и в проеме двери появилась фигура Кота.

- Тони, ты что тут делаешь, у тебя же своя ванная и... - зеленые глаза сузились.

- Доброе утро, Кот. – Спокойно поприветствовал я.

- Доброе. – Так же спокойно ответил он. Аделаида смутилась и вырвала руку из моей хватки.

- Моя ванная занята, я хотел воспользоваться этой, пока все спят, а тут такое милое создание. – Последние слова я сказал с таким ядом, что и Кот и Ад округлили глаза. – Пойду, потороплю Шела и приму душ у себя, - я вышел из ванной и покачал головой. Так не должно быть. Это неправильно.

В комнате было тихо, но из ванной все еще доносился шум воды, я застелил кровать и открыл ноутбук, проверил почту. Вода все шумела. Включил музыку и пошел подобрать что одеть, когда в ванной что-то упало.

Я, не думая, дернул ручку двери, она поддалась. Шел сидел в кабинке, на него лилась вода, и первое, что я понял - он плачет. Взяв полотенце, я открыл дверку кабинки и подхватил ребенка на руки, завернул в полотенце.

- Тони? – и так он это спросил, как будто не узнал.

- Эй, это я. Что случилось? – я посадил его на край кровати и только сейчас заметил кровь. – Что это? – Он не понимая хлопал ресницами. Я аккуратно убрал край полотенца и взял в руку его тонкое запястье, оно было чистым, второе тоже. А потом я понял, что мальчишка порезался, когда брился. Я вздохнул.

- Я крови боюсь. – Тихо ответил он, глаза прикрыты, и дрожит. – А там зеркала нет.

- Конечно нет, я электрической пользуюсь и бреюсь здесь. – Я присел на корточки и уголком полотенца вытер кровавый подтек со скулы. – И зачем тебе бриться?

- Надо значит. – Он был бледный, но если дерзит, значит, уже начинает приходить в себя.

- Так, в общей ванной есть зеркало, но я думаю, что подарю тебе бритву. Раз надо.

Он покраснел.

- Ты подумал, что я перерезал себе вены? – и смотрит так затравлено. – Мираж, я не дурак, который, получив первый раз в жизни что-то действительно стоящее, перережет себе вены из-за того, что его хотят.

- Шел, ты пойми, я увидел кровь на полотенце, и первое, что мне пришло в голову - это вены, потому что бриться тебе рано. – Я улыбался, и он тоже, в глазах наигранный гнев.

- Я взрослый.

- Да. Все, иди, одевайся, а я пока приму душ. А то там Кот встал уже, а эта катастрофа на ножках с фонарями вместо глаз может испортить любой продукт, если голодный. – Я оставил его сидеть на кровати, включил музыку погромче и, танцуя, отправился, наконец, в ванную. Что-то утро затянулось.

Одевшись в синие джинсы и черную футболку с зеленым принтом, кожаные митенки и мои любимые сапоги, я спустился вниз. Кот был на кухне.

- Да ё-маё! – Услышал я. Надеюсь, эта не очередная банка консервов? Нет, это оказался батон хлеба и масло.

- Кот, мне иногда кажется, что ты дикарь, не знающий, для чего предназначены нож и вилка.

Он отбросил на стол нож и искромсанный батон хлеба, который выглядел так, как будто взорвался. Я вздохнул, Кот проплакал:

- Тони, я научусь, отрежь мне кусочек, а?

Я взял нож и другой батон.

- И как ты живешь, когда я уезжаю к родителям?

- Майлза запрягаю. – Ухмыльнулся он. И поставил две чашки на стол, положил в них пакетики чая и налил кипятка. С этим он справился, и я улыбнулся.

- Еще две налей, для Шела и Аделаиды.

Он кивнул, но я видел, что он что-то хочет спросить.

– Кот, спроси уже, а то ведь не выдержишь и ляпнешь прямо при ней.

- Что это было в ванной, когда я зашел?

- И я тоже хотел бы знать на это ответ, но, к большому сожалению, не знаю.

- Тони, ты меня знаешь, я чувствительная зараза, и я хочу тебе прямо сказать, она мне не нравится. Не потому, что она слишком язвительна и груба, а потому что она... как бы помягче... гнилая. – Тихо закончил он. - Мы многое прошли в тех местах, где нам суждено было прожить детство, но никто из нас не потерял человечность и нравственность. Я понимаю, что ты хотел как лучше, но я тебя прошу, избавься от нее. – Он отвернулся к окну. Кот редко бывает так откровенен, в основном он пользуется иным сценарием поведения. Серьезным он бывает еще реже, а сейчас он серьезен и ему самому же и неприятно от этого.

- Я хотел предложить ей вакансию в журнале.

Он повернулся.

- Это твоя репутация, Мираж.

- Возможно, пожив самостоятельной жизнью, она станет прежней, ведь прошло всего полгода с того момента, как она попала в приют. – Тихо проговорил я. Кот хмыкнул.

- Слабые люди ломаются за месяц. Потом ими движет лишь злоба. И месть всем, кто не пришел раньше, не смог защитить, не подал руки. – Он смотрел на меня своими пронзительными зелеными глазами, и в них была такая сильная неприязнь. – Шел другой. – Сказал он вдруг с улыбкой. Я выдохнул и повернулся к двери в кухню. Мой Мыш стоял и топтался на месте, не решаясь войти.

– Доброе утро, Шел! – воскликнул Кот.

- Проходи, будешь чай? – улыбаясь и рассматривая его, спросил я. Он надел черные джинсы и серую футболку, на ногах кроссовки. Я присмотрелся к футболке и выругался про себя. – Шел, что это? – спросил я тихо, пока Кот наливал чай и ему.

- Моя футболка, я подумал, что те, что мы купили вчера, слишком красивые и новые, и... - он замолчал, увидев мой взгляд.

- Сейчас завтракаем, а потом я лично выкину все твои старые лохмотья.

- Тони, это моя одежда. – Он не спорил, он просто не мог понять такую очевидную вещь, как забота. Я отложил нож и обнял его, Кот тактично вышел из кухни.

- Я прошу тебя забыть то, как ты жил до того момента, как я затянул тебя в лифт в студии. Я не могу смотреть на эту серость. – Прошептал я. – И хочу, чтобы твои глаза светились радостью.

- Этого можно добиться и в старой футболке. – Заметил он. В кухню ввалился сонный

Марс.

- Доброе утро. – Зевая. Он открыл холодильник и взял пакет сока, открыл и приложился к нему, сделал судорожный глоток.

- Так, я сколько раз повторять должен – манеры!

Шел подпрыгнул в моих руках.

- Мираж, я пить хочу, а стакан далеко, я что, должен сдохнуть от жажды, но соблюдать все правила? – Совершенно спокойно. Я отпустил Шела и подошел к шкафчику над мойкой, достал стакан и поставил на столик.

- Специально для жаждущих.

- Ты всегда такой нудный с утра, я думал, что Мышь тебя смягчит. – Весело поддел Марс. Вернулся Кот, таща на буксире Бета.

- Так, сели все завтракать. Где Майлз?

- В ванной. – Ответил Бет. – Доброе.

- Привет. – тихо поздоровался Шел.

- Так, садись. Чай? – опять спросил я.

- А кофе нет? – так же тихо спросил он. Все на кухне застыли, и даже Майлз замер на пороге. Я не люблю кофе. И у нас его просто нет.

- Ты любишь кофе?

- Только утром. Вкусно.

Ребята переводили взгляды с него на меня. Я улыбнулся.

- Давай сегодня чай, а завтра я попрошу у Терри кофе, он без него не может. Глушит литрами на пару с мужем.

Шел округлил глаза.

- Мужем?

- Да, Даниэль Стоун. – Мечтательно от Марса. – Великий гитарист.

Все засмеялись, в кухню вошла Ада. Я видел, как Кот встает и уступает ей место, а сам садится ближе к окну. Завтрак прошел в дружеской обстановке, и Шел снова немного расслабился, улыбался. А я на пару с Марсом то и дело подкладывал ему еще бутерброды или

подливал чай. Он благодарно улыбался.

- Одень вот эту. – Я вытащил из шкафа черную футболку в упаковке. Ребята сейчас настраивались, Ада была с ними внизу в студии, так что мы были одни в его комнате.

- Только не выбрасывай мои вещи. – Попросил он, раскрывая упаковку. Я хмыкнул и отвернулся к окну. – Я все, можем идти.

Я не двигался, и он медленно подошел ко мне. Я повернулся и тихо проговорил:

- Я хочу еще кое-что сделать.

- Что?

Я наклонился и поцеловал его. Он судорожно вздохнул и обнял меня за шею, встал на носочки. Я обвил его тонкую талию и проклинал время, которого у нас нет, потому что репетиция это очень серьезно, а репетиция с новым членом группы – это еще серьезней. Но сладкий ротик, который поработал меня, не давал думать. Я немного приподнял его, и он, совершенно не стесняясь, обвил меня ногами. Руками зарылся в мои волосы.

- Тони, нам нужно идти. – Сознательный ребенок.

- Да, но мне совершенно не хочется отпускать тебя.

Он улыбнулся.

- Но придется.

- Ты иногда невозможен просто, – я аккуратно поставил его на пол, но не отпустил, Шел прижался ко мне на мгновение и отступил. Черные глаза сверкают.

- Тебе же нравится, что я такой весь неоднозначный?

Я ухмыльнулся и снова поцеловал его, слегка прикусывая губки.

- Да.

Репетиция была в разгаре, когда Майлз отбросил палочки.

- Это невозможно! – прорычал он и вылетел из студии. Я отложил ноутбук и вышел за ним. Майлз редко когда так взрывается. Он стоял на крыльце и нервно курил.

- Что не так?

- Мираж, я все понимаю, но *...*, она же не фанатка.

Я понял о ком речь сразу.

- Я еще раз задаю вопрос: что не так?

Он потушил сигарету в пепельницу и повернулся, лицо серьезное.

- Я вчера не удержался. – Я сначала не понял даже. – Трахнул ее.

- Что? Вот от кого не ожидал, так от тебя.

- Кот видел. – Он говорил отрывисто. – Но не сказал ничего, только потом высказал, что думает. А она сейчас так смотрит, как будто ничего между нами не было вчера, я-то все понимаю... Но какого *...*, строить из себя невинность-то было, *...! А я теперь чувствую, что сделал что-то плохое. А я мужик, между прочим, и когда на меня вешаются, я не могу...

Я притянул его в объятия.

- Все, тихо. Что смущает - ну трахнул, ну делает вид, что не было...

- Кот сказал, что она на тебя вешалась утром.

- Да. – Я никогда не вру им.

- А она понравилась мне. Ты же знаешь, я не ходок по юбкам, но я не ожидал, что так можно. Так просто... зачем? – Майлза затрясло.

- Она так привыкла, – раздался голос Шела от двери. Майлз обернулся. – Не злись на нее.

- Противно, – просто ответил он. Я посадил Майлза на лавочку и повернулся к Шелу.

- Принеси, пожалуйста, воды.

Он кивнул и пошел на кухню. Я присел рядом с поникшим Майлзом.

– Рей, послушай меня, бывает так, что сердце любит вопреки всему. Я думаю, что если немного устроить ее жизнь, она изменится. И ты сможешь просто быть с ней.

- Ты так давно не называл меня по имени. – Он вздохнул. – Мой удел - люди, которые недостойны или не интересуются мной, я привык, Тони.

- Давай без ярлыков, ладно? В конце концов, помнишь, у тебя же были отношения с той милой брюнеткой.

- Энтони, она оказалась трансвеститом! – заржал он.

- Но зато каким страстным, а? – мы снова рассмеялись. Шел вернулся и подал стакан

воды Майлзу.

- Спасибо, Мыш. Ты не злишься, что я так отозвался о твоей подруге?

Я увидел, как скривился Шел.

- Она мне не подруга. Но могу сказать, что ты зря теряешь время.

Рей кивнул.

- Да, я понял уже. Эх... надо менять лагерь. Будешь со мной встречаться, Мыш?

Шел отшатнулся и вдруг прижался ко мне.

– О!

- Нет. – Твердо ответил он, мы рассмеялись.

- И лагерь нормально не сменишь... Тони, помоги мне... - завыл он, Шел вцепился в мое плечо, пальчики подрагивают, а я счастлив. И улыбаюсь как идиот.

- Прости, малыш, ты не в моем вкусе.

- Знаю я, кто в твоём вкусе, разноглазая ты наглость.

Теперь мы смеялись втроем, и выглянувший из здания Кот округлил глаза.

- Я тут целую речь подготовил для спасения друга, а он ржет. – Возмущенно-наигранно воскликнул Кот.

А я наслаждался теплой рукой на моем плече и нежно погладил его бедро, он не дернулся, а только прикусил нижнюю губу да глаза сверкнули.

Я на правильном пути, малыш?

Глава 6. Созвучность.

Мы вчетвером вернулись в студию, я подтолкнул Шела к высокому стулу, который мы специально притащили для него. Он сел и внимательно посмотрел на меня.

Я же задумался. Чего я, собственно, хочу? Понятно, что в физическом смысле – его. Но тут другое...

- Тони? – Марс непонимающе смотрел на меня.

- Начнем, пожалуй, сначала, но я хочу, чтобы Шел сыграл мне вступление, – я сел на диван и снова взял ноутбук. – Скажем, седьмого трека, Майлз, где распечатка? – Рей подал листки Шелу, тот просмотрел и закусил губу.

– Что? – спросил я, видя его сосредоточенный взгляд.

- Ничего, мне нужно тоже немного настроиться... все же. – Смущенно проговорил он.

- Ты когда-нибудь играл нечто подобное?

Он покачал головой. Я нахмурился.

– Так, без нервов, просто закрой глаза и представь, что это не репетиция, а ты просто играешь для себя. А теперь посмотри на распечатку...

И он заиграл, да, мелодия была немного дерганая, ребята тоже нервничали, но Майлз ударил как раз в тот момент, в который должен был. Бетховен и Марс подхватили, Кот вступил последний. Я прислушался.

Звучало по-новому, но не так...

- Стоп! – взмахнул я рукой. Все смолкло.

- Чего тебе не понравилось? – вдруг спросила Ад. – По-моему, здорово звучало, и Шел влился органично... разве нет?

Я молчал, потом резко повернулся к ней, вытащил из кармана карточку и строго проговорил:

- Так, едешь по этому адресу, попросишь Ханну из отдела маркетинга и скажешь, что я велел ей за тобой присмотреть, она поймет. А теперь – вон!

Девушка побледнела и почти выбежала из студии. Я набрал номер.

– Хан, привет, сейчас к тебе подъедет девушка по имени Аделаида. Да. Присмотри, устрой и загрузи ее так, чтобы она приползла вечером и упала спать. Спасибо. – Я нажал на сброс, обвел взглядом ребят. - Что было не так?

- Непривычно. – Майлз.

- Нежно. – Кот.

- Странно. – Бет.

- Марс? – спросил я. Он молчал, отложил гитару.

- На самом деле, да, непривычно и нежно, но дело тут не в этом. Просто Шел не знает наш репертуар и не слышал как ты поешь вживую... Мне кажется, в этом дело. Может, одну из песен мы просто исполним для него вживую.

Шел сидел бледный, флейта в руках подрагивает. Я встал, подошел к стойке с микрофоном.

- Тогда эту же...

- Раз, два, три... - начал Майлз. Я пропустил вступление и запел. Все равно мне казалось, что в самой музыке что-то не так, с флейтой было мягче. Я прикрыл глаза и на припеве вдруг услышал это, он вступил и ребята смолкли, я пел только под флейту. Открыл глаза и столкнулся с абсолютно черными глазами Шела. Он играл для меня, пел вместе со мной. А я тонул, тонул в глазах напротив и понимал - не выберусь. Как только мы замолчали, отзвучало последнее эхо мелодичной трели, он облизал пересохшие губы, а я достал гигиеническую помаду из кармана джинсов и протянул ему. И снова был зачарован этими неторопливыми движениями рук. Он мягко улыбнулся и отдал мне помаду.

И вот тут очнулись ребята.

- Тони, это было просто супер! – Кот.

- Надо сделать запись! – Майлз

- Отыграл прекрасно! – Марс.

- А я записал! – Бет.

Все уставились на него. Я кашлянул.

- Молодец. Ставь.

Запись действительно была прекрасной, именно то, что я искал, Шел играл именно так как нужно. Придавая песне там, где еще играли ребята, что-то новое. Как ветерок. Нежное. А когда ребята смолкли и мы остались вдвоем, я просто прикрыл глаза и слушал нашу музыку. Как два голоса. В тишине студии.

– Это мне нравится. – Честно проговорил я, смотря в блестящие черные глаза. – Так, проигрываем ее еще раз, вступаешь на том же месте, без меня. – Я снова кашлянул. – Записываем и прогоняем еще пару раз до автоматизма. Вперед.

К обеду мои парни устали и начали уже возмущенно сопеть. Кот два раза поменял струны, а Майлз один раз палочки.

- Мираж, все, мы - трупы. Мы на концертах столько не играем! – в один голос почти возмутились они, Шел молчал, только немного поерзал на стуле.

- Я курить хочу...

- Тишина.

Они смолкли.

– Сейчас перерыв на полчаса, потом прослушка и обед, после обеда у меня и Шела дела.

Шел удивленно вскинул голову. Я улыбнулся. Он покраснел. И о чем подумал, интересно? Хотя, о чем бы ни подумал, все равно угадал. Ребят сдуло, лишь он слез со стула и присел рядом со мной.

- Тебе правда нравится? – тихо спросил он.

- Если бы не нравилось, я бы так и сказал, ты еще не привык к нам, и это мешает тебе сосредоточиться. Или же тут дело в другом?

Он опустил голову, но я успел заметить улыбку.

- Наверное, в другом.

Я чуть съехал с дивана, так, чтобы было удобней разглядеть его выражение лица, и скользнул ногой по его бедру. На щеках мальчишки появился румянец.

– Тони...

Но я не стал слушать, резко дернул его на себя и посадил себе на бедра. Шел замер с широко раскрытыми глазами. Яркие губки. Дышит тяжело.

Я медленно провел ладонями по его бедрам. Он закусил губу и наклонился немного.

- Расслабься, у нас есть почти двадцать минут.

Он прыснул:

- Да, за двадцать минут можно столько всего успеть...

- Очень многое. – Я оставил руки на его бедрах и просто поглаживал пальцами, сам не пойму, но мне нравилось, что он так близко, что не дергается. Видно было, что он тоже устал, но в то же время ему чертовски хочется, чтобы я не останавливался, я вижу. – Например, я могу поцеловать тебя.

- Можешь, но я не хочу, чтобы ты потом все время думал о моих губах, репетиция затянется, и ребята будут еще угрюмее. А потом нужно еще обед готовить, наверное... - с каждым словом он говорил все тише и склонялся все ниже, на последнем я не выдержал и впился в сладкие губы моего мышонка. Он немного поерзал и положил руки на спинку дивана, открылся моему вторжению, безропотно и даже с готовностью. Я обнял его и прижал к себе. На самом деле я не понимаю сам себя, если бы на месте Шел был кто-то другой, он давно бы уже стонал подо мной и извивался на этом самом диване. Но с ним так поступить я не могу, мне хочется медленно раздеть его и готовить, ласкать, зализывать укусы...

Я выгнул спину и подкинул бедра. А вот этого я вообще от себя не ожидал. Шел тихо простонал в мои губы, я провел по ним языком, мягко, играючи, соблазняя. Он обхватил мой язык губами...

- Ооо... Эм. – Марс остановился и внимательно нас изучал, я нехотя оторвался от сладких губ. Удивительно, но Шел даже не покраснел.

- Что такое?

- Меня прислали узнать, продолжим мы сегодня или нет, уже прошло тридцать пять минут? – улыбаясь, спросил он. Я закатил глаза и посмотрел на мальчишку в моих руках.

- Марс, зови всех, проиграем один раз и пойдем думать над обедом.

- Отлично! – он повернулся в коридор и позвал ребят.

- Время так неумолимо, малыш. – Философски проворчал я.

- Оно и к лучшему, не замечаешь, как бесцельно проходит твоя жизнь. – В тон мне ответил он. Еще раз чмокнул меня и спокойно слез с моих коленей. Усталость на него действует благотворно, ухмыльнулся я.

- Последний раз.

- Мираж, мы - трупы. – Потряс рукой Кот.

- Ладно. Неси бинты, закреплю запястья. – Кот аккуратно убрал гитару в чехол и пошел к себе. – Марс?

- Нет, у меня все в порядке, есть только хочется.

- Отлично, тогда сейчас с Котом разберусь и приду на кухню, начинайте без меня. Что-нибудь легкое. – Они угрюмо кивнули и пошли на кухню. – Шел... - он обернулся. – Не стесняйся. – Он лишь кивнул.

Кот принес эластичный бинт и сел рядом со мной на диван, вздохнул.

- Я говорил, с каждым разом будет хуже и хуже.

- Найдешь мне замену на концерт, того же Гранта. – Печально.

- Глупый, ты у меня незаменимый.

Зеленые глаза прояснились, он чуть скривился, когда я затягивал запястье. На прошлом концерте он неудачно упал после выступления, и сломал его. Перелом зажил быстро, даже быстрее, чем должен был, но как только он перетруждает руку - ему больно. Чертовски

больно, я бы сказал. Он скривился сильнее, я закрепил бинт и обнял его за плечи.

– Кот, перестань думать о таких вещах. Я сказал тебе тогда, скажу сейчас: ты в группе.

Он тяжело вздохнул и уткнулся мне в плечо.

- Тони, я боюсь, что сфальшивлю на концерте. Да и ты тоже этого боишься. Поэтому отменил предстоящий концерт в Вене.

- Не поэтому. Я давно заметил, что нам чего-то не хватает, поэтому искал и нашел. Надеюсь, ты мне не будешь говорить, что тебе не понравилось, как звучит?

- Шел отлично играет и прекрасно нам подходит, я не могу осуждать твой выбор, но я... черт.

- Все, хватит. В конце концов, можно найти выход из любой ситуации и из этой тоже. И ты не должен думать об этом. Это моя обязанность искать выход из безвыходных ситуаций.

- Потеряем деньги. – Печально проговорил он.

- Всех денег не заработать, Кот.

Он удивленно поднял на меня глаза.

- Это ты мне говоришь, Мираж? – он улыбнулся. – Шел явно влияет на тебя прекрасно! – он вскочил с дивана и, схватив меня за запястье здоровой рукой, потащил в кухню.

Ребята на кухне готовили обед, состоявший из спагетти и салата. Я покачал головой.

- Ну что ты, это была идея Шела. – В один голос откликнулись они. Шел оторопело уронил нож, которым до этого резал овощи на салат. Поднял его и посмотрел на меня, я улыбнулся.

- Нашли на кого свалить свою лень. Молодцы.

- Тони, мы так устали... - заныл Майлз, кстати, повеселевший немного, и уже не выглядящий таким поникшим. Шел помыл нож и вернулся к прерванному делу, я встал сзади и обнял его, ребята в один голос хмыкнули.

- Помочь?

- Помоги.

Я аккуратно взял его руку с ножом, наколол на нож огурец и поднял его ручку, съел огурец прямо с ножа.

– Помощник.

- Как умею. – Прошептал я в маленькое ушко. На нас абсолютно не обращали внимания, делали каждый свое дело, и мне это нравилось в моих ребятах – уважение к личной жизни. Пусть я внаглую и соблазню несовершеннолетнего мальчишку у них на глазах. Они ничего не скажут, даже Марс, потому что видят, наверное, что это не просто флирт. А флирт на грани чего-то большего.

Шел заулыбался и немного дернул руку из моей хватки, я отпустил, он не отстранился, а продолжил резать овощи. Я пододвинул табурет и сел на него, потянул парня на себя. Он присел и вздохнул, продолжил работу. На самом деле, я чувствую, что он не против перейти к более тесному общению, но чего-то выжидает. И мне уже очень интересно, чего? Какое мое действие спровоцирует эту лавину страсти под названием «Шелковый Мыш»?

После обеда, я утянул его на крыльцо. Сел на лавочку и закурил.

- Мы куда-то пойдём?

- Да. Думаю, прежде чем начать твою карьеру, нужно разобраться со всеми хвостами.

- Ты о крыше?

Я сделал затяжку, выпустил дым. Шел встал напротив меня.

- Да, о ней.

Он нахмурился.

– Ты же понимаешь, что лучше это сделать до того, как станет известно, что ты новый музыкант «L'iris noir».

- Тони, я никогда не расплачусь с тобой.

Я улыбнулся про себя.

– Только если...

- Если ты сейчас предложишь мне себя, я не откажусь, но запомни – это будет не плата, это будет предложение, от которого я просто не смогу отказаться.

Он вспыхнул и сделал шаг назад.

- Я могу сделать что-то незначительное, но то, что ты примешь как мою благодарность за помощь? – тихо спросил он.

- Есть такая вещь.

Он опустил голову, облизал губы, я снова достал помаду и на этот раз притянул его за

руку к себе. Загушил окурок. Раскрыл помаду и приподнял его лицо за подбородок, аккуратно нанес ее на его красные губки, он смотрел на меня, не отрываясь.

– Хочу увидеть тебя всего. Покажешь мне? – я знаю, как сейчас выгляжу, как сумасшедший. Но я так хочу просто посмотреть на него голого, ничем не скрытого. Ни одного лоскутка.

Он судорожно вздохнул, глаза стали темнее ночи. И он проговорил непослушными губами, если бы он не был так близко, я бы не услышал:

- Хорошо.

- Прекрасно, Шел. – Я не кинулся на него прямо тут, я мягко дотронулся большим пальцем до его нежных губ и отстранился. Еще не время, малыш.

Эта сделка была куда сложнее. Но некий парень, называвший себя «Доро», сначала просто презрительно смотрел на меня, потом, видимо уловив что-то знакомое, скривился и заржал. Он подумал, что я новый «папочка», но мне было все равно до этого субъекта.

- Сколько? – по-деловому спросил я. Он заржал еще громче.

- Что, на флейте будет тебе играть? – не мог успокоиться он, Шел стоял рядом, бледный и с опущенными глазами. А мне почему-то было совсем не страшно. Я часто встречал вот таких людей, они не знают цену жизни, им кажется, что все на свете можно продать и купить. Но я не собираюсь учить этого малолетнего преступника закону бытия. Жизнь сама научит его, я просто хочу вырвать из лап этой швали моего Мышонка.

- И это тоже.

Шел не двигался. «Доро» начиркал что-то на бумажке и отдал пареньку, тот передал бумажку мне, я хмыкнул. Жадный.

– С условием, что ты забудешь его навсегда.

- Ты не в том положении, чтобы ставить мне условие, Мираж, он тебе нужен, уж не знаю для чего, как подставка под член или как что-то другое. Бери, я сегодня добрый.

Я про себя скривился и достал чековую книжку.

– Наличные!

- Я же тебе не идиот таскать такую сумму в бумажнике. Ничего, пошлешь одну из шлюшек, принесут.

- Ты такой дерзкий.

Я выписал чек, отдал мальчишке, тот тут же передал его «Доро».

– Может, трахнем его вдвоем напоследок?

На самом деле меня даже не впечатлил этот разговор... вот до этого момента.

Я взял Шела за руку и потянул к выходу из этого дома, на улицу, где сегодня светит солнце и облака, такие белые и пушистые. Вслед нам несло ржание недалекого идиота, который только и может, что топтать не разбирая.

Когда мы сели в машину, Шел отвернулся от меня и молчал.

Я остановился рядом с ресторанчиком, я тут ужинал с Терри, почему бы не продолжить традицию, и возможно мой Мыш снова начнет улыбаться.

- Вылезай. – Тихо сказал я. Он обернулся, глаза такие задроганные, влажные. – Шел, пойми, нам нужно было, чтобы этот «Доро» думал именно так.

- Мне все равно, что думает «Доро». Что ты теперь обо мне думаешь? – и в этом вопросе было вся его боль, стыд, страх, неуверенность. Я обнял его и притянул к себе.

- Я думаю, что ты... Мыш.

Он вскинул голову, и вдруг разревелся, как тогда, в лифте. Беззвучно, но сильно, слезы были такие крупные, как будто он копил их очень долго.

- Только Андре однажды так мне ответил на этот вопрос... - всхлипывая через слово и икая, проговорил он.

- Вот видишь, значит можно все вычеркнуть и просто жить, жить для себя, а не для того, чтобы ублажать других.

- Тони, но тебе ведь...

- Ну, спасибо. – Я отпустил его и убрал руки, отстегнулся и вышел из машины. Он тут же вылетел за мной.

- Тони!

Я облокотился о капот.

– Прости, я не это имел в виду... просто... - он тяжело дышал и все еще плакал. А я вдруг подумал, что он ведь еще совсем ребенок, а я тут... Я притянул его в объятия и в волосы выдохнул:

- Я никогда не буду принуждать тебя.

- Ты не понимаешь, дело не в этом, просто, секс для меня как рутина, понимаешь, то

есть я хочу сказать... раздвинул ноги - трахнули – свободен. Я жил по такой схеме долго, и поэтому никак не смогу реагировать как-то иначе... я просто... это... - он застыл. Во время его монолога я прижал его еще сильнее и просунул руку между нашими телами, погладил пальцами его ширинку. Он открыл рот, но сказать ничего не смог, его тело реагировало на меня. Он вспыхнул как спичка и вжался в меня, спрятав лицо на плече.

- Я покажу, что бывает по-другому, малыш. – Мягко проговорил я в волосы, пахнувшие лимоном. – Будет хорошо...

Он был возбужден, сильно, и неосознанно уже сам терся об мою руку. Тихо застонал.

- Энтони...

- Все дома, а сейчас я хочу покормить тебя чем-нибудь экзотическим.

Когда я чуть отодвинулся, он округлил глаза и, открыв дверцу машины, выхватил с заднего сидения куртку. Прикрылся.

– Пойдем?

- Мираж, ты искуситель... rrrr! – зарычал он, но, поправив под курткой ширинку, вскинул голову и улыбнулся. Ярко. Так, что я несколько секунд просто любовался этой улыбкой.

Мой малыш.

Глава 7. Первый контакт.

В ресторанчике он растерянно просматривал меню и краснел с каждым пунктом все больше.

- Это похоже на ругательства. – Заключение он, откладывая папку с меню, официант рядом с нами пытался держать лицо. А мне это было не нужно, и я безмятежно улыбался.

- Так какое из этих ругательств тебе понравилось больше всего?

Он пожал плечами.

- Главное, чтобы туда не подмешали рыбу. У меня на нее аллергия. – Прошептал он, косясь на официанта.

- Значит, рыбу не подмешают.

Я быстро продиктовал парню что хочу, исключительно на французском, и он, сияя улыбкой, ушел за аперитивом.

Шел все так же был слегка смущен. Этот легкий румянец невероятно красил его, делал каким-то неземным. А черные глаза, поблескивающие в неровном свете ресторанного освещения, были гипнотическими. И я понимал, что думаю только об одном. О его

обещании мне.

- Тони, ты безупречно говоришь по-французски. – Улыбнулся он.

- У меня был очень строгий учитель.

- Красиво звучит... – он снова смутился.

- Кроме родного английского и французского, я владею немецким и итальянским... бегло говорю на корейском. – Он приоткрыл губы.

- Серьезно?

- Моим образованием занимался отец, он не мог допустить, чтобы его единственный сын был неучем.

- А где ты учился?

Любопытство в темных глазах мне нравилось, и даже то, что тема мне не нравилась, беспокоило не сильно.

- Abingdon school, школа-пансион для мальчиков.

- Пансион. – Задумчиво проговорил он. – То есть, ты там и жил?

- Да.

Он вдруг улыбнулся и тихо спросил:

- Для мальчиков, так вот откуда ноги растут?

- Ноги моей неопределенности в предпочтениях растут не оттуда. Там было скучно. Хотя, музыкальный класс мне нравился. У меня всегда был прекрасный голос, и преподаватель по вокалу, нанятый моей матерью, всегда был в восторге. – Я интригующе помолчал и продолжил. – Вот его ноги на моих плечах я помню прекрасно.

Шел вспыхнул.

– Мммм, а я просто случайно зашел в музыкальный класс, и первое, что мне попало в руки, была флейта. С тех пор я с ней не расстаюсь.

- Почему ты только сейчас решил пойти в студию?

- Сам не знаю, просто подумал, что даже такие самоучки как я кому-то нужны, а тот человек, посмотрев на меня, даже не стал разговаривать и посоветовал пойти поиграть на улице, для начала. Я не расстроился, а вот у лифта, как подумал, что придется возвращаться ни с чем обратно, в убогую серую комнатку... - он замолчал, потому что нам принесли

бутылку вина. Официант налил немного в бокал и подал мне, я сделал глоток. И кивнул. Он разлил вино по бокалам, удалился.

- Ты мне не расскажешь, почему тебя вернули в приют? – я знал, что не стоит задавать этот вопрос, но возможно именно сейчас он мне ответит.

- Это не лучшая тема для разговора, Тони. – Он не был искусен в плетении светской беседы, он просто сказал, что не хочет мне рассказывать, как умел. Я приподнял бокал с красной, как кровь, жидкостью и произнес:

- За знакомство. И за его продолжение.

- Так двусмысленно.

Но моего бокала чуть коснулся и отпил. Сморщил аккуратный носик и отставил бокал на столик. – Никогда не думал, что оно такое...

- Какое?

- Я думал оно вкусное, сладкое...

- Хорошо, давай возьму тебе что-то вкусное и сладкое.

- Нет. – Покачал он головой. – Я допью.

- Шел, вообще не обязательно его допивать. А то ты не сможешь выполнить свое обещание.

Он сразу понял, о чем я говорю, опустил глаза и убрал дрожащие руки под стол. Милый.

– Почему ты стесняешься? Я имею в виду, при твоей жизни это как-то странно. – Он нахмурился.

- Я сам не пойму, если честно. Я когда понял, кто ты, сразу смутился и продолжаю смущаться от каждого твоего слова. Мне все кажется, что ты набросишься на меня... Прости.

Я тихо рассмеялся.

- Газеты, я уже говорил, не всегда пишут правду. А то, что пишут о звездах шоу-бизнеса – это вообще большой салатник, где свежих и натуральных вещей очень мало.

- Ты принимаешь наркотики? – выпалил он.

- Хм... иногда я курю, но последнее время заменил все на табак. Сигареты тоже вредны, но зато меньше хлопот. А потом, есть причина, почему в «L'iris noir» есть правило – никаких сильных наркотиков.

- И почему? – с опять разгоревшимся любопытством спросил он. Я решил попробовать сыграть на его любопытстве.

- Я отвечу тебе, но ты мне потом тоже расскажешь то, что я хочу знать. – Он молчал долго, нам успели принести первое блюдо.

- Ладно. – Беря вилку для салата в руку, сдался он.

- Другую вилку, малыш.

Снова румянец и вопросительный взгляд, я мягко подвинул ему нужную.

- Спасибо.

- У Бета была зависимость, мы еле вытащили его два года назад. Теперь серьезным наркотикам он предпочитает книги и музыку.

- Ты так просто об этом говоришь мне, совершенно чужому человеку? – он даже вилку отложил.

- Ты член группы, и это значит семья. Тебе противно?

- Нет. Просто он выглядит совершенно нормальным...

- Если бы ты видел его совсем недавно, полгода назад, ты так бы не сказал.

- Тони, а это нормально? Ну, я хочу сказать, что вот он, бывший наркоман, кстати, я не верю, что они бывают бывшими, а его знает в лицо полземного шара?

- Мы пытались это скрыть, как могли, так что это только в кругу группы. Тебя это шокирует? – я смотрел на него внимательно, он облизал губы.

- Я пробовал.

Я нахмурился, а он тут же замотал головой.

– Нет, не тяжелые, курил, но мне совершенно не понравилось, и я просто не понимаю, что может быть в этом хорошего... вот.

- Давай договоримся, никаких наркотиков, если трудно, не выдерживаешь ритма, устал, просто приди ко мне, и мы все это устраним. Пообещай мне, Шел.

- Обещаю. – Тихо, но твердо прошептал он.

- А теперь ешь.

Он снова взял вилку и наколол кусочек.

- Надеюсь то, что ты заказал, не было раньше обезьяньими мозгами?

- Это нет, но, между прочим, мозги мартышек – деликатес.

Шел скривился.

- Ужас.

- Шел, не думай, что я не задам свой вопрос. – Шкодливо сверкнул глазами.

- Я уже понял, что ты из тех людей, которые никогда не забывают. Спрашивай, но перед этим я хочу кое-что сказать: позволь мне не отвечать на слишком личный вопрос. Ладно?

Я смотрел на него, на его лице была улыбка, еле заметная, почти прозрачная. И очень серьезный взгляд черных глаз.

- Хорошо, но за это ты мне, опять-таки, будешь должен. – Я приподнял бокал и отсалютовал им. Он сосредоточился и смотрел на меня внимательно. – Я, за время нашего знакомства, тоже понял, что ты не ответишь на вопрос о своем настоящем имени. Не скажешь слишком много, но в то же время ответишь честно. Что ты, пройдя столько, до сих пор не разучился краснеть и твое смущение делает тебя все еще живым. Ты обожаешь музыку, но никогда не слышал нас – мне обидно. Но не это главное... сейчас для меня главное понять, почему ты такой?

Он непонимающе открыл ротик.

- Какой?

- Привлекающий внимание. Ты не представляешь, чего мне стоило это произнести.

- Я привлек твое внимание?

Я кивнул в ответ.

– Я не думал, что могу кому-то просто понравиться.

- А я уже давно не жду. – Одними губами прошептал я. – Так почему тебя отдали обратно в приют? – Он рассмеялся.

- Мираж!

- Я хочу знать.

Шел немного погрузился, потом вздохнул.

- На самом деле, я сам не до конца понял, почему они от меня отказались. Они не могли

иметь детей и сначала относились ко мне очень хорошо. Но со временем любовь прошла. Странно, правда? Родительская любовь оказалась ложью, как и вся моя жизнь - серой и монохромной. Я хоть и был маленький, но так и не смог называть их мамой и папой. И даже не плакал при переезде в приют, только флейту сжимал. Она мне всегда была рада и не предавала никогда.

Я встал и взял его за руку, потянул в туалетные комнаты. Как только за нами закрылась дверь, я обнял его.

- Тихо. Я понимаю, что не нужно было настаивать, но мне необходимо было знать. А вот почему ты скрываешь от Андре этот факт? – он уткнулся лицом мне в плечо и глухо проговорил:

- Я не хочу, чтобы он считал меня неспособным, то есть, недостойным родительской любви.

- Шел, что за ерунда? Если они сначала взяли тебя, потом отдали – проблема у этих людей. Не у тебя, Мышка.

- Теперь я стал Мышкой. Расту.

Я улыбнулся в его волосы.

- Умойся, не стоит давать репортерам еще повод облить меня и моих ребят.

- Разве здесь есть репортеры? – удивился Шел, отстраняясь и подходя к раковине.

- О! Ты не заметил ту крашеную особу за столиком у окошка?

- Я не обращал внимания...

Я плавно подошел к нему сзади, и когда он выпрямился, обнял и чуть прижался. Он смотрел в зеркало, на щеках снова был румянец, но вот глаза меня поразили. Черные. Бархатные, манящие. Он меня хотел. Возможно, еще сам не понял этого, но хотел. Я немного повернул его к себе и властно накрыл губы. Он не сопротивлялся и раскрылся охотно, удивительно. Я не скажу, что он слишком доверчив, значит, каким-то своим поступком я заслужил доверие. Знать бы еще, что я сделал, чтобы двигаться в этом же направлении.

Он робко погладил мой язык и подался вперед, обнял за шею. А я понял, что если мы хотим поиграть немного вечером, то сейчас самое время прекратить давить на его бедра. Он вдруг тихо, интимно, немного протяжно застонал мне в рот. Такой тихий звук, приятный. И мальчишка в моих руках вкусный.

Я нехотя оторвался от его припухших губок и поцеловал в висок.

- Пойдем, доедим наш ужин и поедем в студию, мне еще кое-что нужно сделать, а потом я весь твой.

Черные глаза в свете дневной лампы опять были с золотыми искорками, как теплый кофе. Мальчишка был как пьяный сейчас, только кивнул на мое предложение, но руки чуть сильнее сжались на шее.

– Шел?

- Знаешь, я, кажется, улетаю от тебя.

Я улыбнулся.

- Главное держись поближе и все будет хорошо.

Он тихо фыркнул.

Мы вернулись в зал. Журналистка сверкала глазами и что-то усиленно строчила в блокноте. Я могу даже частично представить текст этого шедевра. «У Миража новый любовник!» - сенсация месяца.

Я завез Шела в студию, поставил машину в гараж и направился к соседям. Я всегда выполняю свои обещания. Я обещал Мышу кофе, и я его добуду. Жаль, конечно, что у нас здесь нет магазинов, хотя можно заехать в бар и заказать кофе, да и вообще можно было купить в городе отличный кофе. Но я преследую сейчас две цели: первая - это обещание Шелу, а вторая - это кареглазая и красноволосая рептилия.

Как только я открыл дверь в студию, на меня налетел Марс. Я успел потрепать собаку по холке, когда в коридор вылетел Лоф с криком:

- Марс, съешь его!

Пес и ухом не повел, а наоборот, завилял хвостом.

- Твой пес меня любит, кстати, у тебя тушь потекла, куколка.

- Это не тушь, разноглазая сволочь! Это у меня на тебя аллергия так выражается!

- На меня тушь течет? Ва!

- Миражжж! – Лоф развернулся и, схватив неподъемного пса на руки, пошел с ним вглубь студии.

- Марио, а где Терри? – крикнул я ему в спину.

- На кухне он. – Буркнул с дивана Бисквит. – Чего вы орете?

- Привет, Роберт. Пока Роберт.

- Пока. И я Робер, – И он снова надел наушники и улегся на диван с ноутбуком.

А я прошел на кухню, планировка здесь была точно такая же, как у нас, так что заблудиться я не мог. Терри был тут один, чему я был несказанно рад. Он что-то резал и аккуратно укладывал на тарелку. Я подошел и обнял его со спины, он вздрогнул и обернулся, в глазах паника.

- Эй, привет. – Мягко проговорил я. Грант выдохнул.

- Энтони, не делай так больше, у меня в руках нож.

- Прости, не буду больше подкрадываться и нападать на тебя так неожиданно. – Он улыбнулся, улыбка Змея это как разряд в тысячу вольт прямо в член.

- Что привело тебя к нам? – он отложил нож и не вырывался, знает, что если начнет упираться, я только больше завожусь. Вот почему-то с Шелом это не проходит, если он не хочет - я отступаю. Странно.

- Хочу выкрасть у вас жизненно важный продукт.

Змей округлил глаза.

- Ты же не пьешь кофе?!

- Зато ты пьешь и не спишь, вон какие синяки под глазами...

Он попытался отстраниться, я прижал крепче.

– Так что, если у тебя не будет нескольких банок, это тебе не повредит. И Даниэль скажет мне спасибо.

- Ради кого ты хочешь лишить меня моего любимого кофе? Хотя подожди, дай я угадаю. Такой милый мальчик с черными глазами... - ехидина моя, точнее не моя.

- Так дашь?

Он улыбнулся, и я отпустил его. Змей достал две банки и поставил на стол рядом с тарелкой, на которой были несколько бутербродов. И я понял, что наверху его ждет муж.

- Вот домушник недоделанный.

- Спасибо, ты меня спас. – Я смотрел на него и не мог поверить, что-то было не так. Он нравился мне, но уже совсем по-другому. Я зацепился за эту мысль.

– Терри, а как ты думаешь, Шел - это «что-то другое»? – уже от двери спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня и тихо проговорил:

- Если щемит сердце, если хочется прижать и не отпускать, если хочется защищать и от его присутствия светло как днем и тепло как от камина... То это именно то.

- Почти.

Мы рассмеялись, и я вышел из кухни, покинул их студию. Стремительно добежал до своей и влетел в холл.

Он стоял в холле и разговаривал с Марсом. Улыбался. И мне стало светло как днем от его улыбки. Я медленно подошел к ним и, не думая, схватил моего Мышонка на руки, перед этим вручив две банки кофе ошарашенному Марсу, и понес к лестнице. Он только взвизгнул, но тут же застыл в моих руках.

- Тони? Тони! Что ты творишь?

- Хочу твои обещания, прямо сейчас. - Интимно проговорил я в маленькое ушко. Он уткнулся прохладным носом мне в шею. А я чувствовал себя как ребенок перед Рождеством. Подарки мне! Мой легкий подарок обхватил меня за шею и тихо сопел, пока я взбегал по лестнице и преодолевал длинный коридор.

Толкнул дверь в свою комнату, мягко опустил его на пол, прикрыл дверь. Наверное, у меня горели глаза, но я был возбужден, прямо как мальчишка на первом свидании.

Он стоял, опустив голову.

- Тони, это было так грубо и невежливо, схватить меня при Андре и прерывать наш разговор. – Отчитал меня мой Рождественский подарок.

- Шел, солнышко, они уже давно все поняли, и стесняться тут некого.

- Не в стеснении дело.

Я вздохнул и подошел к нему, обнял.

- Скажи, что просто не хочешь, я пойму. - Мне стало тоскливо, я видимо слишком расслабился, поняв, что мальчик мне отвечает, пусть робко, но отклик есть.

Он приподнял голову и я остолбенел. В черных глазах было столько страсти, что можно было сгореть заживо.

- Я знаю, что ты видишь сейчас. – Хрипло проговорил он. – Я боюсь, что это приведет к тому, к чему я еще не совсем готов.

- Я обещаю, что не возьму тебя. – Серьезно ответил я.

Он вздохнул. Взял меня за руку, подвел к кровати, посадил, подошел к центру, включил его и я завис.

Посреди моей комнаты стояло существо. Существо, сотворенное из искорок секса. Он плавно двигался под медленный ритм, я даже не смог уловить, какая музыка играла. Медленно, неспешно он снял футболку, откинул. В глаза не смотрел, но мне пока это было ненужно. Я облокотился на локти и пожирал его глазами. Медленное покачивание бедрами, чуть быстрее, под музыку. Гибкое стройное тело. Быстрое движение - и ремень упал на пол у его ног. Еще - и расстегнута ширинка, характерное движение бедрами, и я прикусил язык, чтобы не застонать. Сильнее. Черт!

Он развернулся ко мне спиной и плавно вытек из джинсов. Остался только в носках и боксерах. Дышит тяжело, потому что и боится и возбужден. Я облизнул губы, и в тот момент, когда он стянул боксеры и наклонился снять носки, я не выдержал и встал с кровати.

Он был прекрасен со спины - изящный, соблазнительный. Я медленно подошел к нему и обнял за плечи.

- Не думал, что ты способен на такое откровенное шоу. – Поцелуй в плечо. Он молчит. Дыхание сбилось настолько, что, когда он начал отвечать, ему приходилось делать судорожные вдохи.

- Я, если честно, тоже. Тони... я...

- Я обещал.

- Я помню. – Он медленно повернулся, и я отступил на шаг. Что я там обещал, малыш?

Он такой хрупкий, тонкая талия, темные вишенки сосков, плоский животик. И ровный стоящий член. Я сглатываю слюну. Мой.

Протягиваю руку и мягко глажу кожу на боку, немного с нажимом по бедру. Он отвернулся от меня и прикусил губу. Я делаю еще полшага и целую в плечо мое сексуально существо. Он хочет. Хочет меня.

Мягко, лишь губами и кончиками пальцев по шее. Потом к ключицам, по соскам... одному влажная ласка, другому немного грубая. Сжимаю. И вырываю из него стон.

Тихий, еле ощутимый.

Не спеша опускаюсь на колени. Губами по плоскому впалому животику, по маленькой выступающей косточке рядом. Пальцами нежно вдоль бедер. Он выдохнул. А я словно схожу с ума от близости. Никогда так не ощущал себя, никогда так не хотел преклоняться. Опускаю голову и целую головку его члена.

- Тони! – удивленно простонал Шел.

А я придерживаю его за бедра и резко, почти на всю длину себе в рот эту потрясающую эрекцию. Никогда никому не хотел так отсосать...

Он зашелся криком и прикрыл рот ладонками, но все равно было слышно этот прекрасный звук.

Несколько скользящих движений вверх-вниз, и мой мальчик кончает, тихо скуля. Я выпиваю и обнимаю его за талию, утыкаюсь ему в живот. Так хорошо.

Он дрожит и вдруг мягко запутывает руки в моих волосах. А я понимаю, что за тридцать лет впервые счастлив просто обнимая.

Глава 8. Ответная услуга.

- Тони? – тихо, на грани слышимости.

- Прости, я напугал тебя? – не хочу отпускать его, не хочу, чтобы в его глазах был испуг.

- Нет.

- Замерз? – перебираю в уме еще тысячи причин, по которым он может меня оттолкнуть.

- Нет, просто не ожидал, что ты захочешь сделать такое, ведь я...

Не хочу, чтобы он договорил, приподнимаюсь и целую его. Немного грубо, потому что я неудовлетворен, хочу еще. Трахаю его языком, он пытается ответить, но я полностью подчиняю его, он вскрикивает в поцелуе, когда я беру его на руки и несу на кровать. Мой. Сегодня весь мой.

Опускаю его на покрывало и скидываю свою футболку, черный взгляд становится затравленным. Я улыбаюсь и ложусь рядом, прикрывая его пах своей футболкой. Не хочу его пугать.

- Шел, я же говорил, что не возьму тебя, я обещал. Почему ты боишься? – опять кончиками пальцев нежно касаюсь обиженного сосочка. Не могу отказать себе в удовольствии касаться его кожи.

- Ты бы видел свои глаза, Мираж. Не задавал бы вопросов. – Хрипло ответил он. Я улыбнулся и подтянулся к нему, навис сверху и прямо в губы.

- Хочу тебя, и тебе это известно, Мыш.

Шел приоткрыл губы, но ничего не произнес. А медленно, кончиком языка по верхней припухшей губке, потом также медленно по нижней. Я с жадностью смотрел на это действие.

– Еще одно шоу для меня? Теперь это танцы языка?

- Нет. – Смеется в ответ. – Это соблазнение.

Я тоже тихо и хрипло смеюсь. Вот же ребенок, сам видит, что со мной делает, и продолжает сводить меня с ума.

- Дай мне язычок.

Он беспрекословно подчинился и высунул язычок. Я гладил его своим и смотрел в темные глаза. Они становились еще чернее, насыщенней и, что странно, в них становилось больше искорок. Золотых искорок страсти. Известно ли мальчишке подо мной, что его страсть золотая? Вряд ли ему хоть кто-то говорил подобное. Продолжаю мягко ласкать его, обхватываю язык губами, посасываю. Он стонет, тихо-тихо.

– Мне нравится, как ты стонешь, мышонок.

Смутился сразу, глаза прикрыл, щеки порозовели, и от наглого соблазнителя ничего не осталось.

– А еще, мне нравятся твои глаза, ты знаешь, что они потрясающе красивы?

- Тони, не нужно вот этого. – Немного надрывно, но тут же замолчал, когда я мягко поцеловал его в плечо.

- Так знаешь?

- Нет. – Ответил он и сделал попытку встать с кровати.

- Ты очень красивое создание, Шел. И спасибо, что позволил мне увидеть тебя полностью, прикоснуться.

Он замер. А я встал с кровати и, забрав футболку, пошел в ванную. Придется мне сегодня обойтись рукой.

Может, конечно, стоило съездить в клуб и подцепить кого-нибудь, но почему-то именно сегодня совершенно этого не хотелось. Да и завтра вставать в такую рань, нужно утроить Шелу дебют. И конечно, стоит дать опровержение той статейке, которая выйдет утром в светских хрониках. А еще нужно обязательно...

А вот что нужно, я не додумал, услышав странный звук. Я обернулся уже от двери в ванную.

Шел сидел на краю кровати и плакал.

Я вернулся к нему и присел на корточки около съезжившейся фигурки.

- Что случилось? Я сделал тебе больно?

- Нет. Я не ожидал, что ты просто отсосешь мне и уйдешь... и будешь, конечно, заниматься онанизмом в ванной. – Всхлипнул он.

- Шел, во-первых, я не просто отсосал, а получил удовольствие, слушая твои приглушенные стоны. Во-вторых, я иду не дрочить, а принять душ, чтобы освежиться, потому что мне нужно будет сделать несколько звонков и назначить кучу встреч на завтра. И, в-третьих, я тебя все еще хочу, и так как я мальчик взрослый, то смогу подождать столько, сколько нужно. Я уже много раз это говорил, мышонок. – Я смахнул его слезы своей футболкой и чмокнул в носик. Этот аромат лимона, не перебиваемый даже моим шампунем, сведет меня с ума.

- То есть, если бы тебе было меньше, я бы давно уже стонал под тобой? – как он может так задать вопрос, что у меня все сжимается внутри.

- Нет, – твердо сказал я и хотел уже встать, когда Шел соскользнул с кровати и оказался на коленях.

- Я тоже, слышишь, тоже тебя хочу.

Я не шевелился, только смотрел в черные бездонные глаза и тонул. Только сейчас осознал, что давно уже не могу вынырнуть из пучины под названием «Шелковый Мыш», тону все глубже с каждым вздохом. – Тони...

- Если сейчас не замолчишь, я не смогу сдержать свое обещание. – На грани слышимости произнес я. Задыхаясь.

Он кивнул и быстро вскочил, подхватил свои вещи и вылетел в коридор, мгновение спустя хлопнула дверь напротив. Я улыбнулся и встал с пола.

Все равно придется дрочить...

Вечер прошел довольно продуктивно, я договорился с одним небольшим клубом через несколько дней дать там небольшой концерт с дебютом нового музыканта.

Кот выдержит, от силы часа полтора интенсивной игры, но этого должно хватить. Несколько песен из старых альбомов, одну из нового и одну с флейтой.

Вполне для возвращения через три месяца.

Я как раз закончил разговаривать и взглянул на часы. Было полпервого, не успел договориться о завтрашнем интервью. Ладно, для этого у меня всегда есть незаменимая палочка-выручалочка - Ханна. Только сейчас ее лучше не беспокоить. Я вздохнул и встал с

кровати, чтобы разобрать ее ко сну.

И поймал себя на том, что улыбаюсь, он был такой податливый и страстный. Как я вообще удержался?

В дверь тихо постучали.

- Да?

- Тони... - в проем приоткрытой двери просунулась голова Марса. - ... внизу на диване спит Шел, потому что три часа назад вернулась вымотанная Аделаида и снова заняла его комнату, я понимаю, что спать вместе они не будут, но он где-то спал прошлой ночью. А завтра сложный день. – Совершенно спокойно проговорил он. Я про себя чертыхнулся, он, видимо, испугался настолько, что решил вообще не приходить на ночь, а я за переговорами совершенно забыл о времени.

- Так, у меня для тебя задание. – Марс кивнул, показывая, что слушает. – Найди квартиру недалеко от офиса Ханны, не слишком маленькую, но и не хоромы, обставь и помоги переехать Ад. Два дня. – Закончил я.

- Хорошо, сделаю. Давно пора. – С этими словами он вышел, оставив дверь приоткрытой. Я вздохнул и пошел вниз за своим мышонком.

Он спал, уютно свернувшись калачиком, в одежде, тонкая рука свисала с дивана и трогательно касалась тонкими пальчиками пола. Я присел на край дивана рядом с ним и просто несколько минут смотрел. Шел, видимо, почувствовал, что не один, а может и не спал слишком крепко и услышал меня.

Он приоткрыл глаза и повернулся в мою сторону.

- Тони?

- Привет, почему лег здесь?

- Я не хотел тебя беспокоить, ты работал, а я бы мешался под ногами.

- Если бы пришел, то быстренько получил бы задание и спокойно мог остаться в комнате.

- Задание? – немного испуганно. Я вздохнул.

- Конечно, убрал бы пыль на моих книжных полках, пропылесосил мой любимый коврик... - Он засмеялся, тихо, боясь разбудить остальных, хотя они еще не спали.

- У тебя нет книжных полок.

- А библиотека?

- Тони... пойдём спать, ты выглядишь усталым. – Нежно, и сам встал с дивана.

- Пойдем. А то завтра будет тяжелый день, у нас до обеда интервью, а после, вечером, пойдём на вечеринку в «Оракул». Так что отдохнуть нам нужно. – Я прикрыл рот рукой, не в силах сдержать зевок. Он улыбнулся и взял меня за руку.

Мы поднялись в мою комнату, он быстро умылся и надел вчерашнюю пижаму, прямо при мне. Я был счастлив, что не нужно закрывать глаза или уходить в ванную, и просто наслаждался зрелищем.

Когда я скинул джинсы и потянулся за пижамными штанами, мою руку перехватили.

- Шел, нужно спать, иначе завтра перед походом в клуб мы будем не в форме...

- Я просто тоже хочу посмотреть на тебя.

- Почему твоя смелость активизируется только в ночное время?

- Не знаю. – Он обошел меня и встал напротив, улыбнулся.

Его глаза блестели, и он, почти как я несколько часов назад, дотронулся кончиками пальцев до моего пресса. Прошелся медленно до низа живота, миновал член и дотронулся до бедра. Вдохнул.

- Ты сложен как Аполлон. – Уже двумя руками по плечам, по предплечьям и кистям. Я не дышал. Только бы не спугнуть это внезапное проявления любопытства. Он опустил взгляд на мою эрекцию.

- Я не железный, малыш. – Я не видел его лица, он был все же ниже меня, да и волосы закрывали его очаровательный румянец. Хватка на моем запястье стала сильнее, и он медленно кивнул сам себе и сел на колени, руки не дрожали, когда он обхватил мою эрекцию пальцами и приоткрыл ротик. Я смотрел и не мог поверить.

Медленно, мучительно медленно его губы сомкнулись на моем члене. Тепло и влажно. Он сделал плотательное движение, и я простонал. Нежно, стараясь не пугать его, я запустил руку в мягкие каштановые пряди.

Глаза прикрыл и задышал тяжело, я заметил, как он украдкой вжал руку в свой пах.

- Шел, мое ты нежное существо... - я отстранил его, и вот теперь увидел отчетливо: он не покраснел, не застеснялся, он просто сейчас впадет в истерику.

- Так плохо?

Я рыкнул и подхватил мальчишку.

- Прекрасно, я тоже немного устал, так что давай ляжем.

Он удивился, и я, кстати, тоже, потому что он был напряжен и не собирался плакать. А вид такой, видимо, был по причине того, что он не привык проявлять инициативу. Я упал на кровать вместе с ним и впился в податливые губы, они сразу раскрылись. Мы целовались, и Шел вдруг с несдержанным стоном потерялся о мой пах. Я порвал его пижамную рубашку, стягивая ее с белых плеч, укусил за сосок, Шел вскрикнул от мимолетной боли, я тут же зализал его, даря успокоение.

Распаляясь с каждой минутой все больше, я нетерпеливо перевернул нас и оказался сверху, стянул с него штаны, он опять тихо стонал и извивался подо мной.

Глаза цвета кофе горели и были черные-черные, лихорадочные движения рук, срывающийся голос – все это вело к одному. И, похоже, остановиться мы не сможем. Я не смогу.

Я совершенно не мягко раздвинул его ноги и удивился - он не сопротивлялся, а только приподнял попку и положил, попытался подложить, под нее подушку. Я задышал еще чаще. Не говоря ни слова, дотянулся до тумбочки и вытащил из нее презервативы и лубрикант. Он не дрожал, не сопротивлялся. Только кусал губы.

- Тони... я хочу, только, пожалуйста... не сдерживайся. Я хочу посмотреть на теб... - договорить он не смог, я заткнул его рот поцелуем, совершенно не нежным и мягким, а грубым и всепоглощающим, подчиняющим. Заставляющим моих бывших любовников вспоминать обо мне еще долгие недели после секса. Он вскрикнул, а я легким, отработанным движением надел презерватив на свой сверхвозбужденный член, и помог подсунуть подушку под его поясницу. Эта поза мне не очень нравилась, но когда под тобой вот такое сексуальное сокровище, все равно, в какой позе ты будешь доставлять ему удовольствие.

Открыл банку я тоже быстро, захватил достаточное количество прозрачной субстанции и удивительно мягко нанес ее на промежность моего мышонка. Он все так же тихо постанывал и поддерживал руками ножки.

На периферии сознания я понимал, что нельзя было так рано допускать близости, но мое внутреннее жадное существо хотело его прямо сейчас.

Я легко проскользнул смазанными пальцами в несопротивляющееся тело и внимательно посмотрел на реакцию Шела. Как бы я не хотел его, больно делать своей Шелковой мышке я не желал.

Он смотрел мне в глаза, и я увидел, как по виску из прекрасных глаз медленно прокладывают себе дорожку слезы.

Я наклонился и прикусил местечко под соском, маленькими укусами по шее, второй рукой немного сжал попку. Он был горячий внутри и скользкий от смазки, податливый. Но я

видел, он осознал только что, к чему привело его желание ответной услуги.

И испугался, но приучен не зажиматься, для собственного же блага. Я рычал про себя, ведь было видно, что он уже несколько минут как не здесь, где-то далеко, но только не со мной в одной постели.

- Шел, прошу тебя, Шел...

Но он уже не отвечал, а лишь тихо поскуливал. Я убрал пальцы, так как в них вообще не было необходимости, и плавно вошел в него.

– Что мне сделать, чтобы ты реагировал правильно? – тихо зашептал я в его волосы, все так же пахнувшие лимоном. – Что?

Он не отвечал. Мое желание не уходило, но я понимал, что делаю все не так. Что этой близости хочу только я, а мой любовник в этом не участвует совершенно, лишь подчиняется моей прихоти. Было больно, от этого и от того, что я в нем, но ничего не могу сделать. Близости нет, а трахать тело я еще не научился.

Я выскользнул из него и снова, как несколько часов назад, взял в рот восхитительный член. Пару движений - и он кончил мне в рот со сдавленным вскриком. Я отстранился и сел, снял презерватив и натянул пижамные штаны.

Чувствовал я себя при этом как насильник.

Тонкая фигурка на кровати продолжала лежать и беззвучно плакать.

Я сходил в ванную и принес полотенце, смоченное водой, обтер его промежность, легко стирая следы лубриканта. Аккуратно убрал подушку и надел на него пижамные штаны. Приподнял и положил на кровать, накрыл одеялом.

Член просил ласки, но я велел ему заткнуться и лег рядом с дрожащим мальчишкой.

Лег и понял, что о сексе с ним придется забыть. Или же я совершенный дурак и нечего не понимаю в людях, или же мальчик скрыл очень многое. Скорее второе.

Я лежал и не мог решить, что мне делать, как он теперь будет относиться ко мне, как мне самому относиться ко всему этому.

Через минут двадцать одеяло зашуршало и Шел несмело придвинулся ко мне.

- Тони, ты спишь?

Логично было бы не отвечать и, возможно, он уснет и забудет на некоторое время о своих страхах, но потом я вспомнил о ночных кошмарах и тихо ответил:

- Нет.

Мышонок вздохнул и уткнулся мне плечо.

- Прости. Я не должен был скрывать, я ведь знал, что ты не они и захочешь не просто так трахать меня. Я знал, но сознательно пошел на это, думал, мне будет легче, если это будешь ты. И я смогу забыть, что было со мной на протяжении всего времени, что я был в приюте. Я должен был рассказать тебе, но я не могу рассказать о себе такие вещи. Ты ненавидишь меня?

- Шел, это не так. Просто я понял, что с тобой у меня не получится как со всеми, ты другой. Слишком ранимый и, наверное, слишком сильный. А эти два качества почти не совместимы, поэтому нужно будет учиться и тебе и мне.

- Тони... я могу сделать тебе минет. Как ответную услугу. – Прерывисто выдохнул он. Я улыбнулся и обнял его за талию, прижимая к себе.

- Потом, хорошо? Как только мы научимся быть откровенными друг с другом. – Я прижал его сильнее. – И как только ты научишься не уплывать неизвестно куда, когда я в тебе.

Он вздохнул и вжался в меня.

- Я кончил.

Я сначала не понял.

- Что?

- Я кончил, я раньше никогда не кончал в таком состоянии. – Тихо признался он. А я уставился немигающим взглядом в потолок.

- Мышонок, а давай ты мне расскажешь, как долго ты находился у этого «Доро»?

- Это не он.

- Хорошо, кто тогда?

- Неважно, но я хочу, чтобы ты забыл об этом.

- Интересно, и как мне это сделать, если каждый раз, как только я буду заходить дальше минета, ты будешь уплывать в свой далекий спасительный мирок?

Он вздохнул.

- Прости.

- Так, ладно, я понимаю. Слышишь, и не злюсь, но завтра у нас действительно сложный

день. Нужно еще залететь к Марселю в салон и сделать что-нибудь с твоими волосами, а потом нужно передать тебя в руки Кота и Майлза, они оденут тебя в клуб...

- А ты сам не можешь? Одеть меня в клуб.

Отклонение от прежней темы пошло ему на пользу, он задышал ровнее и начал медленно гладить меня рукой по животу. А еще голос стал более звонкий, хотя он и шептал, но чувствовалось, что он успокоился.

- Я одену тебя под себя, а этого нам не нужно, нужен посторонний свежий взгляд, и чтобы ты органично смотрелся в группе и не выделялся особо как мое наваждение.

- Я твое наваждение?

- Да. – Нежно в его волосы ответил я. Он как-то блаженно вздохнул.

- Я хочу тату. – Вдруг сказал он.

- О! Это к Марсу, он обожает эти нательные рисунки.

- А почему у тебя нет? Ни пирсинга, ни тату?

- Пирсинг есть, я просто постоянно забываю о нем. А тату, ну, мой отец не приемлет этого, наверное, это единственное, в чем я с ним согласен.

- Я хочу тату на шее.

- Какую? – я понимал, что он пытается отвлечься, и хоть было поздно, я не мог ему отказать в этой малости.

- Летучую мышку. – Тихо рассмеялся он.

- Я бы предпочел шелковую ленту над соском...

- Ты...

- Я.

- Извращенец.

Тихо и спокойно, а потом я почувствовал, как его тело расслабляется и он выдыхает. Уснул.

Немного полежав, я тоже прикрыл глаза и не почувствовал, как упываю в сон, последней мыслью было то, что я должен быть нежнее, но вот для чего - я так и не понял.

Глава 9. В общество с дрожью в пальцах, но гордо поднятой головой.

- Да, я хочу именно этого.

- Ты же понимаешь, Мираж, для тебя все что угодно.

- Понимаю.

- Когда встретимся, я бы не отказался от твоего разноцветного взгляда очень близко... - попытка хорошая, но я как обычно бы отбрил.

- Ты помогаешь мне узнать то, что я хочу. А я никому, ни одной душе, не рассказываю о твоём маленьком увлечении. – Уверенно и немного растягивая слова, проговорил я. На том конце была гробовая тишина. Потом раздался смех.

- Ты страшный человек, Мираж. Ладно. Как имя объекта?

- Это тебе тоже предстоит узнать. Настоящего имени нет даже в документах. Те люди, которые его усыновили и отдали его в приют через несколько лет, назвали его Колин. Но я сомневаюсь, что мальчик на него отзывался. Сейчас его зовут Шел, но это не имя.

- Шел. Хм... ты взял на себя как всегда очень трудную ношу, твой отец должен бы тобой гордиться, если бы знал, чем ты занимаешься, Энтони. – Уже совершенно по-другому проговорил мой собеседник. – Я еще не забыл ту историю с Бетом и Котом.

- Давай не будем об этом. Когда можно ждать результаты?

- Через пару дней. И, Энтони, я все равно возьму с тебя плату... - опять немного развязно.

- Ты бы уже определился, что тебе нужно, а то и деньги не получишь.

- Мираж во всей красе своей. – Ехидно и гудки. Я отбросил мобильник.

Не знаю, вправе ли я делать это, или лучше дождаться, пока Шел сам расскажет мне. Я ведь просто хочу знать о нем немного, пусть это будет только имя и причина, по которой он снова оказался в приюте. Я знаю, мне принесут всю подноготную, но я не буду читать ту информацию полностью. Мне достаточно знать только имя моего мышонка.

Мне принесли чашку чая и тарелку с тарталетками, я улыбнулся девушке, и она зашлась краской, я отвернулся. Салон, в котором я сидел, принадлежал моему очень хорошему другу. Марсель - великий мастер своего дела. Он относится к внешности, как к самому большому подарку Судьбы. Увидев Шела, он только и смог, что закатить глаза к потолку и невнятно сказать «Помоги мне, Боже, этот мальчик конфетка», и увел непонимающего ничего мышонка за собой. Я здесь уже два часа, и если через десять минут они не появятся, то мы опоздаем на интервью.

Ханна все же моя спасительница.

Мои мысли плавно двигались в ту сторону, в которую я бы не хотел, я сделал глоток из

чашки и так застыл.

Из двери напротив вышел мой мышонок. Хотя назвать его мышонок теперь язык не повернется.

За ним вылетел, приплясывая, Марсель.

- Ну, скажи мне! Говори правду! – немного нервно. А я пожирал глазами виденье.

- Потрясающе.

- И все? Это два часа непрерывной работы!

- Шел, тебе нравится?

Он кивнул, длинная прядь волос закрыла один глаз. Несколько сережек в ухе и тату на шее. Глаза немного подведены. Все это я уловил кадрами.

Марсель покрасил его волосы лишь оттеняя натуральный цвет. И получилась такая медово-шоколадная палитра.

Мой мышонок был потрясающе красив и выглядел как рок-звезда. Собственно, он так и должен был выглядеть, но я только сейчас понял, что он действительно конфетка.

– Марсель, ты чудо.

- Вот это я понимаю, похвала от самого Миража! Не забудь выписать мне чек, – он еще раз обошел вокруг Шела и поправил прядь волос, я еле сдержал рычание. Достал чековую книжку и подписал чек, резко оторвал и вручил Марселю. Он удивленно моргнул, а потом понимающе улыбнулся. И чего, интересно?

Я мягко взял Шела за руку и потащил из этого места.

- Что случилось? Плохо, да? Я сказал ему, что он переборщил...

- Нет. Выглядишь ты просто потрясающе, мышонок. Мы просто немного опаздываем, а это неприемлемо. Сделал тату? – садясь в машину и заводя мотор, спросил я. Сейчас я мог видеть только длинную челку и тату в виде летучей мышки на шее, чуть ниже ушка, но выше ключицы. Шел провел по ней тонким пальцем, на ногтях маникюр. Да, Марсель получил неограниченный алмаз и сделал ему прекрасную оправу. Все остальное предстоит сделать мне.

- Она временная, Марсель сказал, продержится неделю, можно мне потом сделать такую же, только настоящую?

- Шел, мышонок, я уже говорил, этот вопрос ты реши с Марсом.

- Я у тебя как у фронт-мена группы спрашиваю. – Улыбнулся он, поворачиваясь ко мне.

- Ну, если так, можно.

- Спасибо!

Я как раз остановился около здания, где нас ждали ребята, когда он прижался ко мне и тихо прошептал:

– У тебя было такое лицо, Мираж, просто словами не передать.

Я хмыкнул и резко повернулся, захватил его губы в мимолетный плен.

- Ты прекрасен. А теперь послушай и постарайся запомнить.

Он кивнул.

– Я уже утром тебе говорил, у нас сегодня интервью и я впервые представлю тебя публике. Это может быть как раздевание в рентген-кабинете. Но я прошу не нервничать и не показывать свой страх. Иначе тебя сожрут, и даже я не смогу помочь.

Он снова кивнул.

– Я успокою и обниму, но только позже, уже за пределами аудитории. Но ты должен помнить о том, что ты один из нас и, ни в коем случае, не показывать всего себя.

- Тони, я помню. И ты забываешь, что я не маленький мышонок.

Я улыбнулся и еще раз поцеловал его.

Когда мы подходили к аудитории программы, я сначала хотел просто интервью, но Ханна сказала, что фото в журнале или газете будет мало, и договорилась о небольшой получасовой программе, Шел схватил меня за руку. Его пальчики подрагивали.

- Не волнуйся.

Около двери стояли наши ребята.

- Вы чуть не опоздали! Где бы записать! – воскликнул Кот, а потом уставился на Шела.
– Ну ничего себе... Шел, а кто тебя охранять будет?

Мышонок непонимающе смотрел на Кота.

- Он хочет сказать, Шел, что ты прекрасно выглядишь. – Улыбнулся Бет. – И я с ним согласен.

- Да, нам понадобится больше охраны, Мираж. – Тоже улыбаясь, проговорил Майлз.
Марс молчал.

- Марс? – тихо позвал его Шел.

- Я просто не нахожу слов, вот и все. Сногсшибательный эффект, я бы сказал.

Шел опустил голову чтобы скрыть улыбку.

- Так. О! Вы уже готовы? Тогда прошу... - я напоследок сжал его пальчики и отпустил руку. Мы вошли в студию...

- Шел, все прошло хорошо. – Тихо сказал я в маленькое ушко.

- Нет, я же видел ее губы в такой кривой ехидной усмешке, она ведь теперь считает меня совершенно глупым.

Я обнял его и прижал к себе. Мы стояли около машины, ребята уже разъехались, а я понял, что мой мышонок находится на грани.

- Конечно, как ей еще на тебя смотреть? Ты ведь выглядишь как мальчишка, но с таким выражением лица, что она никак не могла понять, сколько тебе лет, а ее инстинкты трубили, что она упускает сенсацию. Поэтому и вопросы такие задавала.

- Не в вопросах дело, Тони, я уже на третьей минуте этого бесконечного прессинга хотел забраться к тебе на колени! – он поднял на меня несчастные глаза. – А что будет на концерте? Я просто убегу за кулисы?

- Нет, не убежишь, скажу Майлзу, пусть привяжет тебя веревками и приклеит суперклеем.

Из черных глаз сразу ушла паника, и он улыбнулся.

– Вот. А насчет концерта - ты сразу поймешь разницу между улицей и сценой, но главное не в разнице, а в том, что ты даришь свою музыку. И неважно - толпе прохожих или толпе фанатов. Это просто люди, пришедшие слушать, как играет твоя душа. – Я смотрел, как в его глазах рождается понимание. И он кивает, а потом чуть привстает и накрывает мои губы. Я улыбаюсь в поцелуе. Мягко и не спеша ласкаю его.

- О! Мираж, ты ли это?

Я нехотя оторвался от желанных губ, чтобы повернуться и узреть нахальную морду моего самого ярого поклонника. Лучше б сдох, честно.

- Привет, птица. Не ожидал, что в мое первое интервью после трех месяцев ты испортишь мне настроение своим появлением.

- Как всегда! – воскликнул блондин. – Хотя я смотрю, твое первое появление после трех

месяцев ты празднуешь около своей машины, и в прекрасной компании. Уже. – Нагло ухмыльнулся он.

- Позволь тебе представить, мой новый музыкант – Шел. Шел, этот тип - Ворон, самое странное направление в музыке, которое только может быть, но не это его самая страшная беда, поверь.

- Да ладно тебе, Мираж, ты, между прочим, тоже используешь элементы этого направления в музыке.

- Я использую его с умом, а ты как попало.

- Милый у тебя мальчик-пополнение. – Он попытался протянуть руку к Шелу, я почти рыкнул.

- Руки, птица.

- О! Фаворы-фаворы... - засмеялся он.

- Это невежливо, лезть в частную жизнь окружающих людей. – Спокойно произнес Шел. Ворон округлил глаза, а потом, с какой-то даже отеческой улыбкой произнес:

- Первый день в шоу-бизнесе? Понятно. Послушай бесплатный совет, малыш: здесь нет частной жизни, если ты ступил на эту тропу, и тебя не ведут за ручку, то ты рано или поздно окажешься под перекрестным огнем камер, а они умеют оголять тайны и раскапывать самые страшные секреты. Но это все может и обойти тебя, раз ты у нас маленькая слабость самого Миража. – На последнем он заржал и, отсалютовав нам рукой в митенке, удалился.

- Кто это? – тихо спросил Шел.

- Назойливая блонда. – Меланхолично ответил я. – Солист кошмарной группы «Engrais», я даже не смогу сказать, в каком стиле они играют, но эти шоу меня иногда вдохновляют на тексты моих песен. Только не говори ему, он раздуется и будет трубить повсюду, что он моя Муза.

- Он забавный, – хихикнул Шел.

- Нет, он страшный и ужасно приставучий. Но, чтобы я о нем лично не думал, он прав.

- В том, что ты ведешь меня за ручку? – улыбнулся Шел и поднял наши сплетенные ладони, а я удивленно смотрел на это, я даже не заметил, когда взял его руку.

- И в этом тоже, Мыш. Поедем домой, а то еще надо собраться в клуб.

- Поедем. – Тихо ответил он, прижимаясь к моему плечу. – Мне нравится быть твоей маленькой слабостью.

Я не ответил.

Зачем, если я сам пока не могу понять, что происходит со мной, и что я ощущаю, когда в моих объятиях это сексуальное существо. Наверное, стоит уже признаться самому себе, что внутри становится тепло, и это тепло связано именно с ним. Загадочный. Вроде открытый, милый, стеснительный, и в то же время сексуальный и развратный, игривый.

Я испытывал однажды такое чувство. В далеком детстве, там, где у меня все было, и я никогда не нуждался, играл в самые дорогие игрушки и ел все что хотел. Не мучился от голода и холода. Там у меня была мечта.

Я и сейчас мечтаю. Но сейчас мои желания отличаются от того, о чем я мечтал в детстве. Я мечтал о друге. Не об игрушках, не об одежде от кутюр, не о чем-то подобном, а о друге. Чтобы можно было играть и делиться. Он появился у меня поздно, мне было семь, это было как затмение, я боялся отпустить его от себя, боялся, что ему будет плохо, постоянно бегал в соседское имение к нему. И однажды ранним весенним утром его мама сказала, что его больше нет. Мне было двенадцать. Я тогда не знал, что такое лейкемия.

А через год меня отправили в школу для мальчиков. И там горе потери немного притупилось, стало легче дышать. Но я навсегда запомнил тусклые карие глаза моего единственного друга, который всегда понимал меня. Может быть, из-за этого я так хотел дружбы Терри, может быть, из-за этого я создал группу из детдомовских ребят. Чтобы хоть они не нуждались и были счастливы. И возможно, я хочу быть с Шелом не потому, что он так сильно напоминает мне моего умершего от страшной болезни друга, а потому что... хочу опять почувствовать себя нужным, желанным. Его.

Мне страшно признаться самому себе, что этот мальчик одним взглядом заставляет меня плавиться. Заставляет быть тем, кем я был тогда, в свои семь. Заставляет делиться...

Я улыбнулся.

- Что? – непонимающе спросил Шел.

- Вспомнил кое-что. Не голодный?

- Нет. Мы же завтракали.

- Завтраком ты назвал горелые тосты Кота?

Шел засмеялся.

- Нет, сырники Бета.

- А, ну тогда ладно. Надо в магазин еще заехать и позвонить в службу охраны, чтобы прислали парней. Сколько ж дел...

- Помочь? – искренне спросил он.

- Да, – кивнул я, и затормозил около гипермаркета. Достал с заднего сидения очки и кепку. Надел. – Будет быстрее, если мы разделимся. Я по овощам и фруктам, ты в мясной. Бери все что понравится по дороге к нему.

Он тоже кивнул и надел очки. Ему, конечно, еще не надо скрываться, но мышонку безумно они шли.

Через сорок минут мы вошли в студию, ребята носились с лаком и фенами, Кот красил ногти черным лаком и одновременно с этим глаза.

- Это что? – испуганно спросил Шел.

- А это «L'iris noir» готовится к выходу в свет! – воскликнул я. Мимо пробежал Марс, схватил совершенно потерявшегося Шел за локоть и потащил вверх.

- Тони?

- Нормально все, он тебе поможет собраться.

- Ладно! – услышал я уже сверху.

Занес продукты на кухню и убрал утренний бардак, который, конечно, никто не удосужился прибрать. Аделаида была на работе с Ханной. Мне утром Ханна сообщила, что девочка очень смышленная, и она берет ее в штат. Я вздохнул с облегчением. Конечно, я мог в приказном порядке заставить Ханну взять Ад в штат, но лучше, когда оно все приходит как бы со стороны, но кажется, что она сама приняла решение. Женщины.

Я поднялся к себе и принял душ, взглянул на себя в зеркало и сглотнул. Есть еще одна проблема, о которой знает пока только Бетховен. И хорошо, что так. Не только Коту придется тяжело на предстоящем концерте. Я печально улыбнулся и качнул головой. Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Нужно устроить Шелу дебют. А там потом посмотрим.

Через час в комнату постучали, я как раз надел последний браслет и пытался вставить пирсинг в язык.

Я обернулся и снова завис.

На нем были черные джинсы и обтягивающая как вторая кожа футболка, высокие сапоги, явно принадлежащие Коту, и митенки, также на запястьях были кожаные напульсники. Волосы решили не трогать, потому что пока еще держалась укладка Марсея, а вот сережки в милых маленьких ушках были другие. Черные висюльки в форме крестов. Я убрал руки и улыбнулся.

- Ну, как?

- Ты задавал этот вопрос, и я ответил на него утром. Прекрасно. Не поможешь мне?

- Чем?

- Вставь мне штангу.

Он подошел и удивленно посмотрел на меня, взял пирсинг.

- У тебя проколот язык?

- Да. – Я открыл рот и высунул язык, он аккуратно вставил штангу с первой попытки и вдруг вжался в меня. В сапогах он был чуть выше. И мне даже не нужно было наклоняться, я захватил его губы в поцелуй. Благодаря за помощь. Он был такой податливый сейчас, совершенно не робко проскользнул язычком в мой рот, коснулся штанги и застонал.

- Вкусно. – Оторвался он от моих губ.

- Я часто забываю ее.

- Теперь не забудешь о том, что мне нравится. – Улыбнулся мышонок. Я прикусил ему мочку уха повыше проколотых недавно дырочек и отступил.

- Теперь нет. Ребята готовы?

- Да, они прислали меня сообщить тебе, что, цитирую: «Мы ожидаем тебя, о Величество».

- Стукни, пожалуйста, Кота от моего имени. – Засмеялся я.

Клуб встретил нас громкой музыкой и табачным дымом, хотя это место было не совсем обычным, здесь часто выступали звезды и звездочки. И его хозяин был мой старый знакомый. Почему я выбрал именно это место? Потому что тут, еще ко всему прочему, тусуется вся богема.

На Шела смотрели оценивающе, на меня как обычно, Кот растворился в толпе фанатов, остальные также занялись своими делами. Два огромных шкафа, именуемые в быту охрана Господина, не отставали от нас.

Шел нервно теребил напульсник.

- Шел, успокойся. – Наклонился я к нему. Наш столик был свободен всегда, вот к нему я и продвигался. Не здороваясь ни с кем и не останавливаясь. Он шел за мной с гордо поднятой головой и с непроницаемым взглядом. Но я знал, пальчики на руках моего мышонка судорожно сжаты и дрожат.

- Почему мы не остановились и ты не говорил ни с кем? – садясь за столик, спросил он. Я вальяжно развалился на диванчике насыщенного серого цвета.

- Потому что здесь так не принято. Кому интересно - сами подойдут и спросят, и поверь, интересно всем, поэтому не пройдет и часа, как все здесь будут знать кто ты.

- Я?

- Шел, мышонок мой, ты сегодня у нас звезда вечера. – Спокойно уведомил его я. Он сидел с ошарашенным лицом и смотрел на толпу вокруг. Я нежно перехватил дрожащие пальчики и сжал.

Мальш, это шоу-бизнес.

Глава 10. Мышонок и первый шаг.

Через полчаса мой мышонок был раздражен. Я даже немного удивился, но потом понял - внимания Шел не любит. Вообще.

Вот и сейчас к нам подошел очередной любопытный и склонился к нему.

- Приветствую такую красоту в нашем логове. – И хотел протянуть ручки к моему мышонку, я уже открыл рот для того чтобы отбрить, как услышал сдавленное.

- Руки уберите.

Я хмыкнул.

- Мираж, это что же за чудо такое? В газетках пишут - твой новый любовник... - с наглой мордой сообщил Корбин, продюсер одной из певиц, как же ее там зовут, да и неважно. Шел даже ухом не повел на явную провокацию, а я как всегда кровожадно улыбнулся и мягко положил руку Шелу на плечо.

- Шел, мы ведь любовники? –

Он повернулся немного и с точно такой же улыбкой ответил:

- В твоих мечтах, Мираж. – Корбин вопросительно поднял бровь.

- Что? Я не знаю как ты, но я - со своими музыкантами не сплю. И еще, почитай что ли, вечерний выпуск газеток.

Корбин ухмыльнулся и, развернувшись, пошагал к своей певичке, обнял ее за талию и тут же засосал.

- Это нормально? – тихо спросил меня Шел.

- Нормально, не обращай внимания. Пойми, Шел, мне не важно, что они думают обо

мне, но тебя я проведу в мир шоу-бизнеса только твоим талантом. Мы не любовники, ты вообще у меня традиционной ориентации.

Он лишь кивал на мои слова и мило улыбался.

– Но если я увижу хоть один взгляд в сторону...

- Он улыбнулся шире.

- Мираааж... - пропели рядом, я снова скривился. – Какой у тебя мальчик! И откуда такой взялся?

- Миранда, крошка, а где твой муженек, опять по мальчикам, а ты в одиночестве?

Шатенка сморщилась.

- Мираж, ты всегда такой зануда.

Она протянула руку Шелу.

– Миранда Моро, журналист.

- Шел. – Пожал он руку этой акуле и грозе всех геев и лесбиянок в тусовке. Миранда сверкнула глазами.

- Мира, он не по твоей части.

- Я знаю, Мираж, все твои секреты, и то, что ты постоянно все пытаешься скрыть, но знаешь, я ведь не слепая и отлично умею разбираться в людях. – Она мило улыбнулась. – И благодари моего спутника, что уговорил меня сегодня прийти сюда как гостье, а не как журналистке. И еще... - она наклонилась, показывая грудь в декольте, неплохую такую грудь, - ...если ты не знаешь, твой мальчик стопроцентный гей.

И упорхнула, я улыбнулся. На самом деле это не страшно, потому что, если Миранда Моро не сказала это во всеуслышание, то этого пока никто не узнает.

- Хочешь коктейль? – спросил я притихшего парня. Он кивнул.

– Шел, расслабься, будет еще много разных людей, если будешь нервничать из-за каждого - надолго тебя не хватит.

- Как ты так держишься?

- Я их всех ненавижу. – Просто ответил я и встал. – Посиди, я сейчас принесу нам выпить, да и ребят найду, а то они уже слишком загулялись.

Я лавировал среди толпы, конечно, коктейль можно было заказать, но тут я преследовал

другую цель. Он должен научиться общаться с ними один на один, потому что может настать момент, когда меня не будет рядом.

Я понимаю, он не обычный изнеженный мальчик, я понимаю, что он прошел многое, даже больше, чем все мы тут вместе взятые. И возможно, что этот урок ему не нужен, но мне нужно посмотреть, на что он способен.

Около бара я увидел Майлза с милой рыжей крошкой и не сразу узнал в ней Ад. Да, за какие-то сутки девушка изменилась. И сейчас была похожа на юную нимфу, а не на прожженную шлюшку.

- Привет. – Поздоровался я с ней. Мы не виделись с того момента, как я отослал ее к Ханне, и я даже не знал, что она тоже собралась сегодня в клуб.

- Привет. – Ответила она, и я заметил, как Рей убирает руку с ее талии.

- С кем ты здесь? – я показал бармену два пальца и он подошел. - "Дьюк тюлип" и бутылку Martini Brut.

Бармен кивнул и поставил передо мной пару фужеров под шампанское.

- Я с Ханной, она сказала, сегодня ты тоже будешь здесь, я не хотела идти, но она настояла. Девушка немного покраснела, а я лишь ухмыльнулся и посмотрел на Рея. Он смотрел на меня серьезно и покачал головой, я хмыкнул.

- Смотри сам и решай тоже. Я мешать не буду. И, Аделаида, предупреждаю один раз, испортишь мне репутацию Майлза, я не пощажу – закопаю. – Я подхватил бутылку, два бокала, коктейль и пошел обратно к нашим диванчикам.

Когда я подошел, я просто остолбенел. Шел сидел в окружении нескольких девушек и мило улыбаясь что-то рассказывал, но глаза такие, что даже мне стало холодно. Многие разочарованно вздыхали и вставали, шли обратно к своим папикам. Другие же продолжали спрашивать, и он, улыбаясь, отвечал.

Я приземлился на диванчик рядом с ним, на освободившееся место, поставил бутылку шампанского и бокалы, протянул ему коктейль. Девушек сдуло.

- Они так тебя боятся?

- Репутация у меня очень милая, вот и боятся.

- Ты же говорил, что это только слухи. – Он сделал глоток. – О, вкусно!

- Знал, что тебе понравится. Да, слухи, но они верят, что я садист и обожаю привязывать своих любовников и любовниц и бить их розгами... и тушить об их беззащитные тела окурки.

- Фу, Мир, как ты мог допустить такие слухи? – он повернулся ко мне и засмеялся. Недалеко от нас какая-то девица удрученно вздохнула. Да, малышки, он смеется только для меня. И вообще - он мой.

- Шел, мне все равно. Тот, кто ищет приключений - всегда их найдет, а тот, кому не хватает острых ощущений - ищет их в объятиях слухов. Так и живем.

Он снова улыбнулся.

- Мне не нравится здесь. – Проговорил он, все также улыбаясь.

- Мне тоже. Единственный из нас, кто действительно ловит кайф от того – это Кот.

- Ему нравятся такие сборища глупых дурочек со старыми дядьками и парнями, которые отличаются от дурочек только членом?

Я рассмеялся.

- Именно! Потанцуешь со мной?

- Ты серьезно? – он отставил бокал и удивленно посмотрел на меня.

- Мы пришли сюда развлекаться. – Ответил я ему.

- А я думал, шокировать публику и представить им меня...

- Именно! – снова воскликнул я и встал, схватил его за руку и потащил в гущу толпы. Шокировать и эпатировать у нас умеют все, особенно Терри Грант-Стоун. Но мы тоже не просто так зовемся «Мираж».

Немного плавно и покачивая бедрами, я обнял его, положил руки на плечи, и мы задвигались. Мне нравилось, что Шел чувствует ритм, это и отличает настоящих музыкантов. Чувство ритма. Он прижался ко мне и качнул бедрами в мой пах, в толпе этого никто не заметил, но я очень хорошо ощутил. Он был возбужден, глаза блестят, губы приоткрыты.

- Нравится?

- Да, я давно не ощущал себя настолько живым. – Он прикусил губу.

- Шел, я обещаю, что чувства вернутся, и ты сможешь просто смеяться и радоваться жизни.

- Спасибо, Мираж.

Я крутанул его и под последние аккорды песни прижал к себе.

- Не за что.

Остальной вечер прошел тихо, нет, подходили, спрашивали, знакомились, но уже никто не делал предположений и не вешал ярлыков. Шел расслаблялся с каждой минутой все больше, а когда закончилась бутылка шампанского, потащил Марса танцевать.

Правда, Марс вернулся без него.

- Где Шел? – Марс улыбнулся.

- Мираж, ему тоже нужно выпустить то, что ты в него влил. – Смеясь, ответил он. Не очень это хорошо, что он пошел в туалет один, я встал и велел ребятам быть готовым к отходу. Мне уже поднадоело здесь.

Неприятности всегда там, где их совсем не ждешь.

Я открыл дверь и сразу увидел его, моего мышонка прижимал к стене один из бас-гитаристов Ворона. Целовал несдержанно в шею, Шел упирался ему в плечи, но был меньше, этот бугай что-то лепетал ему между поцелуями.

- Прости, что помешал, Курт, но отпусти его уже и дай вздохнуть.

Курт отлетел от моего мышонка.

Мне всегда было интересно, что классного в том, чтоб вечно ходить под кайфом.

– Шел? – я протянул руку, мальчишка схватился за мои пальцы, руки дрожат, в глазах паника. Но не плачет. Привык не плакать.

Я повернулся к гитаристу, он стоял и непонимающе смотрел на Шела.

- Парень? Ах, ты... *...* и не поймешь, *...*! – лексикон богатый.

- Курт, передай Ворону, что у меня к нему очень серьезный разговор. – Ответил я на его тираду. Он лишь кивнул, в таком угаре, в котором находился этот человек, вообще странно, что он что-то понял.

Мы вышли в зал, мышонок молчал и потирал шею, на которой был немаленький засос.

- Времени мало, нужно было лучше объяснить тебе, что такое клуб, в котором гуляют звезды.

- Я уже и так понял, это место, где нельзя сходить в туалет, тебя обязательно прижмут к стене. – Он передернул плечами. – Он спутал меня с девчонкой.

- Это его не извиняет.

Мы завернули за угол к выходу, здесь было темно, и это было здорово, я встал спиной к проходу и прижал Шела к себе. Он уткнулся носом мне в ключицу и засопел.

- Ненужно было уходить одному. – Тихо проговорил он. - Марс хотел меня проводить, но я отказался. А когда этот бугай прижал меня к стене, я испугался. И...

- И? – я гладил его по хрупкой спинке, он не плакал, просто был в жуткой панике.

- И я звал тебя. – В шею прошептал он. Я улыбнулся и почувствовал что-то сродни торжеству.

- И я пришел. – Немного наклоняясь, проговорил я и впился в его губы, коротко, но сильно. Отстранился.

– Поехали, ребята нас уже ждут.

Приехали домой и разбрелись по комнатам. Завтра у нас репетиция в зале «Оракула». Поэтому нужно отдохнуть, было достаточно поздно, но я не мог уснуть, Ад позвонила и сказала, что сегодня домой не придет и останется ночевать у Ханны, и я вдруг понял, что моя постель слишком большая и холодная.

Промучившись почти час, я не выдержал и встал, вышел в коридор и в темноте налетел на тонкое тело.

- Ой! – послышался сдавленный шепот с пола. – Тони?

- Шел, ты почему не в постели? – недоуменно спросил я.

- А ты? – также с пола, спросил он. Я наклонился и подхватил его на руки. Повернулся и занес в свою комнату, положил на кровать. – Тони? – снова немного шокированно.

- Мне было скучно, и я решил, что ты скрасишь мой досуг.

- Сейчас ночь, Тони, и ты все время сам говоришь, что ночью нужно спать.

Я не включал свет, я и так прекрасно видел в темноте, он улыбался и нашарил уголок одеяла, потянул его на себя, укрылся.

- Да, тогда, может, скрасишь мне ночь?

Он тихо рассмеялся.

- Не мог уснуть без меня? – несмешливо, и мне нравится, что он так разговаривает со мной, мне нравится, что его тонкие пальцы, кроме того, что нащупали край одеяла, нежно погладили мою ладонь. Я наклонился и мягко накрыл его губы.

- Соскучился. – Прошептал я в приоткрытый ротик. Он блаженно вздохнул и потянул меня на себя.

- Тони, я тоже не мог уснуть, кровать казалась слишком большой, и я долго собирался с силами и придумывал предлог, чтобы постучаться к тебе. – Часто зашептал он. Я лег рядом и обнял его.

- Не думай в следующий раз. Я понимаю, будет сложно, по причине того, что на публику мы должны будем играть, но пока так лучше, для них для всех ты - темная лошадка, и они не знают, что от тебя ожидать. Но я хочу, чтобы дома ты не скрывал то, что хочешь. Ребята тоже играют роли, я не придумывал им типажи, они придумали их сами, но это необходимо. Чтобы у тебя оставался шанс на личную жизнь, чтобы ты мог просто встать утром в боксерах и почесать живот, не думая о камерах и репортерах. Понимаешь?

- Да.

- Шел, ты не устал? – немного интимно в его маленькое ушко, я сразу понял, что он уловил эту перемену, но меня обрадовало то, что он не напрягся.

- Нет. И шампанское до сих пор бурлит в крови...

- Если ты хочешь...

- Я не знаю.

Я вздохнул и накрыл его собой, сильно поцеловал в приоткрытые губы, сразу проникая в ротик, не давая ему и шанса на сопротивление. А он и не сопротивлялся. Застонал.

- Вот этого мне не хватало сегодня весь вечер.

Вжимая его в кровать, я скинул одеяло и мягко, как мог, раздвинул ему ноги. Мы были в пижамных штанах, и я не хотел их снимать, просто не быть ближе уже невозможно. А они немного отрезвляют и не дают мне быть грубым. Я чувствовал жар его тела, его нежность.

– Шел, ты только не уходи в себя, хорошо...

- Да, хочу быть с тобой, пусть только дома, просто хочу быть.

Я застыл. Мышонок всхлипнул и подкинул бедра, и его тонкие пальчики сжали мои плечи, а ножки обвили талию.

Я рыкнул и перевернулся вместе с ним, он оказался на мне, сидя. Выгнулся. И судорожно заерзал, потерялся.

- Шел... - безумие, страшно представить, что происходило во мне.

Я знал, как это называется. Я знал, потому что он сейчас предлагал себя, а я боялся

взять. И вот этот страх... я знал, как он называется. Чувство, которое заставлял меня испытывать этот хрупкий, но в тоже время сильный мальчишка. Это чувство, которое я, возможно, ждал так долго...

Я застонал и прижал его к себе за бедра, зашептал.

- Шел, мышонок, ты сейчас удивишься, но я тоже хочу быть с тобой.

Он застыл и вдруг кончил. Упал ко мне на грудь и разревался. Теплая жидкость разлилась, и он судорожно задышал.

- Прости, нельзя говорить такие вещи во время прелюдии.

- Это была прелюдия? – тихо рассмеялся я.

- Конечно, в твоем понимании это просто детство, но мне нравится. Нравится, что ты сжимаешь мои бедра, и твой член трется об меня, и мне нравится, что ты такой терпеливый и хочешь меня так сильно...

- А мне определенно нравится ночь, потому что ночью ты становишься раскрепощеннее.

- Тони, ты ведь... давай я... м?

- Или мне только кажется.

Он медленно спустился ко мне в ноги и так же медленно стянул с меня штаны, не снимая до конца. Мягко провел руками по моему возбуждению и опустил голову, вобрал в себя мою головку. Я смотрел в темный потолок и думал о том, что этот ротик прекрасен и что я желаю не только ротик, но действительно могу подождать.

Немного больше чем головка и резко вниз - вверх, чуть больше половины и нежно сжал яички, я расставил ноги и запрокинул голову, вскрикнул.

– Шел, мой ты шелковый и нежный, сильней.

И он подчинился, немного сжал губами плоть, и задвигал рукой, сильнее сжимая пальцы. Я понимал, что злоупотреблять этим нельзя, иначе он не увидит разницы между мной и тем, что у него было раньше. Поэтому лишь мягко погладил его по чуть влажным волосам. Подкинул бедра и кончил.

Он не отстранился, а выпил все и вдруг соскочил с кровати и бросился в ванную. Я сначала не понял, а потом тоже вскочил, сбросил штаны и открыл дверь ванной. Он стоял и сплевывал сперму в раковину.

- Шел? – я понимал, что это естественно, и мне не было обидно, но нужно было объяснить это ребенку, которому я только что кончил в рот.

- Прости, я не могу...

- Я понимаю. – Я подал ему полотенце и приобнял за плечи. – Ты мог вообще её не глотать.

- У меня не всегда так, иногда просто не могу.

- Успокойся, я все понимаю, умойся.

Он открыл воду и сполоснул рот.

– Хочешь, зубы почисть.

- Нет, не нужно. – Он вытер лицо и повернулся ко мне, в глазах снова затравленное выражение. – Прости.

- Я уже сказал, что все понимаю, и ты не должен переживать.

- Как ты так можешь? – прошептал он.

- Как?

- Только отдавать, не прося взамен?

Я улыбнулся и коварно сверкнул глазами, но так как мы были все еще в темноте, видеть он меня не мог, и я ухмыльнулся и схватил его поперек тела, понес обратно в постель, бросил на живот. И защекотал. Он сначала затих, а потом завизжал и начал отбрыкиваться.

- Это я только сейчас, а потом выставлю тебя огромный счет в минутах и будешь отрабатывать, мышонок.

- А можно в чем-то другом! – засмеялся он.

- Конечно. В поцелуях...

Он перевернулся и обхватил руками за шею, впился мне в губы, я даже перестал его щекотать. Страстно, сильно, всепоглощающе.

- Я уже сейчас начал. – Сипло после смеха и поцелуя ответил он.

- Это только начало. – Предупредил я серьезно.

- Да.

Договорились, малыш.

Глава 11. Скрывая важное.

Я сосредоточенно смотрел на стакан. Кашлянул. Бет хмуро проговорил:

- С каждым разом только хуже, ты должен показаться врачу.

- Я там уже был. И ты знаешь, чем это закончилось.

Он покачал головой.

- Мираж, зачем ты это делаешь? Ты потеряешь голос, ты понимаешь?

Я хмыкнул.

- Ради вас и делаю, теперь еще и ради Шела, ему нужен прекрасный дебют.

- А что будет прекрасного в том, что солист охрипнет во время концерта? – серьезно спросил Бетховен.

- Запомнят. – Улыбнулся я. Взял стакан с противной жидкостью и проглотил одним махом. Бет открутил крышку с флакона для полоскания, налил в стакан и разбавил теплой водой. Протянул мне.

- Запомнят, как ты хрипел свои песни, Мираж, и как Кот орал от боли в запястье.

- Все, достаточно. – Я подошел к раковине и начал полоскать горло, сплюнул. Черт! И почему так не вовремя это дурацкое обострение?! Это началось давно, сначала кашель, я думал, что просто простуда-ангина, но оказалось, что нет. И вот это «нет» меня и душит после каждого долгого концерта и репетиции. Собственно, сейчас была генеральная репетиция, до концерта два часа, все ребята на нервах, Кот в своей гримерке плачет над рукой. А я вот, на пару с Бетховеном, пытаюсь привести свои связки в норму. Скрываю, да, скрываю, что после концертов не могу говорить, скрываю уже давно.

Я сплюнул последний глоток и отставил стакан. Бет протянул ментоловую пастилку. Чтобы не так сильно пахло лекарствами. Я сглотнул и поморщился.

- Черт!

- Он и есть, только не черт, а Мираж!

Я повернулся и посмотрел на серьезного Бета.

- Так, прекрати нервничать, еще не хватало чтобы ты психовал.

Я взял сценическую куртку и пошел к Шелу. «Оракул» позволял своим музыкантам отдыхать перед концертами как королям. У каждого своя гримерка, у каждого то, что он хочет и не хочет тоже.

Еще не подойдя к комнатке Шела, я услышал флейту.

Он играл вдохновенно, но было слышно - нервничает. Около двери стояло несколько человек из нашей obsługi. Слушали. Да, музыка была красивой, как ручей и осенний ветерок с листьями, кружащими над гладью озера и боящимися утонуть в воде.

Я прошел мимо ребят, они тут же вернулись к работе. Открыл дверь.

Он стоял посреди комнаты с закрытыми глазами и играл. Я улыбнулся. Облокотился на косяк двери и просто смотрел на него, на его вдохновенное лицо, на его хрупкую фигурку, на его тонкие пальчики на изящном инструменте. Красивый.

Шел отложил флейту и вдруг всхлипнул. Я, не думая, быстро подошел к нему и обнял.

- Боюсь. – Пропищал он.

- Тшш. Чего ты боишься, ты даже не увидишь никого, потому что в зале будет темно.

- Он такой огромный, этот зал. – Он вжался в меня и вцепился в футболку.

- Да, «Оракул» большой, но меньше чем «Солнышко»... Шел, послушай, если ты будешь играть так же, как на репетиции, то все будет прекрасно. Ты мне веришь?

- Да. – Он замолчал, и вдруг поднял на меня глаза и прошептал. – Чем так пахнет, новая туалетная вода на основе ментола?

Я улыбнулся.

- Нет, пастилка от горла, что-то неважно себя чувствую, заболел, наверное. – Эта ложь всегда спасала меня, но я видел в темных глазах неверие. И чтобы отвлечь, наклонился и поцеловал мое шелковое чудо. В дверь вошел Кот и, прикрыв ее, морщась, прохныкал:

- Мираж, помоги мне, я не могу сам, а никто больше не умеет перевязывать так как ты... - не обращая внимание на то, что мы целуемся, сел в кресло, аккуратно убрав с него куртку Шела.

Я нежно прикусил сладкие губы моего мышонка и оторвался от него, повернулся к Коту.

- Давай. – Сел рядом с ним на корточки. Они все для меня дети, сам не понимаю, как так получилось, но я отношусь к ним как к своим детям. Маленькие, не получившие любви. Они моя семья, хотя я один из них имею это достояние в виде семейных уз, но моя семья не то, чтобы уж плохая. Просто и мама и папа думают больше о семейном бюджете и его трате, чем о семейных ценностях. Поэтому я нашел себе альтернативу. Быстро перевязал Коту руку.

– Пошевели запястьем, не туго?

- Нет, нормально. – Он вздохнул. – Что будем делать, если я оплошаю?

Я видел, как Шел вскинул голову. Его этот вопрос волнует тоже, я знаю.

- Продам тебя в рабство Маку.

Кот открыл рот.

- Только не этому извергу! Ты что!

Я засмеялся.

- Зато быстро научишься не плошать и работать как Даниэль и Терри.

- Да ну их, я вообще не представляю, как они его выдерживают, не продюсер, а машина.

- Вот видишь, поэтому не задавай глупых вопросов и будь уверен, если рука устанет или сорвется, мы просто уйдем на небольшой тайм-аут, я все устроил. И я, конечно, не Мак, но тоже немного разбираюсь во всем этом. Так что без нервов.

Я обернулся к Шелу, он сидел на столике для грима и смотрел взволнованным взглядом на меня и Кота.

– Шел, тебя это тоже касается. Я прошу не нервничать. Так, есть не хотите, пить?

Они оба одновременно покачали головами в знак протеста.

– Ладно, а я вот хочу чаю, хватайте ребят и присоединяйтесь ко мне.

Я встал и вышел из комнатки, приложил руку к губам, кашель душил. Как я буду петь? Я покачал головой, буду, куда я денусь. Я вернулся к себе, комната была пуста, и я огляделся. К этому ли я стремился всю свою карьеру?

На столике были разбросаны бумаги и косметика. Договора и тексты. Вешалка с костюмами, так как сегодня мы никак не могли решить, в чем будем выступать. Ноутбук. Микрофон, гитара-талисман Кота. И в этой комнатке весь мой мир. Все то, что я так берег и добивался. И каково будет все это потерять? Потерять горящие глаза Кота, когда он берет в руки свою малышку, потерять задорную улыбку Майлза и серьезный взгляд Бетховена. Потерять все из-за того, что я надорвался... Черт!

Я схватил чашку с нотами на боку и кинул в стену.

Нужно просто успокоиться и сделать свою работу безупречно чисто, чтобы у ребят был шанс. Точнее, не совсем у ребят, а у Шела. Ведь его сегодня увидят в действии впервые и нужно, чтобы он был также безупречен. Я втолкнул мыском сапога осколки чашки за диванчик и сел на него, откинул голову на спинку. Кашель просто невыносимо давил на связки и сжимал гортань. Спокойно.

В дверь постучали, и она приоткрылась.

- Заходите.

Ребята вошли и расселись. Шела Марс усадил рядом со мной. Здесь было достаточно места для всех, так что они расселись на другой диванчик и внимательно глядели на нас. Я перехватил тонкое запястья в напульснике и немного сжал, а Шел вдруг удивил, положив голову мне на плечо и вздохнув.

- Напутствие, папа. – Улыбаясь, проговорил Марс. Я вздохнул.

- Знаю, что это первое выступление за долгое время, знаю, что нервничаете. Но также знаю - вы все профессионалы и знаете, что делать в той или иной ситуации. Поэтому долгую речь заводить не буду, скажу только одно: если будет форс-мажор, любой, не стесняться давать отмашку. Кот, это тебя касается в первую очередь. Шел. Я знаю, слишком быстро, но лучше так, чтобы никто не смог ничего надумать о тебе. И я знаю, ты так же, как ребята, справишься. – Я перевел взгляд с ребят на него, но успел увидеть серьезный взгляд Бета. Шел лишь улыбнулся и накрыл мою руку на своем запястье.

- Мираж... - начал было Бет.

- И еще... - игнорируя его, продолжил я. – Хочу чаю.

Он тут же подорвался и вылетел из гримерки. Я улыбнулся.

Он узнал об этом случайно, я тогда в туалете после выступления чуть не задохнулся от кашля. Он прикрыл и прикрывает до сих пор. Не знаю, в благодарность за лучшую клинику или за то, что я избавил его от зависимости, но он помогает мне оклематься каждый раз после концерта. Три месяца перерыва – чем это мне грозит?

В первую же песню я понял, что не выдержу еще пять. Мы всегда старались выступать живую, всегда добивались этого, но сейчас, видимо, придется ставить запись.

- Привет! Мы снова с Вами и надеюсь, что Вы еще не успели соскучиться, но если даже так, то не будете скучать сейчас! – прокричал я в микрофон. Улыбаться. Улыбайся! – Хочу представить Вам наш незаменимый состав! Марс – гитара.

Марс прошелся пальцами по струнам своей малышки.

– Майлз – ударные! – барабанная дробь. – Бетховен – наш незаменимый клавишник! Кот – басы! Ииии хочу, чтобы Вы отнеслись к нему с почтением! Шел – наше новое, прекрасное нечто – флейта!

Зал взорвался.

– Ну и забыл, как всегда, о себе любимом! Мираж – соло! И все это великолепие вместе – «L'iris noir»! – я убрал от лица микрофон и выдохнул. Сделал знак рукой, Бет заиграл, Кот подхватил... а я запел. Вживую!

Шел играл потрясающе, мы решили пустить его отдельно, только с моим голосом, третьей композицией. Это было красиво. Действительно качественно новое, и действительно шедшее нам. Он играл, а я пел. И это было для него. После того как он отстранил флейту от губ, а я протянул последнюю строчку, зал погрузился в звенящую тишину. Я видел, он дрожит. И вдруг грянул гром аплодисментов. Они кричали, просили на бис. Я поднес микрофон и тихо проговорил:

- Небольшой перерыв, и я обещаю Вам еще три песни, взамен на бис, и обещанные пять.

Мы ушли за кулисы.

- Мираж? – взволнованно спросил меня мышонок.

- Ты был великолепен. – Прошептал я в его волосы, обнимая и прижимая к себе.

- Шел, Мыш, потрясающе справился! – подлетел к нам Марс. Я отстранился и дал ребятам поздравить его. Бет похлопал Шел по плечу и вручил мне бутылку теплой воды. Я знаю, в ней сироп для смягчения голосовых связок. Поможет ли?

Мы отыграли обещанное публике и спокойно поехали домой, мой телефон разрывался, а я пока не мог и прохрипеть что-либо. Голос сел. Совсем.

Ребята косились на меня, потому что я жестом, обычным своим, послал разбираться с оплатой Марса. И сейчас, сидя в машине, не сказал еще ни слова, а мобильник разрывался. Я вздохнул и нажал на зеленую кнопку, говорить не пришлось, это был тот, о ком я еще не успел забыть.

- Выступление было потрясающим, Тони. – Раздался на том конце насмешливый голос. Но в ту же секунду стал серьезным.

– Не знаю, замечают ли твои ребята, что с тобой что-то не так? Но это не суть важно, потому что ты мальчик взрослый, разберешься сам, у меня для тебя новости о твоём новом музыканте. Говорить сейчас?

Я молчал, а потом угукнул.

– Прекрасно, значит, великий Мираж теряет голос, твой отец будет доволен... Ладно, не хмурься. Итак, Шел. – Он стал абсолютно серьезным и даже деловым. – Имени у него нет, Тони, точнее, не было, до того как он остался в родильном отделении. Там его назвали Ноэль Вайт. Его мать некая мадам Стюарт, ты уже догадался, да? Я, если честно, был в шоке от ее лицемерия. В общем, она отказалась от мальчика и обрекла его на пять-шесть лет приюта, потом нашла и с новым мужем усыновила собственного сына, но мальчик уже тогда был не таким глупым... Каким-то образом малыш понял, что эта женщина его биологическая мать. И долго хранил этот секрет от приемного отца. Замыкался все больше, перестал разговаривать и появляться на глаза родителям, пропускал уроки в школе. Тогда и

разгорелся скандал, и ревнивый, ничего не понимающий муж задал вопрос и получил ответ... Знаешь, Тони, я бы снял по этому сюжету отличный фильм и заработал миллионы! Так вот, он в порыве, уж не знаю ревности или чего другого, убил ее... при ребенке. Забил насмерть. И таким образом мальчик попал в приют обратно. Он не говорил, не писал, не читал, был как брошенный котенок в дождь. А тот приют, в котором он оказался, не отличался ничем от тюрьмы, в которую попал его приемный отец. Прошел почти год, прежде чем Ноэль смог нормально воспринимать мир, хотя нормально, Тони, это очень грубо сказано. Сколько ему сейчас, шестнадцать?.. по бумагам шестнадцать, Тони, не семнадцать... так вот, все это случилось в его двенадцать, все бумаги из первого приюта были утеряны, и во втором тоже была какая-то странность с бумагами, его имя вдруг стало - Шел. Ноэль Вайт существует только в бумагах роддома, так же как дата его рождения. Он может и не отозваться на это имя. А еще... второго усыновления не было, мальчика просто продали, так что твой Марс может вообще не знать о том, что Шел был продан, а не усыновлен. Куда продали такого милого мальчика, можешь догадаться сам. В общем, я больше пока не нашел ничего, да и думаю, что этого будет достаточно для утоления твоего любопытства. Он очень осторожный, нагло обманывающий и совершенно незащитный мальчик. Тони, я тебя прошу, поговори с ним, узнай что он хочет от тебя, потому что Ноэль, или Шел, наглая, заботящаяся только о себе шлюшка. Это только мое мнение, но я составил его на фактах, Тони.

Я молчал. За окном автомобиля пролетали улицы и огни. Я не знаю, что делать, ведь я, кажется, попал полностью под его обаяние.

– Энтони, до встречи в субботу у твоих родителей, меня, наконец-то, тоже пригласили на семейный обед.

И гудки. Я отбросил трубку и посмотрел на Шела, он разговаривал с Марсом и был совершенно нормальным. Казался нормальным.

Ноэль Вайт. Ему не идет это имя, данное не родной матерью, а какой-то медсестрой. Ненавистное наверняка, и он пытается его забыть. А может и не пытается, а просто не помнит.

Продали. Каково это, когда ты не имеешь власти над собственной жизнью? Я вздохнул.

На наглую и беспринципную шлюху он не похож. Что-то ты мудришь, дядя. Или же не договорил, или поспешил с выводами, хотя, раньше никогда не спешил. Стареешь.

Я улыбнулся. Машина остановилась, и мы вошли в дом, я нежно притянул Шела к себе и повел вверх. Голос еще не вернулся, но он мне вряд ли понадобится.

Мы молча вошли в комнату, и он вдруг вырвал руку и развернулся ко мне, прижался.

- Тони, что с тобой?

Я улыбнулся и накрыл его губы. Глупо. Он такой заботливый, такой нежный. Мой.

- Все в порядке. – Немного хрипло и тихо ответил я.

- Нет, ты молчал всю дорогу из клуба, я сделал что-то не то?

- Все в порядке, ты был великолепен.

- Тони, в твоих разных глазах что-то другое. Ты как-то странно на меня смотришь. После того звонка. – Он опустил голову и тихо прошептал:

– Кто тебе звонил?

- Мой дядя, сказал, что тоже приглашен на обед в субботу. – Я возвел глаза к потолку. – А суббота уже завтра, кошмар!

Он улыбнулся и, встав на мысочки, накрыл мои губы. Поцелуй был умелым, нежным. И я подумал и отбросил все, что узнал сегодня. В конце-то концов, не каждый может начать сначала, не каждый может полностью перечеркнуть свое прошлое и идти вперед. А я просто хочу помочь этому мальчику. Он оторвался от меня и, лукаво сверкая черными очами, прошептал:

- А так долго он тебе меню на обед пересказывал?

Я засмеялся и проговорил в немного припухшие от поцелуев губы.

- Именно.

Голос почти вернулся, но мне нужно было еще раз пройти процедуру полоскания и выпить сироп. Иначе завтра я снова буду молчать. На радость дяде и отцу.

– Ты не устал?

- Нет, наоборот, так хорошо. И легко. Можно я останусь у тебя сегодня? – спросил, а сам с такой опаской ждет ответа.

- Можно, только с одним условием, ты расскажешь мне о себе. Немного, то, что считаешь нужным... - Он медленно кивнул и опять прижался ко мне. А я обнял его. Мой. И все.

После душа мы лежали на кровати, и он перебирал мои мокрые волосы.

- Что ты хочешь, чтобы я рассказал? – в тишине спросил он.

- Я знаю о приюте, о твоих приемных родителях немного, о «Доро», но я ничего не знаю о тебе.

- Разве? Мне казалось, что я достаточно рассказал о детстве и о прожитых годах в

приютах...

- Нет, я хочу знать другое... о том, что тебе нравится в сексе...

Его пальцы застыли в моих волосах.

- Тони, это так ужасно смущает. – Он вздохнул. – Если честно, я не знаю. Мне нравится, когда ты ласкаешь перед сексом, точнее, попыткой заняться им.

Я вдруг шокированно понял, что он говорит не о том, что ему нравится, а о том, что делаю я.

– А еще мне нравится твое тело, ты красивый такой идеальной красотой. Я знаю, ты не это хотел услышать, но я, правда, не знаю, что мне нравится в сексе. Если бы ты спросил, что я умею... но этого ты не спросишь, я знаю.

Я присел и обнял его, на нас были пижамные штаны, а на нем еще и куртка от пижамы, так что он не стеснялся, хотя я уверен, сейчас я могу зайти дальше, чем до этого, он доверился, немного, но все же доверился.

- Шел...

Он уткнулся мне в шею и быстро проговорил:

- Ты нравишься мне, очень. И это не только благодарность, это другое. Ты как прожектор осветил мне путь, ты для меня все, и я, кажется, впервые в жизни могу сказать эти слова. Я люблю тебя, Тони. Застыл. Сжался весь. А я притянул его сильнее и ничего не ответил, не потому что не понял еще что чувствую, а потому что не могу так просто, импульсивно.

Но я тоже, малыш.

Глава 12. Обед в классическом стиле леди Максвелл.

Утром я проснулся один. Это меня немного озадачило, но прислушавшись, я понял, что уже далеко не утро и ребята сами репетируют. Я вздохнул.

Он вчера признался мне в любви. Так просто, хотя я верю, что ему было непросто. Но он сказал: «Тони, я люблю тебя». Боже, сколько я еще буду... хотя подожди, с чего я вообще взял, что буду терпеть. Я взрослый человек, а он мальчишка и ему всего шестнадцать, да, он прошел очень длинный и сложный путь, да, познал боль... Но я могу выступать в роли защитника, а он может влюбиться в этот образ. А ведь я совершенно не такой, да... вот же дилемма.

Я откинул одеяло, и на пол приземлился кусочек бумажки. Я улыбнулся и поднял его.

- Ты так сладко спишь,

И я хочу охранять твои сны.

Я знаю, о чем ты молчишь, - а дальше все перечеркнуто. – С добрым утром, Тони.

Я улыбнулся. Да, почерк у моего мышонка просто ужасен, и грамотность страдает. Надо этим тоже заняться, а еще танцы... Черт, сколько еще нужно сделать. Успеть...

Я положил листок на столик и пошел в ванную. Думать не хотелось, меня ждало полоскание и микстура.

Я открыл шкаф и достал костюм. Я делаю это только один раз в неделю - одеваю костюм. Не то, чтобы я их ненавижу, просто мой образ жизни ну никак не предусматривает костюм.

Моя мама как королева, если вы не соответствуете ее стилю, точнее, стилю ее гостиной, то она считает это моветоном, ну и, соответственно, следующего приглашения на званый обед или ужин вы не дождетесь. Но это не касается меня. Правда, я один раз хотел это проверить, не вышло... меня тактично попросили сменить свои варварские вещи на более приличное одеяние в своей комнате. Папа тогда тихо посмеивался и поправлял мне галстук. А мама весь обед предлагала пройтись по магазинам, раз я не могу самостоятельно купить себе нормальный костюм для выхода в свет, а что это высшее общество всего лишь обед у родителей - не имело значения.

И в тот день я зарекся спорить с мамой...

Надел брюки, носки и классические туфли, рубашку слоновой кости и сверху пиджак. Сам костюм был темно-зеленый с отливом. Галстук тоже следовало подбирать основательно, потому что это пункт моего отца. Черт побери, эта сторона моей жизни одни условности. Но я был бы не я, если бы в этот образ не вплел только мне свойственные вещи. Надел несколько браслетов на руки и оставил пирсинг в языке. Протест. Пусть.

Я как раз заканчивал сушить волосы, когда дверь приоткрылась и я в зеркало увидел шокированный взгляд Шела.

- Доброе утро, мышонки. – Я повернулся и облокотился на столешницу. – Шел?

- А? О! – он сглотнул. – Тони?

- Я это, я.

Я сделал шаг к нему и наклонился, прикоснулся к мягким губам. Только касание. Нежное, чтобы не разбудить в нем страсть, да и в себе тоже.

- Ты такой... - в черных глазах было столько восхищения, что я невольно подумал, что играть так невозможно.

- Официальный.

Он покачал головой и протянул руку, дотронулся до воротничка моей рубашки.

- Красивый. – Тихо и просто, и я плыву. – И пахнет здорово... ой!

Я прижал его к двери и впился в губы, немного приподнимая его и раздвигая коленом ножки. Он всхлипнул и приоткрылся, положил одну ногу мне на бедро, я прошелся по ней рукой, от икры до ягодицы, сжал. Страстно, безудержно. Хочу, как же я хочу его...

- Шел, мышонок... - перед глазами все поплыло, и я понял, если не отступлю сейчас, то потом буду жалеть об этом. Сильно. Ведь я хочу взять его мягко, а в таком состоянии это не получится. Я последний раз сильно вжался в него и аккуратно поставил его на пол.

– Если ты не передумаешь, то вечером... - прошептал я в припухшие губки. В помутневших глазах было понимание, и он осторожно кивнул. Я ухмыльнулся.

– Теперь у меня будет повод покинуть семью намного раньше...

- Ты же на обед? Я забыл. Ребята послали меня разбудить тебя, потому что у тебя какая-то важная встреча...

- Да уж, важнее этого обеда и быть не может. Все, я побежал. А то моя мама будет переживать, и у нее появятся преждевременные морщины... - Я закатил глаза. Шел улыбнулся.

– Так, из дома не уходить. – Спускаясь по лестнице начал я.

– Кот, на тебя уборка. – Он склонил голову и печально мяукнул.

– Бет, готовка и кормление оравы. – Бет отсалютовал.

– Майлз, у меня для тебя задание: съездить в город и купить две банки отличного кофе, нет, лучше четыре. Потом возьмешь Шела и вместе с ним сходишь к ребятам из «Baiser», отнесете им две банки. И только попробуй потерять по дороге Шела.

- Папа, но это противоречит первому приказу, цитирую «из дома не уходить»... - проговорил, прикладывая руку ко лбу Майлз.

- Рей, я серьезно могу запретить вам уходить из этого дома...

Он тут же стал серьезным.

– Таак, Марс, твое задание в силе, прошу доделать сегодня... Так, что еще... А! Если будет звонить Ворон или не дай черт его сюда еще и принесет, задержать и привязать к стулу. А по телефону сказать что он ...*.

- Ого! – воскликнули они разом.

- Вот так. – Я взял со столика ключи от Мерседеса и еще раз чмокнул молчавшего Шела, вышел за дверь.

Мои парни были сегодня, как всегда в субботу и в воскресенье, полуголые, один Мыш разве что отличался наличием джинсов. Я улыбнулся.

Щелкнул брелком, и моя официальная машинка отозвалась приятной трелью. Это еще один из пунктиков моей семьи. Слишком много правил.

Может, мы с дядей и бежали от этих правил. Бежали каждый куда смог, я в музыку, он - в полицейскую академию, которую закончил с отличием, но по профессии ни дня не работал. Сказал что это низко... Наверное, он прав.

А вот моя мечта закончится неизвестно чем, если я в ближайшее время потеряю то, чем, собственно, живу... Обидно.

Я сел за руль и завел свою малышку. Она отозвалась мягким урчанием мотора. И резко взлетела.

У подъездной аллеи в поместье было много машин, и я чертыхнулся. Званный обед! Ох, дядя, я мог бы догадаться, что моя мать не пригласит тебя на семейный обед, а вот на званный вполне.

Я оставил машину и поднялся по ступенькам к главным дверям. Они были распахнуты, и я сдержался от того, чтобы не скривиться. Это не просто обед... это смотрины.

Это мой мир. В котором моей сущности, той, что своим голосом покоряет миллионы зрителей, жутко скучно. И она постоянно огрызается на вот тех, разряженных в бархат и шелка haute couture, дам с дочерьми. Ну, мама!

Мы говорили об этом пару лет назад, на точно такой же вот, устроенной ею, вечеринке. Мы вроде договорились, что такого я больше не увижу... Я прошел холл и направился в белую гостиную, она была там, я был уверен. Проходя по галерее, я уловил собственное отражение в витражах. Ноль эмоций, мне даже страшно от этого парня, я таким становлюсь только здесь. Витиеватые речи, жеманные улыбки – мир Элеоноры Максвелл. Жаль, что я не могу разделить с ней ее радость.

- Мммм... как всегда хорош.

Услышал я. И улыбнулся.

- Здравствуй, дядя Итон.

Он сделал шаг с балкончика галереи. Сегодня дядя был в белом, только галстук-платок был нежно-голубым. Улыбка и сверкающие карие глаза. Они с мамой были совершенно не похожи, моя мать была синеглазой блондинкой, утонченной и хрупкой. Он был выше ее, хоть и младше, хоть и блондин, но обладал скорее звериной грацией, чем утонченностью. Мама не любит его за предательство семьи, но это семейное дело, тайна, как она говорит,

для других покрытая мраком. Бред, в высшем обществе все всё знают, но молчат из вежливости или же из своих крамольных интересов.

- Давно не видел тебя в живую, Энтони.

Еще шаг в мою сторону, и я с запозданием замечаю, что мы одни. Нет, я не боюсь его, но этот взгляд на мои губы всегда ненавидел.

- Разве? По-моему, Вы вчера были на моем концерте.

- Был. И был удивлен... - договорить, также как дойти до меня, он не успел.

- Энтони, ты как раз вовремя. Здравствуй, сынок. – Мой отец пожимает мне руку, и я вижу, как дядя морщит нос, еле заметно, но я знаю - от досады. Он неплохой человек, но его мнимая заинтересованность мной иногда надоедает.

- Здравствуй, папа. И что это такое? Я приехал на семейный обед, а здесь опять все ближайшие дамочки со своими дочерьми? – спросил спокойно я. Мы втроем продолжили путь до гостиной.

- Только прошу, не возмущайся, сделай вид, что заинтересован. Эли все еще лелеет надежду, что ты женишься.

Я ничего не ответил. Также как мама лелеет эту надежду, отец лелеет свою по отношению ко мне. Их можно понять. Но они не хотят понять меня.

Дядя рядом улыбался. Он-то знает, что такое быть неуютным в семье.

Мы прошли в светлый зал, здесь тоже были мамы со своими дочками. Все разом, хоть и стараясь делать это незаметно, повернулись в нашу сторону. Эти взгляды... Если бы я был просто Антуаном Максвеллом, то, наверное, сторел бы со стыда. Но я Мираж и привык вот к таким взглядам.

- Энтони, милый... как я рада, что ты, наконец, приехал. Надеюсь, дорога не заняла слишком много времени и у тебя нет уж очень серьезных причин для того, чтобы оставить нас сегодня без твоего общества? – Пропела мама. Я мог бы найти тысячи серьезных причин вообще не приезжать, и миллионы несерьезных, но я люблю их. И отца, с его строгими взглядами на жизнь, и маму, с ее вечным вмешательством в мое личное пространство. Я улыбнулся. И вся женская половина общества вздохнула. Одновременно. Репетировали что ли?

- Добрый день, мама. Рад, что ты нашла время и предупредила меня о том, что сегодня у нас в гостях столько привлекательных леди.

Взгляд мамы стал ледяным. Хм.

Дядя хмыкнул. Кстати, и он не предупредил вчера... Сговор?

К вечеру я уже готов был рычать. От постоянных слащавых улыбок, от «милых» взглядов, от девушек, которые точно знали, что я в них незаинтересован, от мамаш, которые, как в древние времена, расхваливали мне своих дочерей и их невинность. А одна даже набралась наглости и предложила мне в довесок к дочке еще и младшего сына, я прям так и встал, как статуя самому себе. За фасадом всех этих невинных прелестниц было столько похоти и желания оторвать хоть маленький кусочек Миража. Я знаю эти взгляды, я живу в этом сиропе. Фу...

Я сморщился и выкинул оливку из бокала мартини.

- Устал? – тихо спросил меня дядя. Я стоял на балкончике в галерее, здесь было тихо, потому что это место не просматривалось из дома. И мало кто из гостей знал, что здесь существует такое уединенное местечко. Из гостей нет. А вот родные знали. Я вздохнул и сделал глоток из бокала.

- Немного раздражен и строю план побега.

Я смотрел вдаль, там, в сумерках, был парк. Я помню, как играл в нем в далеком детстве. Каждую тропинку...

- Могу посодействовать, за умеренную плату... - теплая рука легла мне на поясницу, он всегда слишком откровенно касался меня, и его ничуть не беспокоит, что я его племянник. Да и разница у нас небольшая, пять лет всего.

- Итон, не надоело еще?

- Ну, что ты, Энтони, я всегда с таким нетерпением жду вот такого сборища глупых девчонок... чтобы увидеть тебя.

- Ох, ну конечно. И кстати, ты мне должен за то, что не сказал о том, что меня сегодня тут ждет. Я поставил бокал на маленький столик и повернулся к нему, он не убрал руку, и она оказалась у меня на талии, дядя улыбнулся и встал чуть ближе.

- Если быть откровенным, я не знал. – Невинно улыбнулся он мне.

- Ну да, охотно верю.

Я вдруг стал серьезным, потому что он наклонился ко мне и зашептал:

- Как там твой малыш?

- Прекрасно. – Еще чуть ниже, а я смотрю в его глаза.

- Обожаю, когда ты так смотришь на меня. Прекрасно, говоришь? Очень симпатичный мальчик, но я уже сказал тебе свое мнение о нем. И, если честно, не понимаю тебя, Мираж.

Он не поцелует, я знаю, чтобы он там не испытывал - все это лишь флирт на границе.

- Понять меня не могут, ужас. – Я улыбнулся и возвел глаза к небу. Рука на талии сжалась, а может и ошибаюсь - и поцелует.

– Вообще, если по существу, он мне нравится, и я не могу сопоставить твои слова и то, что вижу. А вижу я перед собой мальчишку, повидавшего много горя и неразумившегося стесняться и краснеть. Плакать когда больно. И мне это нравится в нем, его незащищенность и нежность. – Я говорил, смотря в его глаза. Итон улыбался.

- Если не ошибаюсь, а я редко ошибаюсь, Энтони, он также симпатизирует тебе...

- Да.

- Хочешь приручить зверька?

Я фыркнул.

- Давай не будем об этом, я попросил тебя достать информацию - ты достал, даже высказался, что раньше никогда не делал. Даже в той истории с Бетом ты не высказывал свою точку зрения. Что изменилось сейчас?

Он еще немного склонился и прошептал мне в ухо, обдавая меня теплым дыханием.

- Он так смотрел на тебя, а ты, я знаю, все замечаешь и улавливаешь, ты же знаешь, что он влюбился... и я знаю. Но...

- Итон, вот этого не нужно, мне уже не пятнадцать, когда я смущался от твоих шаловливых ручек...

- И мне не двадцать, когда я дробил на твои фотки...

- О, какие откровения, дядя! – шепотом воскликнул я. А он, наконец, набрался смелости или просто уже созрел, впился мне в шею.

– И что ты делаешь?

- Дурею.

- Это точно. Если папа или, не дай Бог, мама сюда заглянут в поисках нас, ты не отделаешься просто презрением...

Его губы слегка прикусили кожу за ушком, и юркий язычок прошелся по мочке.

- Энтони, ты же знаешь, мне безразлично ее мнение.

- Знаю. – Тихо ответил я. А он поцеловал меня в скулу, прошелся губами к уголку моих губ. Я немного развернулся, чтобы тихо проговорить:

– Глупо желать меня.

- Я и не желаю, это называется похоть, хотя кому я это говорю, ведь это я распространял эти глупые слухи о тебе, по твоей, кстати, просьбе, и за этой ложью есть все же немного правды... Любишь милых мальчиков, таких, как Терри Грант и твой Шел. Обожаешь... и, к большому сожалению, взрослые дяди тебя не интересуют. Но платы за информацию мне мало... - он задышал чаще. Мне не было противно, было параллельно. Я хотел другого человека, не его.

Конечно, он мой родственник, но в детстве нам это не мешало, и я точно знаю, что испытаю с ним, но мне этого не хочется.

- Итон, мои секреты - это мои секреты, а твои услуги я уже оплатил круглой суммой.

- Раньше было по-другому. – Он отстранился и облизнулся. – Но я понимаю, я слишком стар...

Мы засмеялись.

- Нет, ты просто слишком настойчив, вот и все, и эти твои попытки затащить меня бедного в постель просто ничтожны. – Высокомерно закончил я. Мы снова рассмеялись.

- Не хочешь, чтобы твой мышонок почувствовал себя ненужным и использованным?

Я перестал улыбаться и стал серьезным, снова повернулся к парку.

- Я, кажется, влюбился. Впервые в жизни, Итон.

- Жаль слышать это. Но не по той причине, что ты влюбился, а по той, что это с тобой впервые... Иди сюда. – Он притянул меня к себе и погладил по голове.

- Итон, мне тридцать, и я уже не маленький, испугавшийся смерти мальчик.

- Это неважно. Кто-то должен пожалеть тебя, Мираж. И я рад, что эта почетная роль только моя.

Я расслабился в его объятиях. Не хочу вспоминать, как плакал на его руках, когда умер мой единственный друг. Не хочу вспоминать, как он жалел меня, когда у меня случился первый раз с парнем. Не хочу вспоминать, что в самые мои сложные моменты жизни он рядом.

– И еще... когда ты скажешь ребятам о том, что теряешь голос? Когда онемеешь вконец? – строго спросил он. Я покачал головой, а он улыбнулся мне в волосы.

- Я даже не знаю, чем потом заняться... то есть, не хочу приходить к отцу и молить его, наконец взять меня в компанию. Я, конечно, могу заняться журналом, но Ханна и без меня там отлично справляется.

- Ты спрашиваешь у меня совета, Энтони?

- Допустим.

Я поднял на него лицо, он улыбался.

- Знаешь, за последние десять лет, весь период, что ты в шоу-бизнесе, я заметил одну деталь. Возможно, ты ее тоже заметил и даже думал об этом. Ты собираешь вокруг себя детдомовских парней... последний твой улов аж две персоны, одна из которых - девушка на продажу... ты никогда не думал открыть свой детский дом?

Я шокировано открыл рот, потом тут же закрыл и печально улыбнулся.

- Для того, чтобы собрать всех обездоленных, мне придется прикупить замок... два. Да и как, грабить детдома?

- Нет, конечно, возможно, я смогу помочь тебе в этом деле.

- И как?

Он все еще обнимал меня, и я не спешил оттолкнуть его, потому что вот к такому я привык.

- У меня есть фамильная недвижимость. Ранчо, я бы сказал. Там сейчас никто не живет, потому что оно слишком далеко, и его отдали мне в полное пользование как неостребованное, конечно, подачка... но я еще тогда подумал, что оно пригодится. М? А по поводу детей... тут тоже есть плюс, я, когда разбирался с делом Шела, нашел базу детей на продажу. Кто ее ведет неизвестно - и это вообще глупо, конечно - вести такую базу, но нам на руку.

- Построить на землях твоего ранчо приют? И отслеживать детей на продажу...

- Верно.

- Ты сумасшедший.

Он задорно улыбнулся.

- Мы с тобой, Энтони, в немилости у семьи, но нам не мешают заниматься тем, что нам нравится, так почему бы не сделать что-то действительно полезное... м?

- Если я потеряю голос на следующем концерте, у меня уйдет много времени на

реабилитацию. И ребят пристроить нужно. И Шела...

- Зачем так тянуть. Расскажи им сейчас.

- Я не могу. Они рассчитывают на меня, я должен протолкнуть Шела как можно выше.

- Он и так уже взлетел, как только вышел с тобой на одну сцену, Мираж. А по поводу реабилитации, возможно, не стоит тянуть. Когда ты планируешь следующее выступление?

- Через неделю, две максимум, он должен примелькаться.

- Вот и занимайся его раскруткой. А я займусь строительством и отсечкой детей. Твои деньги и наше влияние вкупе могут дать неплохой результат.

Я улыбнулся. Идея мне нравилась.

- Что взамен? – прямо спросил я, смотря в его карие глаза. Не такие темные, как у Шела.

- Я пока не решил. Но мне бы хотелось, чтобы ты был счастлив и в твоих разноцветных глазах были искорки этого счастья.

Я улыбнулся шире и сам припал к его губам, он помедлил, а потом отстранился. И поцеловал меня в щеку, зарыл руку в волосы и притянул мою голову к себе на плечо.

В сущности, он мне не дядя, скорее, отец. Но у нас странные отношения, всегда были и всегда будут.

Идея с приютом давно витала в воздухе. С настоящим приютом, где есть улыбки детей и их радостный смех, где их учат писать и читать, играют и, конечно, прививают любовь к музыке. Такой приют, куда дети могли бы возвращаться после выпуска. Так как я хотел бы давать им начальное образование... Черт! Это будет сложно, но в перспективе возможно.

И никогда никаких слез.

И судьбы моего малыша.

Глава 13. Мышонок в моих объятиях.

Всю дорогу домой я думал о словах Итона. Мы еще долго стояли на балкончике и обговаривали детали.

Нужно будет съездить на ранчо, посмотреть, что там хотя бы есть и на что рассчитывать в акрах. Дядя был полон энтузиазма и пытался заразить им меня, у него получилось. Конечно я понимал, что вся идея без инвестиций и поддержки свыше не разовьется, и нужно работать над этим.

Но я всегда становился слишком дерзким и властным, если дело касалось детей. Детей, которые не виноваты в своей судьбе.

Я завернул на улицу, ведущую к студии, и припарковался около небольшой аптеки. Улыбнулся. И мои мысли сразу потекли в другом направлении. Шел.

Я не мог просто так бросить его на произвол судьбы, да и после его признания это уже просто невозможно, так что нужно сделать его первый раз со мной незабываемым.

Первый раз со мной...

- Черт, Мираж, ты же не думаешь, что это будет так легко? – задал я сам себе вопрос и вышел из машины, пошел в аптеку. Было еще только начало седьмого, и девушка за стойкой отсчитывала минуты до конца рабочего дня. Я улыбнулся, и она округлила глаза. Странная, если работает в этом районе, то должна была привыкнуть, что к ней иногда забегают звезды за обезболивающим и за...

- Презервативы и смазку.

Она покраснела и кивнула.

- Смазку со вкусом манго?

Я сначала даже не понял, о чем она меня спросила, а потом рассмеялся и ответил:

- Нет, милая, манго я предпочитаю слышать только в геле для душа.

Она покраснела сильнее и удалилась. Через несколько секунд я стал счастливым обладателем смазки и пачки презервативов.

Сам не могу понять, что потянуло меня купить все это. Хотя, если я смогу сделать все плавно, без рывков, и смогу удержаться от агрессии, то вполне возможно, что у нас получится... сегодня с Шелом.

Я зашел в студию и удивился. Было тихо.

Прошел на второй этаж и заглянул в комнату Шела, она была пуста. Расстегнул пиджак и вошел в свою комнату, улыбнулся: он спал поверх одеяла. Трогательный и милый, прикрывал одной рукой глаза от ночника, а вторая покоилась у него на животе. Но больше всего меня умилило то, что он был в моей футболке. И плевать, что в концертной.

Я скинул пиджак и расстегнул рубашку, подошел и присел рядом.

Приоткрытые губки и румянец на щечках. Тонкие пальчики и спокойное дыхание. И он не спал.

- Ты долго. – Прошептал он.

- Прости, мама устроила очередные смотрины, было сложно вырваться. Если бы не дядя Итон, я бы застрял там и вернулся только завтра.

Он убрал руку от лица и с тревогой посмотрел на меня.

- Твоя мама хочет, чтобы ты выбрал себе жену?

Я улыбнулся, в его глазах было столько страха, и когда он начал перерастать в тоску, я наклонился и мягко поцеловал его в нос.

- Моя мама может хотеть всего, чего ей там захочется, малыш.

В свете ночника я видел, как заблестели его темные глаза, и как в них появились эти прекрасные золотые искорки.

– Вы с Майлзом купили кофе? – ушел я немного от темы и встал, начал раздеваться дальше, аккуратно вешая на вешалку костюм, нужно не забыть отправить его в химчистку. Я пытался отвлечься, чтобы не напугать его.

- Да и отнесли две банки Терри.

Он сел на кровати и после этой фразы ненадолго замолчал, потом вздохнул.

– Тони...

- Да? – я обернулся и столкнулся с его немного встревоженным взглядом.

- Он действительно красивый.

Я приподнял бровь.

– Терри.

- Шел, ты хочешь сказать, тебе понравился Терри Грант? – я сдерживал улыбку, потому что мальчишка на кровати вскочил и возмущенно посмотрел на меня, но потом медленно подошел и прошептал:

- Я вчера признался тебе... в любви. Я не настолько беспринципный эгоист, чтобы взять свои слова назад... - черные глаза сверкают, этот румянец на щеках, сводящий с ума, и он снова шепчет.

– Я люблю тебя.

А я снова не могу найти в себе сил, чтобы сказать, и просто притягиваю его к себе, и шепчу:

- I love you, Шел.

Он вздохнул и уткнулся мне в плечо.

- Это же английский?

Я улыбнулся и поцеловал его в макушку.

- Да.

- Красиво.

Потом немного отклонился и проговорил мне в губы:

– Ты же не считаешь, что я не понял?

Глаза блеснули, и он попытался сдержать улыбку. Но она все равно расцвела на его лице. И я, если честно, отдам за нее весь мир, за улыбку мышонка в моих руках.

- Надеюсь, что понял.

- Понял. – И он порывисто обнял меня за шею, впился в губы. А я вдруг осознал, что от его инициативы идет кругом голова, и подхватил его на руки.

- Вот и прекрасно. А теперь мы примем душ, и я покажу тебе, что не только красиво говорю...

Он хихикнул и стянул футболку.

Я поставил его в кабинку и скинул боксеры, зашел следом. Я видел, он почти не сжимался и старался вести себя естественно.

– Шел, давай мы договоримся, что ты не будешь вспоминать то, что было с тобой. И в моих руках расслабишься.

Он лишь кивнул и встал ко мне спиной, открыл кран с холодной водой, потом открутил горячую. Я обнял его и притянул к себе, поцеловал в плечо. Нежно прошелся руками по бедрам и животику.

- Тони, а что скажет твоя мама, когда узнает, что ты любишь мальчиков? – вдруг спросил он.

- Шел, мышонок, моя семья прекрасно знает о моих предпочтениях.

- Правда? – он развернулся и поднял на меня удивленные глаза.

- Да.

Я чувствовал его волнение и смятение, как его слегка потряхивало. Как он пытался дышать медленней.

– Шел, ты нервничаешь из-за того, что мои родители знают о том, что я предпочитаю мальчиков, или тому есть другая причина?

Он прикусил губу, и я удивленно ощутил дрожащую ручку у себя на талии.

- Я весь день пытался настроить себя на ночь... - хрипло проговорил он. – Я знаю, что ты не сделаешь мне больно, я знаю, что ты абсолютно не такой как те люди...

- В подтексте здесь я слышу очень крупное «но».

- Нет. – Он покачал головой. И попытался улыбнуться.

– Я хочу заняться с тобой...

Я видел, это слово он проговорить не сможет и сам наклонился к аккуратному ушку:

- Любовью?

Он округлил глаза. Дыхание сбилось, и он глубоко вздохнул, а я накрыл его губы. Попытался поцеловать без страсти, но выходило плохо, я ведь тоже целый день настраивался на романтично-эротический вечер. На его горячую кожу под своими ладонями, на его стоны от моих сильных толчков. И сейчас, сжимая в объятиях хрупкое, стройное тело, я не мог поверить в то, что он сам хочет меня.

Я немного раскрыл его губки язычком и мягко толкнулся в горячий ротик. Шел встал на носочки и немного игриво прикусил мне язык.

- Любовью. Хочу заняться с тобой любовью. – Прерываясь на каждом слове, проговорил мышонок. Я улыбнулся и взял с полки гель, налил его на руку, по ванной комнате распространился запах моего любимого манго. Хочу, чтобы его кожа пахла им.

Мягкими, круговыми движениями по гладкой коже. Втирая в нее, в такую любимую, свой любимый аромат и целуя раскрытые навстречу губы. Лаская его и не давая опомниться, я сполоснул его прелестное тело и сполоснулся сам, укутал в полотенце и вынес в комнату, он продолжал меня целовать, нежно прикусил мочку ушка и пальчиками обхватил сосок.

- Мышонок... - не хотелось думать ни о чем, не хотелось, чтобы он ассоциировал меня с кем-то, поэтому нужно было сделать всё так, как у него никогда не было. Я положил его на кровать, он тут же приподнялся и попытался утянуть меня к себе в объятия.

– Я сейчас задам тебе вопрос, на который я хочу получить ответ, хорошо?

Он лишь кивнул.

– Я бы очень был благодарен, если бы ты мне ответил: как ты хочешь сам?

Я знал, что мы уже пытались поговорить на эту тему, но тогда не очень получилось. Но сейчас у него было достаточно времени, чтобы оформить свое желание в образы.

- Я... просто хочу, чтобы это был только ты и всё.

- Мой малыш, это так расплывчато... - я улыбнулся. – Хорошо. Только если что-то будет не так - ты мне скажешь, не зажмешься или уплывешь в свой особый мирок, а четко скажешь, что тебе неприятно. Он снова кивнул.

А я отбросил полотенце и лег рядом. Накрыл его губки своими губами, хотелось, чтобы он отвлекался и в то же время тонул вместе со мной.

Я тонул. Тонул в нем, в его нежности и в его безропотно открытых губках. Я старался делать все медленно, чтобы самому поймать тот момент, когда он перестанет реагировать на меня.

Подушечками пальцев я мягко прошелся по его плечу, спустился к соску и погладил по ореолу, ущипнул бусинку. Губами по ароматной шейке, к ключицам, прикусил, Шел лежал тихо, я отстранился и взглянул в его глаза.

- Что?

- Я только сейчас понял, что меня так никто не ласкал...

- Прекрасно. – Хрипло ответил я. И я не лукавил, это действительно было прекрасно. Я обхватил губами нежную бусинку соска и поласкал ее внутри язычком. Шел вскрикнул, глухо, но все же мне понравилось слышать реакцию на мои ласки. Я пока не стал что-либо говорить. А просто перешел ко второму, обиженному мной, сосочку. А мой мышонок выгнул спинку.

- Тони, – прошептал он в тот момент, когда я опустил чуть ниже и провел мокрую дорожку по впалому животику.

- Что, Мыш?

- Если ты будешь продолжать в том же направлении - я кончу.

- А разве мы не этого добиваемся? – немного насмешливо спросил я. Он откинулся на спину и запрокинул голову, простонал чуть громче, а я сомкнул пальцы на его возбуждении.

– Конечно, я хотел, чтобы ты кончил от моего члена в твоей сладкой попке, но если ты сделаешь это несколько раз, так будет даже лучше, поверь. – Я надеялся, что все мои манипуляции со словами немного подготовят его, и мне не придется успокаивать Мыша после несовершенного акта.

Я медленно накрыл его головку своими губами, почувствовал, как он застыл и перестал толкаться в мою руку. Но через пару движений он снова вскрикнул. И двинул бедрами навстречу ласке, ища ее, и мне было приятно, правда, я раньше не мог представить, что буду получать удовольствие от минета.

И это мой второй раз, когда я точно знаю, что мне хорошо от тихих стонов и дрожи моего партнера подо мной. Плавно и не спеша, чуть придерживая его бедра рукой, чтобы он не толкался, я мягко раздвинул его точеные ножки и открыл банку со смазкой, которую я кинул на постель сразу как пришел, тут же неподалеку лежала пачка презервативов. Шел не среагировал, когда мои влажные пальцы покружили около его дырочки. А только хрипло простонал.

- Тони...

Я не стал отвечать и просто немного глубже погрузил в себя его член, второй рукой играя с сосочками. Я чувствовал его дрожь и все время прислушивался к дыханию, но он наслаждался, я мог точно сказать, что мой мышончок сейчас ловит приоткрытым ртом воздух и закатывает от восторга глаза.

Пальцы, как и в первый раз, легко погрузились в него, и Шел выдохнул, громко и не сдержанно.

Подготовка моему мышонку была не нужна, но я не мог так просто ворваться в такое нежное, горячее тело и медленно добавил третий палец, а второй рукой нащупал упаковку презервативов. Но Шел удивил, протянув мне раскрытый, я отстранился от него и убрал пальцы.

- Шел, малыш мой, ты только не думай, что ты нужен мне лишь для траха.

Он снова не ответил, только покачал головой.

– Посмотри на меня. – Тихо попросил я, когда накрыл его собой и раздвинул ножки. Его реснички трепетали, и он медленно раскрыл свои затуманенные страстью глаза, посмотрел на меня. Я улыбнулся и поцеловал его в уголок глаза, нежно и не спеша по контуру лица, дорожка влажных поцелуев до уголка губ и мягкий толчок в его горячую дырочку.

- Мммм... - он попытался закрыть глаза и отвернуться, но я не позволил.

- Маленький, только смотри на меня и слушай.

Я взял его дрожащую руку и положил себе на грудь.

– Слышишь? Это ты заставляешь его так биться. Ты.

Он шокированно смотрел на меня, и вдруг глаза наполнились слезами, а бедра самопроизвольно подались ко мне.

- Тони. Пожалуйста. – Прохрипел он. Я оперся рукой о кровать, а второй держал его тонкую ладошку у своего, бешено стучащего от всего сразу, сердца. Сделал плавный толчок в него и, не отпуская наш зрительный контакт, медленно проговорил:

- Ты мой. И я никуда тебя не отпущу. Никогда. Мой мышонок.

Он вскрикнул и вдруг обнял меня за шею и сам поцеловал, а я уже не мог остановиться, делал сильные, размашистые толчки в его потрясающее тело. Через несколько толчков мой малыш оторвался от моих губ и выгнул спинку, сам подался на мой член. Обвил ногами мою талию и протяжно застонал.

- Еще.

Мне, если честно, давно снесло крышу, и я, уже не думая, подхватил его и опрокинулся на бок.

Сильно. Несдержанно. Всепоглощающе. Страстно.

В какой-то момент мой мышонок оказался сверху, и то, что он творил - поразило меня. Ритмично, немного крутя попой, сжимая меня внутри своего тела, он не издавал ни звука, а только дышал. Тяжело, на вдохе.

- Шел! – я обхватил его тонкую талию руками и немного затормозил. – Тише, мышонок, тише.

- Тони, я люблю тебя. – Слезливо, почти рыдание. И я только понял - парень в истерике, оттого ли, что у него получилось просто заняться со мной любовью, оттого ли, что он сверху, я сам не понял. Но притянул его к себе и, глядя по спинке, медленно покачивался. Чтобы не потерять ту ниточку наслаждения, что была между нами.

- Тебе хорошо?

Если бы мои поклонники услышали это, это была бы новость года. Но мы были одни, и я мог вести себя как человек, потому что мне, черт возьми, было важно, что он чувствует, когда я в нем!

- Да. Пожалуйста, не нужно меня ненавидеть. Я не специально. Я не хотел, просто ты такой красивый, заботливый, добрый, мой... - с каждым словом истерика усиливалась, и он начал рыдать.

– Не останавливайся... - прорыдал он мне в шею и сам насадился на меня.

Вцепившись мне в плечи, он приподнялся и начал двигать бедрами. Я такого никогда не видел, он плакал и стонал, двигался и пытался еще что-то сказать. Я мягко перехватил инициативу, и он снова оказался прижат ко мне.

- Тихо, я понимаю, тихо. Ты мое солнышко, мышонок мой, сладкий, тихо, вот так... так хочу в тебя врываться сильнее... позволишь показать тебе, как ты мне нужен? – я пока не мог просто шлепнуть его или укусить. Мне казалось, что так с ним поступали все его бывшие насильники. Да, именно насильники, потому что назвать их его любовниками у меня язык не поворачивался.

Он поцеловал меня, прикусывая кожу на шее, и я принял это как знак согласия. Немного подождал и шлепнул его по нежной ягодице. Шел застыл.

Я не убрал руку с места удара и немного сжал кожу, подбросил бедра. Он шокированно раскрыл ротик и вдруг улыбнулся, наклонился и прошептал:

- Значит, слухи не врут?

Я ухмыльнулся. Он был зареванный, красный от смущения, но шальные глаза блестели лукавством.

- Почти.

Я обхватил его ягодицы и стиснул, прижимая его к своему паху сильнее, и резче задвигал бедрами. Он не был узкий или тугой, но он подходил мне идеально.

И его глаза говорили о восторге. И я ловил каждую перемену на его лице после своих действий. И был обрадован, когда Шел запрокинул голову и гортанно застонал, кончил мне на живот.

- Сейчас - сейчас... - прошептал я, переворачивая его на бок и сходя с ума от пульсирующих стенок. Я кончил в презерватив и накинусь на его припухшие губы, простонал в его рот.

- Je t'aime, мышонок.

Конечно, я понимал, что нужно поговорить, что так все оставлять ни в коем случае нельзя.

- Шел... - мягко начал я. Он лежал и обнимал меня своим тонкими ручками за шею. Сопел.

- Это было здорово. – Тихо ответил он.

- Я не это хотел услышать.

- А что? – также тихо.

- Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

Он спрятал свое лицо у меня на груди и прошептал:

- Попа.

Я в шоке открыл рот. И вдруг услышал смешок.

- Что болит? – насмешливо.

- Попа, в которую ты так страстно меня отымел. – Он поднял свое, все еще заплаканное, личико и улыбнулся. – Все в порядке, Тони, правда.

- Я рад это слышать. – Я смотрел на него и вдруг заметил этот странный взгляд. – Все же, что

не так? – я видел, как он пытается закрыться, защитить что-то, но не может.

- Я правда люблю тебя. Ты слишком много значишь для меня, и... - он вздохнул и вдруг немного отстранился, открыл верхний ящик моей тумбочки, а я с замиранием сердца смотрел на флакон микстуры, смягчающей горло, в тонких дрожащих пальцах. И запоздало вспомнил, что забыл его в ванной утром, когда собирался к родителям.

- ...Вот.

Он сел рядом и посмотрел на меня уже серьезно. Правда, всю серьезность портили дорожки слез на щеках.

- Шел, это просто для смягчения голосовых связок... - я попытался сказать это беспечно, но меня сильно схватили за волосы, запрокинули голову и прошипели.

- Ты можешь эту глупость Марсу рассказать, Коту, Майлзу или...

Я смотрел, как он злится. Перехватил его пальцы в моих волосах и переплел их со своими, Шел отпустил мои волосы и припал к губам.

- Я волнуюсь, вот и всё. – Прошептал он. Я поднес его тонкие пальчики к лицу и поцеловал.

- Не стоит, я разберусь сам.

- Когда потеряешь голос?

Какой же он все-таки мальчишка. Настырный, маленький, упрямый и своевольный, но умопомрачительно красивый и страстный, заботливый.

- Шел, я не...

- Не нужно мне врать! Мираж, в конце-токонцов, ты же взрослый мужик! И что тебе стоит обратиться к врачу?!

Флакон полетел на пол, и он упал на меня, уткнулся в живот и затараторил:

– Я переживу без музыки, я буду играть только для тебя, ты только, пожалуйста, пой, я не могу без твоего голоса, я, когда тебя увидел, узнал сразу... я наврал, да, я знал кто ты. Я хотел к тебе в группу, но даже не надеялся, что так повезет. И еще знал, что Марс меня узнает, я шел на такой риск, когда ты предложил мне поехать с тобой, я знал, что Марс знает, что меня продали и что я теперь как шлюха, и он был удивлен, но пощадил мою гордость. А ты выкупил, ты не представляешь, что для меня это значит! И если ты сейчас потеряешь голос - я не смогу без твоего голоса, я так люблю тебя, ты спасал меня в те минуты, когда я думал, что умру, ты, только ты, Мираж. Тони, я так люблю тебя! – последнее он закричал и разрыдался снова.

А я лежал на кровати, прижимая к себе плачущий комок, и анализировал...

- Знал, что это я?

Он кивнул.

– Спасал тебя своими песнями? – снова кивок. – И Марс знал, что тебя продали?

- Да. Не вини его, что он не сказал, я просил не говорить. – Хрипло от слез прошептал Шел.

- Твое имя...

- Ноэль. Ноэль Вайт-Шел. Шел - это не от «Шелковой мышки», это моя вторая фамилия.

Я обнял его еще сильнее. Нет, обманутым я себя не чувствовал, просто теперь я немного не понимал.

- Шел, что же из всего того, что ты мне рассказал, правда?

Он приподнялся и всхлипнул.

- Всё. Но я немного искажил правду об усыновлении и о причине возвращения в приют... - он закусил губу и сжался.

– Тони, я люблю тебя, правда, честно... я...

- Всё. – Тихо проговорил я и снова притянул его к себе. – Я хочу услышать правду об усыновлении и о том, что ты еще скрыл.

- Ничего, только о... маме. И возраст. – И я сжалился над ним, обнял сильнее и

поцеловал.

Ты расскажешь мне, малыш, все, потому что такие глаза как у тебя врать не могут.

Глава 14. Приоткрываясь.

- Она нашла меня, когда я уже понимал, что окружающий мир не чистый и красивый, что люди никогда не смотрят с нежностью, что я нужен только для того, чтобы срывать на мне зло. Она сама сказала, что она моя мама. И я пошел за ней, потому что верил, что она не обидит и не предаст. Сначала все было и правда так, но потом стало портиться, искажаться. Становиться наигранным. А я не домашний ребенок, я прожил в приюте долго, хотя и не разучился быть нежным. Она отдалилась, и в то время, что я жил с ней, вышла замуж за хорошего, наверное, по ее мнению, человека, но он таким не был. Он стал невыносим. Жестокое чудовище. Полицейские сказали, что он убил маму из-за ревности, но это не было правдой, она застала его в тот момент, когда он почти изнасиловал меня, и попыталась защитить.

Он замолчал, а я похолодел от ужаса. Обнял его.

– Но она была слаба, точно так же как и я. И умерла, на мой взгляд, очень глупо. Его отправили в тюрьму, меня обратно в приют. Только в другой, а там директриса даже спрашивать не стала и что-либо объяснять, продала меня в первый попавшийся бордель. Но по какой-то причине я все равно был приписан к приюту и мог вернуться, хотя особо не хотел жить там; мадам, которая содержала бордель, не нуждалась в жильцах, так что я жил в приюте, не имея права ни на что. Все заработанное забирала мадам, а в приюте особо кушать нечего, так что моё увлечение музыкой и флейтой стало неким островом, чтобы не сойти с ума. А потом я услышал твой голос... - он снова затих.

- Как ты оказался у того мужлана? – тихо спросил я.

- Меня передавали из рук в руки... как вещь.

- Шел, ты понимаешь, что теперь, когда я все это услышал, я не смогу относиться к тебе как раньше? – я затаил дыхание и ждал реакции. Он медленно поднял личико и посмотрел на меня затравленным взглядом. А потом задрожал.

- Я понимаю.

- Нет, ты не понимаешь. – Тихо прошептал я в его ушко. И подхватил его на руки, понес в ванную, включил горячую воду и сел в ванную прямо с ним. Он непонимающе посмотрел на меня.

- Тони?

- Теперь ты поймешь на своей нежной шкурке, что такое забота Максвелла. И уж поверь, это тяжкое бремя. И как считает Бетховен, вообще нереальная ноша для окружающих.

Он улыбался, а я был счастлив, что он это делает.

- Тони?

- Да.

- А ты когда-нибудь любил? Так, чтобы сердце замирало от одного вида человека... потому что у меня замирает сердце от твоей близости.

- Нет. – Тихо прошептал я в его губы. – Но у меня очень давно был друг, он умер, когда я еще не мог оценить правильно влечение, и больше у меня не было друзей и близких сердцу. Я всегда считал его идеалом, пока не узнал Гранта, а потом все эти эмоции перекрыл твой образ.

- Все же, тебе нравится Терри? – печально проговорил Шел и опустил голову.

- Ты слышал мою последнюю фразу? – прошептал я в его ушко и зачерпнул горячей воды в ладони, облил его плечи.

- Да, слышал, но он намного красивей меня.

- Ну, малыш, это уже мне решать, правда?

- Да.

- Хочешь, завтра поедem туда, где ты никогда не был, только вдвоем?

- Это легко, я вообще нигде не был. - Улыбнулся он. И вдруг Шел стал серьезным и уже другим голосом проговорил.

– Тони, ты только, пожалуйста, не думай, что я хочу быть с тобой потому, что ты такой богатый и знаменитый, мне ничего не нужно, только ты.

Настала моя очередь вздохнуть.

- Я так и не думаю. Ты просто не видишь себя со стороны.

Я взял мочалку и налил на нее гель для душа.

– Если выбирать кого-то, то такого чистого ангела как ты.

- Я не ангел.

- Хм, а мне кажется, этот образ тебе подошел бы. Шел... Ноэль, я хочу показать тебе, что не все люди такие как те, с которыми ты сталкивался все свои шестнадцать лет.

Он сначала сморщился, видимо, от имени, к которому не привык, а потом открыл

ротик.

- Ты знаешь, сколько мне лет, но откуда, в моем деле даты рождения и имени быть не должно.

- Мой дядя Итон занимается не то что частным сыском, просто иногда работает на тех людей, которые хотят узнать что-то скрытое, я попросил его узнать о тебе.

Я увидел эту перемену сразу, он весь сжался и попытался оттолкнуть меня, но не справился и окунулся в ванную.

- Я бы рассказал, рано или поздно - но сам. – Прошипел он. Мне нравилось это, я просто сходил с ума. От податливого и нежного мышонка не осталось и следа. Он встал на колени по обе стороны от меня и, держась за бортики, пытался приподняться и только с третьей попытки понял, что я его держу за талию.

– Отпусти!

- Я слишком дорожу своей свободой, я слишком ценю все то, чего смог добиться, я не мог просто так пустить тебя в мой мир, не зная ничего или имея отрывочные сведенья. – Я говорил спокойно и смотрел в его темные, почти черные от гнева, глаза. – А рассказал тебе сейчас это все для того, чтобы ты не думал, что у меня есть от тебя секреты. Я рассказал тебе о своем друге детства, этого я не рассказывал никому, это моя боль, Ноэль.

- Не называй меня так! – воскликнул он. Шел тяжело дышал и утер злые слезы.

- Хорошо. – Я отпустил его талию. – Ты можешь сейчас уйти в свою комнату. Если желаешь этого.

- Нет, я просто не могу понять, для чего ты выпытал у меня подробности моей жизни, когда уже и так все знаешь. – Он смотрел на меня с вызовом, он так еще никогда на меня не смотрел. Заводило ужасно. Я же не люблю нежности, я обожаю, когда партнер может показать свои коготки, а этот мальчик сейчас мог, и мне это нравилось до дрожи в пальцах.

- Потому что мне нужна была правда, Шел. Правда, а не домыслы моего дяди.

- Он сказал тебе, что я шлюха, которая хочет выбраться в люди?! – и он просто сел мне на пах и закрыл лицо руками, разрыдался. А я обнял его и прижал к себе.

- Именно. Но я никогда не видел в тебе ничего подобного. Я обожаю, когда ты смущаешься, обожаю твою улыбку и блеск глаз. Мне нравится смотреть на тебя, когда ты играешь. И ты можешь мне не верить, но я обожаю твои слезы. Ты становишься таким беззащитным, что мне хочется защитить тебя от всего мира. Дать тебе все, в чем ты нуждаешься.

- Я нуждаюсь в твоей любви. – Всхлипнул он.

- Я отдам.

Шел вскинул голову и пораженно уставился на меня.

- Что?

- Я не могу это просто так сказать, сам понимаешь, люблю эффекты и слишком я стар для такого, да и не говорил никогда этих слов... всерьез. Я же экспрессивный, эпатажный Мираж, который просто с ума по тебе сходит, глупый ты мышонок.

- Правда?

Я улыбнулся на этот наивный вопрос. Несколько минут назад он был готов бежать от меня, а сейчас прижимается и почти мурчит.

- Я когда-нибудь тебя обманывал?

Он уже успокоился и прижался немного сильнее, поерзал, устраиваясь.

– Так что придется немного подождать, мышонок.

- Сколько? – захихикал он в мою шею.

- Ну, не знаю... а вот если не перестанешь дергаться и елозить, я не смогу устоять и возьму тебя прямо тут.

- Возьми, Тони. – Интимно прошептал он. Я застыл и немного приподнял его лицо за подбородок. – Я серьезно, и я хочу, чтобы ты сделал это так, как привык.

- А к чему привык ты? – так же интимно прошептал я в его красные губы.

- Мне нравится быть с тобой.

Глаза напротив переливались и горели шоколадным огнем. И я слегка развел его половинки под водой и легко проскользнул туда пальчиками. Шел в моих руках выгнулся.

- Резинки в комнате.

Он дернулся и прикусил губу.

- Хорошо, я могу подождать немного...

Я улыбнулся и наклонился, захватил его губу зубами, оттянул.

- Я не могу.

- Тони!

Я рывком ворвался в его тело и замер.

– Ты с ума сошел, я же... мммнг...

- Мой, теперь навсегда, и все вместе, если что... двигайся! – было странно вдруг решить так. Я обычно никогда не спал без защиты, зачем все эти проблемы, но тут во мне как будто все перевернулось и захотелось почувствовать его всего, без преграды. Он задвигал бедрами и вскрикнул. А я пытался вытащить пробку из ванной, чтобы вода немного ушла, а так как мы ее не выключили, она продолжала набираться, и скоро мы затопим студию. Пробка поддавалась, и я всецело отдался во власть мальчишки на моем члене. Он страстно и сильно сжимал меня в себе, двигался почти яростно.

- Ахааа... да! – я сжал его половинки и ушел под воду, выгибая спину, толкаясь в него сильней.

– Тони! – воскликнул мышонок.

- Все в порядке, все великолепно! – отплевываясь от воды, прохрипел я. Я легко привстал и облокотил его на стену. – Но так лучше...

Он обнял меня ногами и впился в губы, а я ловил его горячие, слегка припухшие от прошлых ласк губки, и плавился от счастья.

- Хорошо... - прохныкал он. Я ухмыльнулся.

- Может быть еще лучше, Мыш.

Он непонимающе посмотрел мне в глаза, а я слегка изменил угол вхождения. Я видел, как он задохнулся, как его глаза закатываются от удовольствия, как тело сначала напрягается, а потом расслабляется. Как он сжимается внутри от счастья. Ну кто ему хоть раз показал, как оно должно быть, как действительно нужно его любить. Ведь его только использовали и все.

– В сексе можно еще и получать, маленький, не только отдавать.

- Ааааахм, о ещeee... - все, что было написано на его лице - это восторг, и он двигался вместе со мной, хотя в этой позе было не так удобно. Но он умудрился обнимать меня ногами и одной рукой за шею, а второй облокачиваться на стену и отдаваться. А я входил в него на всю длину, врвался в это прекрасное тело, и я знаю, мои глаза горели.

– Тони, Тони... - часто-часто зашептал он, - ...я больше не могу.

- Кончай.

Сильно, по самое основание, и вжал его в стену, прикусил плечико. Малыш вскрикнул и кончил. Мне пришлось выскользнуть из его расслабленного тела и ласкать себя рукой.

- Мммм... – Простонал я, когда этот мышонок подполз ко мне и обхватил мой член губами, задвигал головой, яростно помогая себе рукой.

– Шел, мой ты хороший маленький мышонок! Давай-давай!

Только кончая в его рот, я понял, что сорвался, и упал на колени, слизывая свою сперму с его губ. Прося этим прощение за грубость.

- Прости. Я не должен был так это делать.

- Все хорошо. – Он засмутился снова и тихо спросил:

– А что это было, мне стало в один момент так приятно... как будто прошило молнией по позвоночнику. А потом стало горячо.

- Ох, мое ты незнающее. – Я даже не знал, как объяснить ему, но через минуту мне пришла отличная идея.

– Привстань и облокотись на бортик.

Он подчинился. А я аккуратно ввел в него два пальца и нежно погладил бугорок простаты.

- Ой! – простонал он.

- Это простата, Мыш. От этой точки внутри тебя при сексе тебе становится приятней, не просто хорошо, а очень.

Я еще несколько раз скользнул по простате пальцами и убрал их. Шел тяжело дышал и медленно развернулся, я думал, он сейчас попросит меня поласкать его, но он расплакался и упал рядом со мной на колени. Я обнял его.

- Тони, как же так... я столько лет... и не знал о чем-то подобном... - он тихо плакал, а я лишь обнимал его. Что я мог сказать ему, что это вина его партнеров по сексу? Это так глупо звучит.

- Теперь знаешь и будет лучше, если знать ты это будешь только со мной. – Я даже не ожидал рычащих ноток в голосе, но они были.

- Да. – Твердо сказал мне мальчик в моих объятиях.

Было странно, я не чувствовал себя как-то не так от того, что в моих объятиях был несовершеннолетний парень. Он никогда не ассоциировался у меня с малолеткой. Он прошел слишком много, чтобы быть ребенком. Может, конечно, я просто успокаиваю свою совесть, но он нечто большее, чем просто ребенок в моих объятиях... любимый?

Я прикрыл глаза и открыл душ, сполоснул парня и себя, накрыл его полотенцем и вынес

в комнату. Положил на кровать. Он лежал не стесняясь, и я снова, как много раз уже, залюбовался. Нежными линиями его тела, сосочками, руками с тонкими пальчиками, глазами, в которых был вопрос и нежность.

- Ты безупречен.

- Знаешь, я только сейчас понял кое-что. – Садясь и беря полотенце, тихо проговорил он. Он нежно начал вытирать меня, провел по бедру чуть влажной тканью.

- Что же?

- За эти две недели моей жизни в этом доме я узнал столько нового. От дружеских отношений до любви. От страха за кого-то другого до страсти. Мираж оказался лишь образом, который совершенно не соответствует действительности. Ты чуткий и нежный, благородный и очень сильный. – Он уткнулся мне в живот и тихо продолжил.

– Я так испугался тогда в клубе, когда ты стал таким отчужденным и насмешливо-дерзким. Я бы не смог быть с таким человеком... любить. Мне так хотелось, чтобы ты тоже чувствовал ко мне не только влечение. А сегодня я узнал, что ты потрясающий любовник, и я согласен подождать. Ты только скажи, что мне нужно делать, я все сделаю для тебя, Тони.

- Мышка моя, ты уже делаешь все.

- Правда?

Я улыбнулся и кивнул.

- А теперь, после такого насыщенного дня, нам нужно отдохнуть, мне кажется, что завтра прилетит Ворон.

- Ворон? – он отпрянул от меня и, смотря снизу вверх, с нотками металла спросил. – И зачем?

Я рассмеялся.

- Во-первых, я сам его пригласил на беседу, он проигнорировал меня сегодня, но завтра, я думаю, явится. А во-вторых, Ворон не в моем вкусе.

- А я?

- Шел, мышонок, что это ты сегодня напрашиваешься на комплименты?

Он погрузился.

– Ты нравишься мне, Мыш.

С этим мы легли в постель, и я отрубился почти мгновенно, прижимая к себе, пожалуй,

самое дорогое, что было в этом мире.

Утро, как ни странно, началось тихо и спокойно, я аккуратно встал, чтобы не потревожить Шела, и спустился на кухню, где было тоже очень тихо.

Заварил ему кофе и подогрел круассаны с шоколадом. Для себя чашку чая и гренки с сыром. Все это водрузил на поднос и пошел наверх.

И вот идя по лестнице, я вдруг остановился и завис...

Я поймал себя на странной мелодии, потом эта мелодия обросла словами, и я прикусил губу, чтобы не запеть. Лоф бы удавился. Я стоял в халате, посреди лестницы, с подносом в руках, на котором был завтрак для моего... и вот на этой мысли я точно понял, что это не симпатия и не влечение – это любовь. Та самая любовь, о которой Лоф поет свою балладу, та самая любовь, о которой я грезил, но боялся раскрыться для кого-то. Та любовь.

- Вот же... - я влетел по лестнице и остановился около своей двери. Дверь чуть дальше открылась, и в коридор вышел Марс, он уставился на меня с открытым ртом.

- Тони, ты себя видел в зеркало?

- Нет, а что?

- Ты похож на сверкающую лампочку. Что-то случилось?

Я улыбнулся шире.

- Да, Эндрю, но это я могу сказать только одному человеку.

- Тони... я, наверное, должен был сказать чуть раньше... - он стал серьезным и нахмурился. Но я не дал ему закончить.

- Марс, все, что я хотел - я уже знаю, и то, что не хотел - он рассказал мне сам. – Андре, шокированно смотрел на меня, а я открыл дверь и, балансируя подносом, вошел в комнату. Мой мышонок еще спал.

Я поставил поднос и подошел к музыкальному центру, нашел последний альбом «Baiser» и включил тот самый трек с балладой. Сильный, мелодичный голос Лофа плавно заполнил комнату. Я не фанат «Baiser», но иногда Лоф и Стоун выдают такое, что мне хочется вырвать свои зелено-синие пряди.

Я повернулся к проснувшемуся мышонку и, улыбаясь, тихо зашептал слова, делая медленные шаги в его сторону:

- Я люблю тебя. Я только что это понял. Как молния посреди голубого неба. И пусть она соединит нас навсегда. Прошьет насквозь. Твоя и моя любовь.

Дальше Лоф пел один, потому что Шел подскочил и, путаясь в одеяле, обнял меня и прямо в губы:

- Люблю тебя.

- И я люблю тебя, Шел. – Нужно было видеть его лицо, он смотрел на меня и пытался дать себе поверить, боролся за это со своей слишком взрослой рациональной сущностью. И я наклонился и накрыл его губы. Помогая решиться. Помогая самому себе и не отдавая отчета в том, что увяз в этих чувствах уже давно. С самого первого взгляда в эти необычные карие глаза. С самого первого поцелуя...

После бурного завтрака мы спустились вниз к ребятам.

- О! Я теперь точно знаю, кто съел круассаны! – воскликнул Кот. Я оглянулся на Шела, а он, смеясь, слизал у меня, видимо, шоколад с щеки. Все застыли, а я немного повернул голову и накрыл его губы.

- Ничего себе...

Я оторвался от сладких шоколадных губ и обратился к ребятам.

- У меня к вам очень серьезный разговор, мальчики.

Они тут же стали серьезными и расселись по своим местам. Кот, правда, немного дулся и бубнил.

- Что случилось, Тони? – спросил не выдержавший Бетховен.

- У нас будут очень напряженные две недели. Сначала фотосессия, я думаю, даже две, потом несколько интервью и выходов в свет, не по клубам, а именно те тусовки, на которых я, да и вы, не любим появляться. Дальше будет несколько концертов, два небольших и один полный, на два часа - не меньше. Поэтому мне нужна серьезная команда, собранная, та, которую я всегда уважал, и мы будем репетировать до седьмого пота... - я сглотнул и продолжил.

– Вопросы?

- К чему ты нас готовишь, папа? - немного насмешливо спросил Кот, но я по глазам Бетховена видел, знает он, к чему я их готовлю.

- Возможной... - начал, было, он. Но я качнул головой.

- Мне нужно, чтобы вы, ребята, были уверены в своем будущем, чтобы вы точно знали, хотите ли продолжать. Раньше я щадил вас, и мы не участвовали ни в чем подобном, держались особняком, но пора выводить вас в свет, в тот свет, в котором вы еще не купались.

– Я говорил твердо, как всегда немного высокомерно, но вот улыбнуться не смог.

В этой комнате три человека знают, что это начало конца для «L'iris noir».

Глава 15. Самый сложный момент.

- Да, Тома, да.

Я уже полчаса не мог добиться от этого человека положительного ответа. Мне хотелось для Ноэля эксклюзива, а кто, кроме Тома, может сделать ему прекрасную фотосессию? Конечно, в нашем бизнесе много отличных фотохудожников, но Тома самый-самый.

– Боже! Ну, хорошо, скажи мне сам, чего ты хочешь, раз не денег? – я вытянул ноги и откинулся на спинку кресла. Гудела голова, и хотелось спать. Но еще больше хотелось в теплые объятия Шела. Ноэля.

Я про себя называл его именно этим именем. Он считает, что оно ему не подходит, но мне кажется, это имя как он сам. Такое же мягкое и нежное, милое, чистое.

– Да? Что? Тоооома... ладно. Я согласен. Сделаешь все в лучшем виде, и потом я отдамся в твои руки. Отлично. – Я нажал на сброс и прикрыл глаза. Горло першило, нужно пополоскать или выпить микстуру.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошел Итон. Я везде узнаю этот дорогой запах сигарет вперемешку с такой же дорогой туалетной водой.

- Как переговоры? – наклоняясь надо мной, тихо спросил он.

- Тома невыносим. Сказал, что снимет мою группу и отдельно каждого только при условии, что я потом выступлю в роли его куклки на очередной его выставке. – Я не открывал глаза. Дядя провел рукой по моим волосам.

- Это хорошая цена.

- Зная Тома, он сделает из меня эльфа, и я буду красоваться чем-нибудь прозрачным, еле прикрывающим стратегически важные места... - устало выдохнул я. – Можно найти другого, но Тома профессионал в своем деле. Что там со строительством? – перешел я на такую же насущную тему, как и фотосет.

- Не думай хотя бы об этом, я сделаю все сам.

Я, наконец, открыл глаза.

– Выглядишь усталым. – Констатировал и так известный факт Итон. Я улыбнулся.

- Не только выгляжу.

- И голос хриплый, больше чем обычно. – Он достал из моей сумки флакон с микстурой

и протянул мне, я уже профессионально открыл и сделал один глоток. Жидкость разлилась по гортани и как будто обволакивала ее шелком. Я вздохнул.

– Тебе нужно отдохнуть.

- Итон, мне некогда отдыхать. Мне столько нужно сделать.

- Я знаю, но если ты свалишься от усталости посреди концерта, который, кстати, будет через два дня, это не пойдет на пользу ни тебе, ни ребятам. – Немного хмурясь, проговорил дядя. Я поднял руку и провел по морщинке между его бровей. Он смотрел внимательно.

- Я устал. – Прошептал я.

- Горе ты мое непослушное. Иди сюда. – Итон аккуратно приподнял меня и пересел со мной на диванчик в углу кабинета.

– Поспи.

- Мне через час нужно быть в студии, у меня встреча с Вороном.

- Подождет твой Птах. – Тихо мне в висок, а я как будто в какой-то серой тине.

Я проснулся от легкого поглаживания по предплечью. Было тепло и уютно, как в детстве. Я улыбнулся.

- Привет. – Просипел я.

- Привет. – Раздался тихий голос Ноэля. Я распахнул глаза. Итон сидел на диванчике, я лежал у него на коленях, а Ноэль сидел рядом на полу. Дядя тоже спал.

– Я звонил, но твой телефон выключен. И потом Марс позвонил Ханне, и она сказала, что ты до сих пор тут. – Он закусил губу и покосился на Итона.

- Прости, я вырубился. – Притягивая его к себе, сказал я. Ноэль устроился на мне и еще тише прошептал:

- Кто это?

- Это Итон, мой дядя.

- А. – Глубокомысленно ответил мой мальчик. – А почему ты спишь на его коленях?

- Кто-то ревнует?

- Немножко.

- Не стоит. – Я чмокнул его в аккуратный носик.

- Надеюсь, я вам не мешаю, мальчишки? – насмешливо спросил Итон.

Шел дернулся, но я удержал его.

- Конечно, нет, ты прекрасно играешь роль подушки.

- Ты выспался? – наклоняясь над нами, опять с насмешкой спросил он.

- Да. Спасибо.

Шел внимательно смотрел мне в глаза. А я перевел взгляд на часы и чертыхнулся.

- Я опаздываю на встречу с Вороном. Итон, где мой телефон?

- Я его отключил.

Я вздохнул и медленно сел, голова болела, и я скривился. Шел и Итон произнесли в один голос:

- Может отменить встречу? – переглянулись, нахмурились, и я не выдержал, засмеялся. Пересадил Шела на диван и встал, потянулся.

- Встречу отменять нельзя, мне нужно поговорить с Вороном, так, телефон... - Я нашел его на столе, включил и обнаружил, что Птах звонил мне пять раз. Набрал сам. Прослушал «безвкусный» римейк на одну из его песен и, наконец, услышал:

- Мираж, ты что себе позволяешь, звезда ты наша?!

- Очень много дел, закрутился. Но, как всегда, отчитываться не обязан, так что давай подъезжай к Ханне. Надеюсь, еще не забыл, где находится журнал, который тебя всегда поливает с ног до головы?

- О! Последняя статья, кстати, обо мне любимом, была просто шик, Мираж. Столько противоречивой информации, мои поклонники были в экстазе.

- Это какие такие поклонники? Три панка и твоя малолетняя сестра? – рассмеялся я. Краем глаза я заметил, как Итон и Шел о чем-то разговаривают, но тихо, чтобы не мешать мне. Ноэль хмурится, но по глазам можно сказать, что разговор его больше забавляет, а вот Итон веселится по полной.

- Ох, не завидуй мне, Миражик, у меня хотя бы в группе нет людей с традиционной ориентацией.

- Это достижение. И что, даже твоя ударница Лола - переодетый парень?

На том конце засмеялись.

- Ладно. Ты снова меня сделал. Я уже почти на месте, так что распахни свои объятия для меня, любимый. – Манерно пропел этот воробей и положил трубку. Я вздохнул и прикрыл лицо руками, потер. Я устал. Сильно, невыносимо, когда даже двигаться в тягость.

За эти недели я сделал так много, но все же еще недостаточно. Ребята только округляют глаза и разводят руками, когда я меняю планы за час до мероприятия.

Сегодня до обеда у меня было совещание с моей журналистской братией. Обсуждали статьи перед нашим концертом, встал вопрос о том, кто будет на разогреве. Сначала хотел предложить Терри, но у них там свои проблемы. С этим его сводным братом. Заодно помог решить ему эту проблему, подкинув пару идей Маку.

А потом я подумал о Вороне. Пусть наши стили полностью отличаются, но этот парень талантлив, и ему тоже нужно дать стартовую площадку и расширять аудиторию слушателей. Так почему бы не предложить ему сыграть пару песен на разогреве у Миража.

Ханна покрутила пальцем у виска и сказала, что это полная муть. А я не согласился. И пока мы все это обсуждали, я заметил одну интересную деталь. Аделаида и Ханна встречаются.

Девчонка полностью преобразилась, стала утонченной и в меру игривой. Таким нежным рыжим котеночком.

Я, если честно, даже не знал, что Ханне нравятся рыжие девочки, но был рад.

Меня обняли тонкие ручки.

- Устал?

- Да, жутко хочу в ванную с тобой. – Обнимая Шела и притягивая к себе, прошептал я в его волосы.

- Потерпи, и все будет, я даже сделаю тебе массаж. – Интимно прошептал он мне в ключицу. – Твой дядя невыносим. Он задавал мне вопросы, как будто я преступник, позарившийся на самое драгоценное в его жизни.

- О чем договорились?

- Я люблю тебя.

Я хмыкнул.

– А он твой дядя и все...

- О! – Я взглянул на Итона, который и не собирался покидать кабинет, тот ухмыльнулся. Защитник исчезающих видов.

В дверь бесцеремонно ввалился Ворон. Как всегда, в рванье и в черной косухе. Улыбается.

- Привет всем, Ворон прилетел.

- Садись, пернатый, и слушай внимательно, повторять по пять раз не буду.

Тот только хмыкнул и сел на диван рядом с дядей. Итон скривился, но так, чтобы не знающий его человек подумал, что он улыбается.

– Сначала я хотел высказать тебе за твоего парня, но потом подумал и решил, что ты мне отработаешь слезы моего Шела.

- Чего?

- Ворон, хороший мой Птах, я так понимаю, что твой немец тебе ничего не рассказал?

Отрицательное мотание головой.

– Прекрасно. Я тоже не буду рассказывать, захочешь, спросишь у него. Итак, отработывать будешь на следующем нашем концерте. Откроешь его.

Ворон вскочил и вдруг кинулся мне на шею, хорошо, Ноэль отошел от меня, как только это пернатое чудовище вошло.

- Мираж! Ты серьезно?

- Боже! Отцепись.

Но он только еще сильнее обхватил меня за шею. От него пахло приятно, чему я был удивлен. И он улыбался. Если смыть с него всю это панковскую дрянь, он будет милым, но Ворон был таким. Хамоватым, дерзким и, в принципе, неплохим парнем.

- Мираж, ты хочешь, чтобы мы открыли твое выступление?

- Да, я, кажется, это и сказал.

Ворон отошел от меня на шаг.

- Мираж... спасибо! Я, честно сказать, сюда ехал в полном непонимании. И совершенно не ожидал, что ты предложишь мне это... это. Черт!

Я вздохнул и притянул к себе Ноэля.

Итон поднялся с дивана, на котором просидел все это время, и взял один из листков с планом концерта.

- Вот. Это то, что будет, репетиция состоится завтра. И, пожалуйста, отнесите к ней серьезно. – Он замолчал, потом посмотрел на меня, я качнул отрицательно головой. И Итон промолчал о том, что этот концерт для «L'iris noir» будет последним. Ворону незачем знать такие подробности раньше наших поклонников и моих ребят.

Ворон взял лист и бегло просмотрел, нахмурился.

- Четырнадцать песен? Четыре из них с флейтой... И одна со Змеем и Лофом? Что это? – внимательный взгляд на меня.

– Ты... – но он не договорил.

А я лишь улыбнулся. Каждый в шоу-бизнесе прекрасно знает, что такие масштабные концерты, такие приглашения означают одно – прощание.

Сегодня мне предстоит еще разговор с ребятами. Нужно это сделать, иначе будет нечестно по отношению к ним.

Мы попрощались с ошарашенным Вороном, который сильно сжимал в руке листок, и сели в машину Итона: он предложил подвезти, я не отказался.

- Нужно еще с Маком поговорить.

- О! Мак это у нас не Ворон, который рад и подтанцовке.

- Да, с Маком будет сложнее, но я не зря помогал Змею, можно теперь взять свое. – Устало проговорил я. Этот почти часовой сон совершенно не взбодрил меня, а сделал еще более сонным.

- Сейчас приедем, и отдохнешь, Тони. – Прошептал Ноэль, сжимая мою руку.

- Нужно поговорить с ребятами, иначе Бет не выдержит и сам все им скажет. А это нехорошо совсем, я, в конце концов, не трус.

- Дело же не в трусости. Дело в том, что ты любишь нас, вот и все. – Он улыбнулся. А я, не стесняясь дяди, накрыл сладкие губы моего мышонка. Прижал к себе.

- Да, именно, и не хочу, чтобы вы бросали музыку.

- Без тебя «L'iris noir» не группа, Тони. – Прошептал он мне, смотря в глаза и печально улыбаясь.

Он прав. На все сто прав. Но как же больно осознавать это. Маленькие концерты я еле пережил. И то, если бы не Бетховен и Шел, в четыре руки поившие меня после каждой песни, я бы потерял голос уже тогда. Мы пережили поход в высшую тусовку. Было сложно, но лицо держать я своих мальчиков научил и горжусь ими.

Они никогда не разочаровывали меня, но, видимо, пришло время мне разочаровать их.

- Приехали. Энтони, после репетиции завтра заскочу за тобой, поедем, посмотрим макет того, что будет на земле ранчо.

- Хорошо. Спасибо Итон.

- За что? – удивленный взгляд в зеркало заднего вида.

- За все. – И я открыл дверь и вышел, повернулся и подал руку моему мальчику. Ноэль сначала немного смутился, а потом вложил свои теплые пальчики мне в ладонь.

После моего признания между нами ничего не изменилось или изменилось все. Мы вместе. Он мой. И, пожалуй, это самое главное. Его тепло, его искренность, его сверкающие счастьем глаза – все это дарит мне надежду на лучшее будущее.

Мы вошли в холл, в студии было тихо, с кухни привычно доносились голоса, но, почему-то, не крики или смех, а шепот.

Когда мы вошли, ребята замерли.

Я вздохнул и подтолкнул Ноэля к Бету. Облокотился о стену около двери и обвел их всех взглядом. Каждый смотрел серьезно, они ждали.

Марс – самый скрытный, пожалуй, из них.

Кот – балагур и бабник, но для друзей готовый на все.

Майлз – хороший друг, помощник, почти брат, которого у меня никогда не было.

Бетховен – запутавшийся котенок, но сумевший попросить помощи и принять ее.

Шел – часть команды, любимый. Мой.

По сути, они все мои. Я сделал их. Но теперь пора отпустить на свободу моих птенцов.

- Даже не думай! – вдруг прошептал Кот. В ярких зеленых глазах блеснули слезы, он закусил губу и отвернулся к окну.

- Мне нужно с вами серьезно поговорить. Так что прошу не перебивать меня. – Я вздохнул, Шел дернулся ко мне, но Бет удержал его. – Я благодарен вам всем за то, что вы были со мной на протяжении десяти лет, еще тогда, когда мы только начинали и были

зелеными мальчишками, я благодарен вам за то, что вы относились ко мне не как к богатенькому баловню судьбы, а как к равному. И я благодарен вам, ребята, каждому по отдельности, за то, что мы всегда были не просто членами команды, а семьей. – Я замолчал. Кот рыкнул.

– Но пришло время расставаться.

- Да, почему, черт возьми?! – прошипел Кот.

- Потому что моя карьера подходит к концу, Котенок.

В кухне было так тихо, что был слышен скрежет зубов Кота.

- Что это значит?

- Я теряю голос. – Тихо ответил я. Майлз и Марс вскочили со своих мест. Бет сморщился и прижал к себе Ноэля. Реакция Кота была однозначной, он просто сел на подоконник и, закусив губу, разревелся. Я оттолкнулся от стены и подошел к нему. Попытался обнять, но он выворачивался, отталкивал меня, а потом сам вжался.

- Это невозможно, папа! Ты всегда был такой сильный, ответственный, добрый, мой...

- Кот... - встрепенулся Марс.

- ...папа. – Всхлипнул парень в моих руках. Я обнял его сильнее и запустил руку в волосы.

- Знаю, и останусь им. Но ты, мой мальчик, должен вырасти, понимаешь?

- Черт, да не растут так быстро дети... - уже чуть насмешливо прохныкал он.

- Иногда обстоятельства сильнее нас, Кот. – Назидательно ответил ему Бетховен.

- Ты знал? – повернулся к нему шокированный Майлз.

- Знал. – Спокойно сказал Бет.

- Черт, что теперь делать? Как помочь? К врачу нужно! – затараторил Марс.

Я улыбнулся. Не о себе думают, а обо мне. Не о своей карьере беспокоятся, а о том, чтобы спасти мой голос. Я подтолкнул Кота к стулу и встал рядом с ним, держа за плечо.

- Я был у врача, и мне было сказано однозначно - либо карьера, либо голос.

- И ты, конечно, выбрал карьеру, не потому что так хотел сам, а потому что думал о нас? – Серьезно спросил Марс.

- Именно так он и думал. – Ответил на тираду Марса Бетховен. Я прикрыл глаза. Тонкая ручка моего любимого мальчика потянула меня на стул, я сел, Ноэль обнял меня за шею, уткнулся в волосы.

В кухне снова стало тихо.

- Тони, тебе отдохнуть надо, Шел, отведи, пожалуйста, его в комнату. – Вдруг проговорил удрученно Кот.

Я знаю, они расстроились не из-за того, что группа развалится после концерта, а из-за того, что я не смогу больше петь.

Мы с Ноэлем поднялись в нашу комнату, и он прикрыл дверь.

- Сначала в душ или массаж?

- Мышонок, посиди со мной.

Я сел на кровать и потянул Ноэля к себе.

– Как думаешь, что будет завтра на репетиции? Мне надо еще с Маком поговорить, и я забыл ребят предупредить, что послезавтра фотосессия у нас. – Я вздохнул. А Шел мягко уложил меня на покрывало и начал расстегивать пуговицы на подобии рубашки. Потом шнурки и кнопки. Я лежал и смотрел в потолок.

– Ноэль... - прошептал я, когда его горячие губы накрыли мой сосок.

Он остановился и посмотрел мне в глаза.

- Все будет хорошо. Ты правильно сделал, что сказал сейчас. И они эту новость узнали не на концерте. Все будет хорошо. – Повторил он, я верил. – Тебе так нравится это имя?

- Красивое имя, очень тебе подходит.

Он вздохнул и устроился на мне.

– Спасибо.

- За что?

- За то, что поддерживаешь меня, того, кто не в состоянии сделать тебе карьеру.

- Тони, я же не из-за карьеры поехал с тобой, а из-за тебя самого. И если ты больше не будешь петь, это не изменит мое отношение к тебе. Хотя я очень люблю твой голос...

- А я люблю твою флейту, мышонок.

- Я уйду за тобой. – Твердо проговорил он.

А я вздохнул и обнял его. Как же тяжело. Как больно. Но если он будет со мной, будет легче. Легче осознавать действительность, ведь я не сказал самого главного ребятам.

Я так боюсь, просто боюсь.

Глава 16. Перед концертом.

- Мак, привет.

- Мираж, какими судьбами?

Он всегда мне нравился. Этот упертый, сильный, харизматичный мужик. Было даже время, когда я пытался склонить его к сексу. Но Мак оказался стопроцентным натуралом. Хотя с таким коллективом как у него – это очень странно.

- Мираж! Привет! – влетел на кухню студии Змей. Обнял. А я притянул эту рептилию к себе. И невольно подумал, что мой Ноэль изящнее.

- Привет, Змеюка. – Прошептал я устало. Терри отстранился и внимательно посмотрел на меня.

- Плохо выглядишь.

Я хмыкнул.

- Так что привело тебя? – снова спросил серьезный Мак.

- Хочу забрать свое. – Улыбаясь, ответил я. Он тут же переменялся и стал совершенно другим человеком, тем, кого знают в тусовке. Деловым.

- Мак, расслабься. – Засмеялся Терри. – Энтони, ты имеешь в виду меня и Лофа?

- Именно.

Все же четырехчасовой сон мне мало помог, больше расслабило то, что Ноэль был рядом и нежно обнимал меня и сопел в плечо. Я даже, если честно, толком и не поспал, опять провалился в какую-то мутную тину.

- Это не проблема, когда тебе нужен этот дуэт?

- Завтра. Вживую, две песни.

Они переглянулись, а Терри нахмурился.

- Подожди. У тебя завтра концерт?

- Да.

Я отвернулся от них и посмотрел в окно, по мостовой к студии бежал мой мальчик. Он был так восхитителен сейчас, что я невольно улыбнулся.

- Энтони, что-то случилось? – уже встревоженно.

- Да. Но это моя проблема, моя и моей группы.

- Тони? – вбежал в кухню Ноэль, я обернулся. – Там у Кота истерика!

Ох, черт!

- Мак, я прошу предоставить мне ребят и аппаратуру к вечеру, у меня репетиция. Сыграем две песни, а уже завтра, к шести часам, концерт. А сейчас мне пора. – Я взял Шела за руку.

- Энтони, ты точно в порядке? – Змей он такой, внимательный и понимающий.

- Да.

Но сейчас у меня есть сокровище с черными глазами, сокровище, которое я не хочу терять.

Мы вышли из студии «Baiser», и Шел зашептал быстро-быстро:

- Он закрылся в комнате, не отвечает, там музыка громко, и ребята волнуются.

- Сейчас разберемся. Ты хоть выспался? – открывая дверь в нашу студию, спросил я. Шел был немного растрепан, кенгурушка небрежно накинута на голое тело, видимо, его разбудили.

- Да, не волнуйся. Только я знаю, что ты опять плохо спал. И не спорь, тональник тебя не спасет. – Хмуро ответил он. Я улыбнулся.

Мы поднялись наверх, и я увидел картину маслом.

Четыре парня сидели около двери в комнату Кота и курили. Музыка орала так, что я отчетливо слышал свой голос даже в начале коридора. Тааак, у Котёнка депрессия, прекрасно.

Я отпустил руку Шела и прошел по коридору, прямо к комнате Кота.

Ребята в надежде подняли головы и затушили сигареты.

Я стукнул в дверь. Никто не ответил. Еще раз, но уже посильней.

- Кот! – хотел заорать, но получилось какое-то неприличное шептание. Бет подскочил с пола.

Забарабанил сам.

- Кот, открывай! Тони пришел! Кот!

Музыка стихла, и дверь приоткрылась на несколько дюймов.

- Тони? – хрипло.

- Котёнок, давай, открой, я выслушаю.

Дверь открылась шире. И в мои объятия прыгнул лохматый котёнок.

- Тони, как я без тебя, как? – Он действительно был в жутком состоянии, я подхватил его и понес к себе. Бросил через плечо ребятам:

- Времени мало, его нужно привести в чувства. Чай с ромашкой и виски. Ноэль, со мной.

Всех сдуло из коридора.

Я внес Кота в свою комнату и сел вместе с ним на кровать. Сейчас он меньше всего напоминал знающего себе цену парня. В моих руках был мальчишка.

- Тони, прости.

- Ничего. Давай успокаивайся.

- Я не могу. Больно. За тебя.

Я вздохнул. Шел принес из ванной влажное полотенце и передал мне. В его глазах было столько печали. Я сжал челюсть.

Они все, каждый по-своему, волнуются за меня. Кто-то, как Марс, постоянно курит, Бет, наверняка, снова полночи переставлял стопки своих книг. Я знаю, что Майлз постукивал на установке. И только Кот действительно не может сдержаться и льет слезы под мои песни.

- Кот, послушай, сейчас не время, и ты это прекрасно понимаешь, ты мне нужен, очень. Я без тебя не смогу. – Проговорил я, успокаивающе поглаживая Кота по волосам. Он лишь всхлипнул и прижался сильнее. Он не замечал ничего вокруг. И вдруг вжался в меня и тихо прошептал:

- Я не мог раньше, осознавал, но не знал, как сказать, чтобы ты не принял это за шутку, да и потом, ты ведь Мираж...

Я непонимающе уставился на черную макушку, Шел рядом затих, так же как вошедшие ребята. У Марса в руках была бутылка, Майлз нес бокалы. А Бетховен поднос с чаем.

– С самого первого взгляда... С первой улыбки... - я уже знал, что он скажет, и обнял его сильнее. – Люблю тебя. – Без надрыва, так, как будто это безнадежно, но в тоже время правильно.

- Котёнок. – Я запустил руку в его гриву волос.

- Знаю я все. Просто должен был сказать. Вдруг ты бросишь нас, и я вообще не смогу тебя увидеть. Знаю, что не в твоём вкусе, и знаю, что ты никогда не любил прилипал, ты такой, я просто... Должен был сказать. Всю ночь готовил речь, а получилось опять абы как.

Он вдруг поднял голову и улыбнулся, вяло. Под глазами синяки, уставший. Как и все в этой комнате.

- Ты же знаешь, я всех вас люблю.

Он ухмыльнулся. И снова вжался в меня.

- И это тоже. Я не хочу без тебя, музыка без тебя - это как гитара с тремя струнами.

Бет поставил поднос на кровать и подал мне чашку. У них не было шока, видимо, признание Кота удивило их меньше, чем потеря моего голоса.

Я поднес чашку к губам зеленоглазого котёнка, он сделал глоток. Поморщился.

- Не любишь чай с ромашкой? – немного насмешливо спросил я.

- Ненавижу. – Уже с улыбкой ответил он.

Я знаю, ему нужно было мне это сказать. Я и раньше догадывался о его любви, но думал, что это как к музыканту, а тут...

Но это ничего не меняет в наших отношениях и в моей симпатии к нему. Он всегда был моим котёнком и останется им.

- Так, давайте выпьем и за работу. – Марс разлил виски на два пальца, как положено, и мы выпили.

- Что у нас сейчас? – спросил задумчивый Рей.

- Сейчас приводим себя в порядок и едем к Тома. Делаем несколько снимков, я надеюсь, несколько. А потом в зал на репетицию, Терри и Марио подъедут позже. Так, что еще? – я закусил губу, задумался. И даже не заметил, как они все тихо оставили нас с Ноэлем одних.

- Устал? – сел он рядом со мной.

- Только утро, а голова уже никакая, маленький.

- Ты знал, какие чувства к тебе испытывает Кот? – прислонившись к моему плечу, спросил он.

- Догадывался.

- И что теперь?

Я повернулся к нему и нежно поцеловал в пахнувшие лимоном волосы.

- Ему просто нужно было это сказать, он не ждет от меня ответных чувств, но ему необходимо было признаться.

Я обнял его за талию и подтянул к себе на колени.

– А я люблю другого человека. Человека, который вошел в мою жизнь со слезами на глазах. Моего мягкого, шелковистого мышонка.

Шел тихо рассмеялся и накрыл мои губы своими нежными губами. Я тут же перехватил инициативу, а он совершенно не сопротивлялся и отдавался мне.

Нашу идиллию нарушил телефон. В общем-то, как всегда.

- Да? – оторвался я от исследования сладкого рта.

- Тони, доброе утро, как ты? – Итон был, как всегда, бодрый.

- Жутко. Но мы почти готовы отправиться к Тома на растерзание. – Ответил я.

– Иди в ванную. – Легкий поцелуй в скулу моему мальчику. Ноэль встал с моих колен и отправился в душ. А я подошел к зеркалу.

- Я подъеду где-то к девяти. Будь готов. И, Тони...

- Что? – я выглядел как-то уж совсем замучено.

- Я прошу тебя на репетиции использовать фонограмму.

Я застыл.

- Итон, ты же прекрасно знаешь, я не пою под фонограмму.

На том конце эфира вздохнули.

- Энтони, я думаю, что это единственный способ отыграть большой концерт, я уже тебе

об этом не раз говорил. – Немного повышая голос. Я знаю, он нервничает.

- И не ты один. Бетховен мне уже даже запись совал. И Майлз ходит-ноет о том, что можно отыграть чисто и под фон. А что говорить о Шеле...

- Вот и прислушайся к тем людям, которые тебя любят и которым небезразлична твоя судьба. – И все, повесил трубку.

Я вздохнул.

Конечно, мы можем отыграть под фон, но это будет неуважение к фанатам нашего творчества. И самое главное - это ведь последний концерт, а я выйду к ним с фанерой. Это неприемлемо.

- Может, действительно взять фонограмму, Тони? – тихо спросил Ноэль, выйдя из ванной.

- Я не могу, малыш. Это недостойно «L'iris noir». – Я повернулся к Шелу, на нем было только полотенце, и хрустальные капельки воды медленно скользили по коже. Я не удержался и направил на него телефон – щелкнул.

- Тони? – воскликнул Ноэль. А я улыбнулся, смотря на фото на дисплее.

- Я, конечно, не Тома, но тоже знаю толк в прекрасном.

Он смущенно отвернулся к шкафу.

– И могу его увидеть. А то, что я вижу - действительно прекрасно.

- О! Великий Мираж и его мальчики! – восторгу Тома не было предела. Я старался не скривиться. Да, этот тип знает свое дело, но как же он раздражает. Тома обошел Шела, а я еле сдержался, чтобы не притянуть моего мальчика к себе.

– О! Мираж, ты не забыл, что ты мне обещал за мою работу?

- Я помню.

- Прекрасно, а теперь начнем...

Фотосессия длилась долгие четыре часа, я бы предпочел изнуряющую тренировку по танцам или репетицию в два раза дольше, чем это.

Он ставил нас в позы, раздевал, одевал, оголял и заставлял делать вещи, странные для нас, но на его взгляд - потрясающие. После четырех часов ада я прекрасно понимал Лофарго, он хоть умел срываться на Тома. Тем самым снимая стресс.

- Миражик, встань поближе к конфетке...

Я рыкнул и резко обнял Шела и впился в его губы, он ахнул, но сам, по инерции, обнял меня за шею. Вспышка еще и еще. Но мне уже было все равно.

Вся конспирация канула в Лету, но я наслаждался губами любимого человека.

- О! Это экстаз! – завопил Тома.

На мне была прозрачная рубашка и серебряные брюки, на моем мальчишке все угольного цвета и пояс из цепочек. Я приподнял его ногу себе на бедро. Ноэль застонал.

Тома на заднем фоне что-то лепетал о том «что он художник, а не порно-режиссер», но снимать не перестал. Извращенец.

После этой фотосессии я был выжат как лимонная долька в мохито. Но впереди еще репетиция.

Мы приехали как раз вовремя. Лоф ругался с Вороном.

- А я сказал, что твое хрипение не голос!

- У меня стиль такой! – не уступал в децибелах ему Птах.

- Что тут происходит? – подождав паузу в их оре, спросил спокойно я.

- Мираж! Объясни этому крашенному, что я пою! – кинулся ко мне панковидный воробей.

- Сам ты крашенный! И у тебя не голос! Вот у Миража и то лучше! – непосредственно проорал Лоф, только он так может.

Но за кулисами в коридоре, между завтра и вчера, стало тихо. Я почувствовал руку у себя на пояснице и вторую на предплечье. Я ничего не видел сейчас.

Наверное, я напоминал сам себе русалочку. Или же смертника перед виселицей.

Мой мир. Мой голос. Моя музыка. Моя жизнь.

Перед глазами все плыло, и вдруг я увидел черные пятна, а через секунду понял, что это не пятна, а глаза моего любимого.

Шоколадные, с золотыми искорками. Любимые.

- Мираж? – удивленно спросил Лоф. Ворон покрутил пальцем у виска.

- Наверное, я должен сказать и вам. Хотя не очень хочется, если честно.

Я видел, как напряжены мои ребята, как Ворон и его команда непонимающе смотрят на меня, надеясь, что я совру. Как Терри закусывает губу. Потому что он умный мальчик и прекрасно знает, что я хочу сказать. Как Даниэль Стоун - вроде и спокойный как удав, но в тоже время весь собран. Готов успокаивать своего Змея после моей новости. Я прижал Ноэля к себе и в тишине проговорил:

– Это последний концерт «L'iris noir».

И конечно, самый несдержанный у нас - это Марио, моя детка.

- Чтооо?! Ты с ума сошел, что ли? Как последний?!

- Просто.

- Просто?! Если ты сейчас, разноглазая морда, не скажешь, почему - я сам узнаю, замучив твоего Шела до смерти!

Я улыбнулся, Шел непонимающе повернул голову к Марио.

- Мираж теряет голос. – Вдруг проговорил Кот.

В коридоре стало еще тише.

- Ты рехнулся, четырнадцать песен! – воскликнул Терри.

- Это последний концерт, я хочу, чтобы меня и моих ребят помнили.

- Фанаты тебя сожрут. – Спокойно ответил на мою фразу Даниэль.

- Максвелл, это так не делается, нужно собрать журналистов...

- И объявить о том, что этот концерт последний...

- И вообще, как-то все скомкано и неправильно...

- Ты же можешь не дотянуть до последней песни... - начали они все вразнобой, а я уткнулся в волосы, пахнувшие лимоном, и просто молчал. Что я мог сказать им на это все?

Что мы уже все решили.

Что журналистами занимается Ханна.

Что я ужасно устал и хочу скорее прокрутить все и отрепетировать.

И завалиться в кровать до завтрашнего вечера.

Что?

- Ладно, хватит. – Спокойно и сдержанно оборвал все дебаты Мак. – Ором и причитаниями не поможешь. Мираж, я бы, как продюсер продюсеру, посоветовал петь под фонограмму. Но зная тебя, я могу сказать точно, что ты этот совет проигнорируешь. Поэтому мы должны просто упростить все до минимума. Сыграть - чисто и слаженно.

- Я согласен. И ты прав, совет я проигнорирую. Это последний концерт, и я хочу, чтобы он был на высшем уровне, поэтому будет все по вот этому сценарию.

Марс раздал листы.

- С ума сойти... - прокомментировал Лоф.

- Большая программа, большие затраты, но это красиво и достойно тебя. – Ухмыльнулся Мак.

- Я артист, я должен взаимодействовать со своими зрителями. Я должен удивлять. И я хочу, чтобы они запомнили меня таким. Ярким.

- Вызывающим. – Марс.

- Хищным. – Майлз.

- Восхитительным. – Кот.

- Экстравагантным. – Бетховен.

- Настоящим. – Прошептал Шел.

- Идиотом. - Услышали мы за спинами голос моего дяди.

Репетиция с декорациями прошла великолепно, я не зря потратил почти месяц на продумывание всего этого действия.

- Шикарно! – подпрыгнул Марио. – Мне нравится! Мак, хочу такие же лампочки и свет!

- Хорошо, будут тебе лампочки.

Он обернулся ко мне, я стоял, облокотившись об ограждение. Глаза прикрыл, потому что у меня плыло все.

– Устал?

Репетировали все же под фон, но двигаться приходилось самому. Да и отдаваться публике нужно было всем и сразу.

- Немного.

Рядом встал мой мальчик.

- Выпей. – И лбом мне в плечо. Я открыл глаза, передо мной был стакан с моей микстурой, разведенной в теплой воде.

- Не надо, я же почти не пел, только рот открывал.

- Все равно. – Упрямо. Я взял стакан и опрокинул в себя.

– Завтра будет сложно.

- У нас еще перед концертом конференция.

- Что?

- Ханна звонила, сказала, что без этого нельзя. Будем объявлять о том, что концерт последний. – Серьезно ответил я. – Не хотел, если честно, но придется. Она там рвет и мечет. После статьи в журнале о прошедшем концерте, там бум в редакции. – Я вытащил пачку сигарет и вытащил одну, прикурил. Шел нахмурился.

К нам подошел Итон и отнял у меня сигарету.

- *...*, ты что, с ума сошел, еще и траву, давай напейся и уйди в нирвану! – гаркнул он. Я скривился.

- Да они у меня перемешаны тут, не ори.

- Курить тебе вообще нельзя. – Не унимался дядя. Ноэль взял пачку из моих рук и сунул себе в карман.

– Вот, даже ребенок понимает всю значимость момента!

- Итон.

- Что?

- Прекрати нервничать.

- Это я за тебя, малыш, а то ты слишком спокойный.

Я ухмыльнулся. Я не спокойный и точно также нервничаю, просто рядом со мной те, кому я полностью доверяю. И, возможно, после завтрашнего дня ничего не изменится.

Я прижал к себе Ноэля и снова, как много раз за эти нервные дни, уткнулся в его волосы.

Мне все еще страшно.

Глава 17. Срываю голос.

- Что?! Как последний? – вскричала одна из впереди сидящих журналисток. В конференц-зале стало тихо после такого эмоционального вскрика. Но тишина была недолгой. Они начали шептаться и вскоре просто кричать-возмущаться. Я сидел в центре длинного стола и смотрел в одну точку.

Теплая рука накрыла мои пальцы. Ноэль.

Я видел это мнимое спокойствие моей группы. Я видел, как Кот постоянно пьет воду из бутылки, как Майлз отстукивает такт ногой. Бетховен отбивает ритм по колену. И, самый спокойный из нас, Марс прикрыл глаза и вроде не нервничает, но дыхание сбилось. И иногда даже затрудняется.

Я видел. Мои парни на пределе.

А концерт всего через пару часов.

- Я думаю, что главную новость года я вам сообщил. – Пренебрежительно и громко сказал я. Все стихло.

- Мираж, а чем Вы теперь займетесь? Как же группа? Что Вы будете делать? – посыпались вопросы со всех сторон. И я проклял Ханну. И ее идею с конференцией и объявлением о том, что «L'iris noir» играет последний концерт и прекращает свое существование. Я вздохнул и встал.

Ребята тоже поднялись и последовали за мной в гробовой тишине.

Я зашел в комнатку, которую нам выделили для «пудрения носиков» и сел на край стола. Мне было не очень хорошо.

Шел подал мне бутылку воды.

- О чем я хотел вас спросить, парни... - начал я, но не успел задать самый волнующий вопрос, в комнатку влетел Марио.

- Мираж, ты с ума сошел, такие вот новости просто так! Там теперь улей! – Лоф был как-то слишком возбужден. Мне стало любопытно.

- Такое ощущение, что это ты бросаешь свою любимую деятельность, Лоф.

Он ухмыльнулся.

- А ты даже на линии финиша все также остер на язык.

- Это линия старта.

- Из серии «стакан наполовину пуст»?

- Из серии «я еще могу всех сделать».

- Все, хватит. – Вдруг прервал нас серьезный голос Терри. – Энтони, а ведь это действительно очень серьезный шаг. И журналисты правы. Чем ты будешь заниматься?

- Терри, давай сейчас мы не будем обсуждать этот вопрос. Слишком волнующая тема.

- Прости, я понимаю. Просто переживаю за тебя. – Я почувствовал, как Шел вжался в меня и положил руку на бедро. Терри улыбнулся.

В дверь снова постучали, и вошел администратор всего этого действия.

- Я все понимаю, Мираж, но делать такие заявления непосредственно перед концертом – верх глупости.

- А по-моему, это неплохой финт ушами перед закатом, Энрике. – Улыбаясь, ответил я.

- Фрр... а причину, между прочим, ты так и не раскрыл.

- И не собирался. – Я вздохнул. – А теперь, вы не могли бы оставить меня с моими ребятами...

Все понимающе кивнули, я видел встревоженный взгляд Терри и какой-то по-детски обиженный у Лофа. Видел, как Энрике пытается взять себя в руки и сделать нам классное шоу.

Вообще, вчерашняя репетиция затянулась до глубокой ночи, и Итону пришлось просто увозить нас с Шелом силой.

Я вымотался.

Еще концерт не начался, а я уже хочу все закончить.

Когда за Лофом и всеми остальными, не входящими в мой коллектив, закрылась дверь, я выдохнул.

- Тони? - тихо спросил Ноэль.

- Все в порядке. Я просто хотел спросить.

Я замолчал, потому что увидел это. Упрямство на их лицах. Упрямство и злость.

- Ты не должен нас спрашивать об этом! – прошипел Кот.

- Нет, Котёнок, должен.

- Нет, Тони. – Вдруг сказал Марс. – Мы в любом случае пойдем за тобой.

- Чтобы не случилось. – Продолжил за ним Бет. – И ты прекрасно сам знаешь ответ на не заданный тобой вопрос.

- Мы слишком любим тебя и дорожим тобой... - Майлз отвернулся и что-то достал из сумки. – Именно поэтому мы предлагаем такой вариант.

Он подошел к нам с Шелом и протянул мне диск. Я шикнул.

- Нет.

- Тони, это для тебя единственный вариант. – Попытался Бетховен.

- Парни, я не буду петь под фон, – уже заученно ответил я.

- Тони, мы не просим, мы настаиваем.

- Так, я смотрю, вы подготовились. – Я улыбнулся. – Но это бесполезно, Бет, Рей, Эндрю, Кот, этот концерт будет последним в нашей карьере. Мы должны сделать его таким, чтобы он запомнился навсегда. И все оставшееся поколение копировало нас, но так и не пришло к совершенству. Я хочу сделать это эффектно и красиво – незабываемо. А фон... вы прекрасно знаете, как я к нему отношусь. Я запустил пальцы в волосы Шела. Он вел себя тихо, старался предупредить мои действия и желания. Но я также видел, как он сжимает кулаки и закусывает губы. Как его шоколадные глаза заполняются непролитыми слезами. Как он жметя ко мне.

И мне становилось страшно за него. За нас.

- Ладно. – Вдруг сказал Бетховен. – Мы пойдем, установим аппаратуру.

- Эээ, а разве мы уже не... - начал Кот, но ребята утянули его из комнатки.

Оставили нас одних, впервые за несколько дней. Я аккуратно приподнял лицо моего мышонка и накрыл его губы. Он тут же откликнулся на мою безмолвную просьбу.

Раскрыл свои сладкие губки и робко высунул язычок навстречу моему языку. Застонал, когда они столкнулись, и немного развернулся, обнял меня за шею.

Я раздвинул ноги и прижал его плотней к себе. Поцелуй был тягучим и сладким. Ноэль в моих руках не проявлял инициативы, он просто отдавался. Но сейчас это было важно для меня. Почувствовать себя еще нужным, целым.

Пусть будет, что будет.

Конечно, я не перестал бояться, и мне до сих пор кажется, что все пойдет не так, но

этот мальчик в моих руках - самый дорогой и долгожданный. Любимый.

Он давал мне понять, что все продолжится, несмотря на то, что я больше не смогу взять микрофон в руки.

- Я буду с тобой, не бойся. – Прошептал он, смотря мне прямо в глаза своими шоколадными озерами с золотыми искорками. И одуряющий аромат лимона заполнял все мое существо.

Я обнял его.

- Я все равно боюсь. Ты только никому не говори об этом.

Он тихо рассмеялся.

- Никому не скажу.

До концерта оставалось полчаса. Мои парни уже изнервничались. Майлз крутил палочки и уже одну пару куда-то закинул от стресса. Марс мучил струны гитары, нервно перебирая их, и достал окончательно Кота.

Шел стоял, прислонившись к стене, и прижимал к себе флейту. Я, так же как он, подпирал стену, прикрыл глаза.

Мне все казалось, что сейчас, выйдя на сцену, я не успею произнести даже приветствия, как голос пропадет. Что моя карьера закончилась - я смирился, но я должен отыграть концерт.

- Мираж, выпей вот это. – Заботливо и уже не скрывая подал мне стакан Бет. Я улыбнулся и, не открывая глаз, взял стакан.

- Думаешь, это спасет меня?

- Не спасет. – Рассмеялся он. – Но поможет продержаться.

- Сколько?

- Мираж, я же не доктор...

- Тааак, я готов! – услышал я от Ворона.

Он влетел в коридорчик, который вел к лестнице на сцену и застыл.

- Как всегда энергичен. – Прокомментировал до боли знакомый голос Дана.

- Что вы тут создали пробку! Звезда сцены идет! – заржал Ворон.

- Птах, замолкни. – Это у нас Дива.

- Эй, Лофарго, это у тебя что, красные тени?

- Нет, это у тебя зеленые круги под глазами!

- Началось. – Печально пробормотал Лис.

- Я, вообще-то, приглашал только Лофа и Терри, вы-то тут что делаете? – Наконец открывая глаза, спросил я.

Все застыли и обернулись к Даниэлю.

- Я не мог отпустить Марио без присмотра. – Ответил вместо Стоуна Ланс.

- А я просто не мог пропустить такое зрелище. – Совершенно спокойно ответил Дан.

Я вздохнул.

- Ворон, бери своих ребят, ваш выход через три минуты. – Птах подхватил застывшего немца и оттащил от Шела, потянул к лестнице, все остальные члены его группы пошли следом.

Мы услышали первые аккорды и ор фанатов.

- Все же странная у него манера держаться на сцене. – Прокомментировал Лоф.

- Это у него не манера, это у него стиль такой. – Ответил Лофу Кот. Они на пару смотрели, как Птах прыгает по сцене.

- Не понимаю, столько лишних движений, он же устанет за две песни.

- А ему больше и не надо. – Прервал я их разговор. Опрокинул в себя жидкость из стакана, который до сих пор крутил в руках. – Так, значит, у нас программа максимум... четыре песни, потом Лоф и Терри, потом флейта. Потом еще раз четыре песни, флейта. Предпоследняя должна быть только флейта и мой голос.

На меня смотрели все. Во взглядах было одно и то же.

- Мираж, может все же фон? – спокойно предложил Стоун.

- Нет. – Так же ровно ответил я.

После микстуры горло слегка смягчилось, и я пока не чувствовал раздражающего кашля.

Шел прижал флейту сильнее к себе и вдруг развернулся, встал на носочки, поцеловал меня в губы.

- На удачу. – С улыбкой сказал он.

- Я не буду тебя целовать, Мираж, но я тоже желаю тебе удачи. – Подал голос Марио. Я улыбнулся.

- Ааааа тепееерь позвольте откланяться и уступить эту великолепную сцену «L'iris noir»! – проорал Птах.

- Пора. – Как приговор, как дверь, которую я больше не смогу открыть, как последний вздох перед казнью, как многомиллионные лица, ожидающие моего падения, как яд по крови. Как боль.

Я первый поднялся по лестнице и вышел в софиты...

Первые четыре песни еще были ничего, а вот композиция с Лофом и Терри далась мне уже сложнее. Я чувствовал подступающий кашель, еле справлялся и тянул за Марио. Он с каждым куплетом округлял глаза. Я чувствовал его темп и старался быть на высоте, но также я ощущал, что Лоф снижает постепенно накал страстей и пытается щадить меня.

Первая песня прервалась на том, что Лоф не выдержал и сказал в микрофон.

- Мираж, ты идиот. – Зал затих.

- Спасибо, Марио. – С улыбкой проговорил я. – Итак, то, что обещал, я выполнил, по ходу концерта будет еще небольшое отступление, и мы все услышим еще раз голос Лофа. А теперь позвольте еще раз представить Вам моего нового музыканта - Шел!

Мои парни были напряжены, сосредоточены.

Но мы профессионалы.

Шел немного нервничал, но я знал - это больше из-за меня, чем из-за концерта и зрителей.

Зал взрывался аплодисментами после каждой песни. Я двигался в такт музыке, улыбался.

И срывал голос.

После каждой песни хрипел.

На предпоследней четверке Бет не выдержал и сделал отмашку, администратор сразу среагировал и, извинившись, попросил небольшой перерыв у толпы раскрасневшихся поклонников.

Меня просто втащили за кулисы, и я упал на колени, закашлялся.

До слез.

- Мираж! – ко мне бросились все и сразу, но Ноэль был первым, упал на колени, пачкая о пол белые джинсы и обнимая меня. Бетховен подал очередной стакан, но я знал - поздно. Выпил. Снова закашлялся.

- Нужно прекращать этот бред.

- Нет. – Упрямо сказал я. Точнее, не сказал, а прошептал.

Вдруг меня подняли и развернули, и я увидел злые глаза Итона, дядя был в бешенстве.

- Я сам лично извинюсь перед твоими фанатами, если потребуется - верну деньги за билеты, но ты не выйдешь больше на сцену!

- Нет. – Еще тише прошептал я. – Еще две песни.

- Сумасшедший. – Безнадежно проговорил Ноэль.

- С тобой. – Я взял его за руку и потянул обратно на сцену, давая знак администратору. Он был бледный, понимал, что тут происходит, но сделать уже ничего не мог.

- Простите, что заставил ждать. Последняя на сегодня... Я надеюсь, что Вы запомните меня таким, ярким, и через много лет кто-нибудь из Вас вспомнит этот момент – когда падает звезда. Оставляя свой яркий росчерк на небосводе, делая кого-то счастливым в неведение. Я счастлив, что все это время Вы были со мной. Помогали мне и поддерживали. Я счастлив, что моя группа, мои парни дарили Вам радость своими талантами. Шел, прошу...

Он заиграл. Печально и надрывно. А я запел.

Чувствуя предел. Последняя...

Когда флейта стихла, зал был так же тих, как всю песню. Каждый из них понимал, что что-то происходит, но до конца все стало ясно, когда я облизал губы и убрал микрофон от лица. Голос пропал.

Я пытался улыбнуться, не выходило.

В тишине зала я услышал слабый всхлип и удар инструмента о пол сцены. А потом объятия тонких ручек и тихий шепот:

- Тони, Тони, Тони...

Это было последнее, что я запомнил, а затем грохнули аплодисменты. Овации. Сквозь слезы.

И горячие губы с привкусом соли на моих губах.

Два месяца спустя.

- Восстановление идет успешно, и это нормально, что так медленно, ведь я говорил, что Ваше горло, мсье Максвелл, вообще не операбельно. Так что голос восстановится... - мой врач еще что-то говорил, а я смотрел на тонкую фигурку около окна.

Он не уходил, только иногда покидал мою комнату. И то, когда его просили выйти. Ноэль. К нему привыкли за это время, то, что он возится со мной, подбадривает. И всегда рядом.

Вот и сейчас.

- Вы говорили то же самое на той неделе. – Серьезно и немного грубо. – Вы обещали, что Тони сможет начать говорить...

- Ноэль, это произойдет. – Начал было доктор Альфред.

- Мне все равно на Ваши обещания, я хочу результат.

- Ноэль! – попытался Итон.

Который тоже не отходил от меня, по выходным правда. Но в выходные мой мир превращался в еще больший ад. Они таскали меня гулять. Веселили, отвлекали. И я улыбался, смотрел, как они втайне от меня спорят только глазами или же показывая знаками, что убьют друг друга - если только один прокол.

- Что? Я уже много раз говорил ему, чтобы он перестал кормить нас пустыми надеждами! – рявкнул мой Шел.

Я приподнялся с кровати и протянул ему руку. Он тут же отошел от окна и присел рядом со мной, лицо тут же изменилось, и на губах появилась нежная улыбка. Я услышал вздох облегчения со стороны Альфреда.

Наш семейный доктор побаивался этого хрупкого мальчишку.

- Ладно, я еще зайду.

Ноэль повернулся к нему и скривил губы.

- Приходите обязательно.

Доктор вышел.

- Так нельзя, Ноэль! – снова попытался Итон.

- Иди уже на работу! – я притянул его к себе для того, чтобы мышонок успокоился. И сделал знак дяде. Итон покачал головой и тоже вышел из моей комнаты.

Строительство шло полным ходом, поэтому Итон мог уделять мне не слишком много времени на неделе, но в выходные он всегда приезжал и стимулировал, держа в тонусе и меня и моего парня.

Я улыбнулся, утыкаясь лицом в отросшие волосы Шел.

- Этот доктор шарлатан. – Пробубнил он. – Ну правда, он кормит нас этими байками, как будто ему деньги платят за разговоры. И вообще, Итон говорит, что можно обратиться в германские клиники, чтобы была надежда и вообще... Тони... я так волнуюсь, ты же знаешь.

Он говорил за двоих. Я улыбнулся и прошелся губами по его виску к губам. Отсутствие голоса не лишало меня возможности любить его. Он промурлыкал и скинул футболку.

Я аккуратно прошелся кончиками пальцев по засосу на плече, который оставил ночью на его бледной коже.

- Я знаю, Тони, тебе нравится это... - он коварно улыбнулся и встал с кровати, стянул джинсы и оседлал мои бедра.

Я обнял его за ягодицы и вжал в себя. На коже его бедер я начертил «Люблю тебя». И он прошептал:

- Обожаю.

Ноэль стал более восприимчив ко всему, что касается меня. Стал более уверенным в себе, а уж если дело касается моего голоса, то он готов на все. Ради моего спокойствия и улыбки.

Он стянул с меня рубашку и наклонился, лаская губами мои соски, покусывая. Он обожает вот такие медленные ласки, но в сексе предпочитает грубые элементы. Я с силой прижал его голову, заставляя раскрыть губы и вобрать сосок сильнее, обвести его языком.

Я почувствовал, как он начинает тереться об меня своим возбуждением. Мой нетерпеливый мальчик. Проворные ручки расстегнули мне ширинку на джинсах и тут же обхватили мой член в кольцо тонких пальчиков. Я открыл рот и тихо простонал, он тут же отстранился.

- Тебе нельзя. Тише. – Мышонок успокаивающе накрыл мои губы, но член не отпустил.

– Вот так, тише. – Шептал мне мой возбуждающий малыш.

Я резко перевернул нас и, оказавшись сверху, накинулся на него с поцелуями-укусами.

Два месяца не имея возможности говорить, я говорил с ним действиями, руками и губами, своим телом. А он отвечал, всегда.

Два месяца...

Я раздвинул его ножки и, не снимая до конца своей джинсы, сплюнул на руку и размазал слюну по стволу, плавно вошел в него. Ноэль не сопротивлялся и только постанывал и просил:

- Не останавливайся, люби меня.

Я качнул бедрами, а он обнял меня ногами и руками - отдавался. Не стеснясь своего прошлого, не вспоминая о нем в моих объятиях. Я точно знаю, он теперь только мой.

И пусть впереди неизвестность, он будет со мной.

- Ааааа... Тони! – мышонок выгнул спинку, насаживаясь на мой член, сжимаясь и запрокидывая голову.

Я не мог громко стонать и только тихо шипел сквозь зубы.

Тишина?

Нет, мой мир сейчас, в течение этих двух месяцев, окрашен шоколадными глазами и лимонным ароматом его волос, его нежной кожей и его сладкими стонами.

Я ритмично толкался в него, и вдруг просунул руку под его голову и впился в губы. Сквозь поцелуй я услышал сдавленный стон, и между нами разлилась его сперма.

Ноэль расслабился, и я выскользнул из него. Немного приподнялся и перекинул ногу через его голову, он прикрыл глаза и послушно раскрыл ротик.

Это было чудесно.

Я погрузился в его тепло, во влажность горячего рта. В таком положении он сам не мог двигаться, поэтому я получил полную власть и трахал его ротик. Также ритмично и немного даже грубо. Запрокинул голову, кончая и тут же отстраняясь от него, напал на губки, пил свою сперму и ласкал его.

- Тони, что с тобой? Тони...

Я открыл рот, чтобы ответить и тут же закрыл. Закашлялся.

- Молчи уже... - укоризненно сказал мне Ноэль. – Ты сегодня такой страстный. Надеюсь, это не Итон так на тебя влияет?

Я лег обратно на кровать и притянул легкое тело к себе, Ноэль устроился на мне и промурлыкал:

- Завтра поедem, посмотрим, как идет строительство?

Я кивнул.

– Это была хорошая идея с приютом, правда.

Я снова кивнул и обнял его крепче.

Правда, малыш.

Глава 18. Скажи мне.

Я смотрел на себя в зеркало. За два месяца я изменился. За два месяца тишины из моих глаз пропала искра. Но Ноэль... говорит, что я прекрасен, даже когда грущу.

Тоска.

Да, она присутствует в душе, осадок, неудовлетворенность и потребность, все это вкупе - коктейль. Неповторимый и с привкусом лимона. Я улыбнулся в зеркальную поверхность. Но мои разноцветные глаза так и остались непроницаемы. Поправил галстук и манжеты на рубашке.

Обернулся на звук открывающейся двери.

- Тони, ты готов?

Он сегодня тоже впервые надел костюм. Я улыбнулся. Ноэль был такой тонкий, до изящества. И этот кофейный цвет костюма подчеркивал его стройность.

Я кивнул.

- Прекрасно, а то ребята уже заждались. Я прошу тебя, не нервничай, ладно? – и он подошел ко мне, протянул руку и взял мои пальцы в свои. Поднес к губам и, смотря мне в глаза, поцеловал.

Я улыбнулся. И щелкнул его по носу, Шел рассмеялся.

- Ну, не только ты можешь быть Принцем. И ты сегодня очарователен...

Я наклонился, и когда мои губы коснулись его губ, я позабыл, о чем думал несколько секунд назад. Сейчас весь мой мир заключен в его шоколадных озерах с золотыми искрами и мягких отзывчивых губах.

– Тони, нам некогда...

Я провел носом по его щеке и чуть правее, прикусил мочку ушка, спустился языком по тату. Он ее обновил совсем недавно, сказал, что пока не надоест, будет обновлять, а настоящую делать не будет. Я не возражал, мне нравится...

- Тони... - уже намного мягче и игривее.

Я заметил, что Ноэль совершенно не может держать себя в руках, когда я так близко. Мне льстит.

И я обожаю его тихие стоны.

- Тони, пожалуйста, остановись.

Я нежно прикусил кожу на шейке и отстранился. Он сглотнул, глаза пьяные.

– Искуситель. – Прошептал Шел и уткнулся мне в солнечное сплетение, вздохнул. – Ты же знаешь, что я не могу устоять, когда ты такой? Но сейчас нам действительно лучше пойти, иначе Итон будет ворчать...

Я обнял его и кивнул.

Мы вышли из комнаты и спустились в холл, вышли на лестницу к подъездной аллее, отец уже ждал нас около машины.

- Блокнот взял? Доброе утро, Ноэль.

- Доброе, мистер Максвелл. Да, мы все взяли, не волнуйтесь.

Мой отец лишь кивнул и похлопал меня по плечу.

Как, оказывается, мало нужно, чтобы в собственной семье тебя приняли и совершенно не возражали против твоих пристрастий. Как мало.

Всего лишь потерять голос при полном зале...

Два месяца назад.

Когда флейта стихла, зал был так же тих, как всю песню. Каждый из них понимал, что-то происходит, но до конца все стало ясно, когда я облизал губы и убрал микрофон от лица. Голос пропал.

Я пытался улыбнуться, не выходило.

В тишине зала, я услышал слабый всхлип и удар инструмента о пол сцены. А потом объятия тонких ручек и тихий шепот.

- Тони, Тони, Тони...

Это было последнее, что я запомнил, а затем грохнули аплодисменты. Овации. Сквозь слезы.

И горячие губы с привкусом соли на моих губах.

Я хотел его успокоить, но у меня дрожали руки, я хотел обнять его, но не мог сдвинуться с места. Меня заколотило.

На сцену выбежал Лоф и заорал в микрофон:

- А теперь сюрприз! «Vaiser» и наша новая композиция «Цепи»!

Даниэль и Терри вышли сразу после Лофа и оттеснили меня и Шела за кулисы, за ними выбежал Лис и Бисквит.

Я попал в руки Итона.

- Энтони, скажи мне, что это не то, о чем я думаю?

Я бы сказал, но лишь крепче прижал к себе плачущего Шела. Покачал головой.

– Скажи мне! – проорал Итон. Я снова качнул головой, сжал челюсть и понял, что грим потек от слез разочарования.

– Чертов мальчишка! – прошипел дядя, обнимая меня и Ноэля. – Чертов...

- Но карьеру ты свою красиво закончил, молодец. – Сквозь музыку услышал я голос. Обернулся. У двери в коридор с гримерками стоял мой отец. И, что поразило меня до глубины души - мама. Она плакала и аккуратно промокала платком слезы. Настоящие слезы.

Я в шоу-бизнесе с пятнадцати лет, они ни разу не приходили на мои концерты, я никогда не делился с ними своими успехами и поражениями, никогда.

Отец сделал шаг. Мои ребята, как по команде, встали рядом со мной и Шелом, Итон тоже выпрямился и нахмурился.

- Я лишь хочу поздравить сына. – Тихо проговорил отец. Вдруг Ноэль оторвался от моего плеча и с зареванным, красным лицом повернулся к моему опешившему отцу и надрывно проговорил:

- Он не ответит, и пока он не сможет ответить, Вы к нему не подойдете!

Я положил руку ему на плечико и наклонился, чмокнул в висок. Он обернулся, его трясло.

– Тони, ты плачешь?

Я кивнул. Ну, а что мне делать, малыш?

– Тони...

Он кинулся ко мне на шею и накрыл мои губы.

- Ты заговоришь, я обещаю... слышишь?

- Все, тихо, малыш, успокойся. – Оторвал его от меня Марс. – Мсье Максвелл, мадам... простите наши манеры, мы просто немного в шоке.

- Я понимаю, молодой человек, и поверьте, точно также шокирован. Никогда не думал, что мой сын может работать до последней черты. Энтони... - но отца снова прервали. На сцене стихла музыка и раздались аплодисменты. Через минуту рядом со мной строго проговорили:

- Я не намерен превращать твой концерт в мою презентацию, Мираж. – Марио.

- Спасибо, что спас ситуацию, я сейчас все объясню зрителям. – Дрожащим голосом ответил ему Кот.

Я остановил его и покачал головой. Повернулся и сделал знак Марсу выйти на сцену и закончить концерт умирающего цветка.

Он кивнул. А я прижал к себе вздрагивающего Кота и Шела.

- Может, поедem к нам и спокойно поговорим? – предложила мама. Я улыбнулся и снова, уже привычно, покачал отрицательно головой.

- Я думаю, что разговор можно отложить на завтра. – Ответил ей Итон.

- Я вообще удивлена, что ты здесь, брат.

- А где мне быть, сестричка? В трудный момент для моего племянника, м? – ухмыляясь, спросил ее дядя. Мама ничего не ответила, а подошла ко мне и погладила по щеке. Кот и Ноэль отошли от меня вновь.

- Я знаю, тебе сейчас тяжело, я все же твоя мама, сынок. Пусть в решающие моменты твоей жизни мы не были рядом, но сейчас тебе нужна помощь, и мы с твоим отцом окажем ее.

Я сглотнул ком в горле и прикрыл глаза, а она сделала то, что никогда не делала на людях, да и дома очень редко. Обняла меня и тихо прошептала:

– Мы любим тебя и гордимся тобой, Энтони.

Я в шоке раскрыл глаза и столкнулся с какой-то странной нежностью в глазах отца.

Любят? Гордятся?

Невероятно, так мало, оказывается, нужно, чтобы семья раскрыла тебе свои объятия. Я, по-возможности нежно, убрал руки матери от себя и протянул свои, немного еще подрагивающие, руки к парням.

Мне ничего уже не нужно от семьи. Поддержка? Зачем, когда у меня есть те, кому я намного нужней и дороже. Любовь? Зачем, если у меня есть тот, кто любит меня просто так, а не за то, что я чего-то достиг. Уважение? Зачем, если у меня есть те, кто уважает меня, потому что я Мираж, а не мистер Энтони-Джаред-Саул-Кристен-Флоренс Максвелл.

Я обнял их всех и подошедшего Марса, и улыбнулся маме. Она лишь покачала головой. Мам, я слишком взрослый для твоих объятий, но и от помощи я не откажусь, мне ведь нужно куда-то пристроить весь мой детский сад.

Итон как будто понял меня и засмеялся.

- Попал ты, Джаред.

- Что ты имеешь в виду, Итон? – не понял отец.

- У тебя был один сын, а теперь у тебя семь сыновей, точнее, шесть сыновей и невестка... - Итон откровенно заржал. Мама нахмурилась, а потом тоже мелодично рассмеялась.

- Не обижай мальчика, Итон. Итак, мы с отцом завтра ждем вас всех, и тебя, Итон, в гости, будьте любезны одеться, соответствуя белой гостиной... - и вдруг она как будто очнулась. – Простите, привычка.

Я улыбнулся. Искренне.

Когда мы уже смыли грим и должны были выходить к машинам, в примерку вбежал один из охраны и с выпученными глазами бросился ко мне.

- Там, там такое!

- Что случилось? – серьезно спросил Марс.

- Фанаты окружили зал и все подъездные дороги, там море людей, и все скандируют одно и то же... - он подлетел к окну и раскрыл его. С улицы донеслись крики:

- Мираж! Мираж! Мираж!

Я в шоке подошел к окну, но встал так, чтобы меня не было видно. Людское море на улице не пугало, я давно вырос из того возраста, когда горящие глаза фанатов моего творчества пугают и заставляют прятаться за спинами телохранителей.

Но сейчас я совершенно не мог ничего обещать им, говорить я до сих пор не мог, хотя после концерта прошло больше часа. Страх потери голоса сковывал меня, но теплые ладошки моего Шела успокаивали и приносили жгучую, болезненную радость.

- Ужас. – Прошептал он. – Что делать?

Я протянул руку, и мне тут же подали блокнот и ручку. Я быстро написал:

- Выходим. - Прочитал Шел. – Тони, они разорвут нас!

- Тихо, Шел, никто никого не разорвет. – Вмешался Кот. – Мы проделывали это много раз. Ведь морем людей тоже можно управлять. Правда, раньше это делал Мираж...

Я обернулся к нему и показал на него ручкой, которую до сих пор сжимал в руках.

– Я? – удивленно спросил Кот. Я кивнул.

– Тонииии...

Но мы не стали его слушать, я накинул куртку на хрупкие плечики Ноэля и взял его за руку, повел на выход.

Перед входом образовали небольшое пространство – охрана концертного зала. Мы встали в этот полукруг, я поднял руку - и все стихло. Повернулся в сторону Кота, он нервно сжимал в руке микрофон, который ему подали.

- Кхм... - откашлялся он. – Мы знаем, Вы ждете от нас новых свершений и не понимаете, что сейчас происходит. И мне выпала сомнительная честь объявить об этом. Мы, как группа «L'iris noir», свое существование завершили.

Грянул гром. Вся толпа закричала:

- Нееет! Мираж! Мираж!

- Мы благодарны Вам за Вашу любовь, за поддержку и хотим сказать, что было так прекрасно - быть для Вас не только группой, но и любимыми. Спасибо! – не смутился Кот и закончил свою речь немного громче, чем начал. Я положил руку ему на плечо и сжал, в знак поддержки. Он улыбнулся.

А потом нас протащили сквозь толпу к машинам, и в тот момент, когда мы, наконец, были в относительной тишине салона, я понял – это действительно конец.

Я взвыл.

- Тони, прекрати! Ты знал, что так будет! – строго проговорил Марс, в свои двадцать шесть он очень серьезный, и это мне в нем нравится больше всего.

Я продолжал выть. Прикрыл руками лицо и начал раскачиваться из стороны в сторону. Они молчали. А потом мои руки отстранили от лица, и я получил пощечину. Сквозь пелену слез, я увидел точно такие же слезы в родных карих глазах моего мышонка. Вцепился в него, накинулся на губы. Отчаянье.

- Нельзя оставлять его сейчас, он сорвется... - услышал я тихий голос Бетховена. Он прав, черт возьми, все - он прав.

В студии они меня не отпустили, а затащили на кухню и усадили в кресло, рядом на подлокотник сел Шел.

- Что будем делать? – нервно спросил Майлз. Я же откинул голову на спинку и прикрыл глаза, говорить я так и не мог.

- Возможно, покурить? – вдруг предложил Кот. Я приоткрыл глаза.

- Нет, этого сейчас делать нельзя. – Серьезно от Бета.

- Я знаю... - тихо прошептал Шел.

Он встал и вышел с кухни, все расселись и нервно переглядывались. Ноэль вернулся с флейтой.

Я смотрел на него с печалью, а он вдруг улыбнулся и немного робко проговорил:

– Я обещал тебе, Тони, что всегда буду играть для тебя, даже если ты не сможешь петь.

По его щекам все еще текли слезы, но он поднес изящный, тонкий инструмент к губам, и по кухне потекла мелодия. Нежная, лиричная.

Он как будто говорил со мной.

А я сидел и смотрел на него, в этот момент в кухне мы остались вдвоем. Я и он.

Что может быть печальней конца? Когда твоя мечта больше не может существовать, когда ты, возможно, еще не готов к своему потолку, но ему нет до этого никакого дела, он просто пришел. И накрыл тебя...

Я снова сглотнул, и мне подали горячую чашку с моим любимым черным чаем и долькой лимона, на тонком блюдце. Я смотрел на эту чашку и думал о том, что мой потолок слишком приблизился, точнее, он уже здесь.

А Ноэль продолжал играть, и когда я не выдержал, и чашка упала на пол, а я снова согнулся в приступе жалости к себе – он продолжал играть, а меня обнимали и жалели.

Главное, что мы вместе... главное...

На следующий день я проснулся рано. В комнате были задернуты шторы, и что сейчас раннее утро, говорили только часы. Рядом сопел Шел, обнимая меня тонкими ручками и

прижимаясь.

Я не помнил, чем закончился вчерашний вечер, но голова болела очень сильно, я скривился и открыл рот, попытался прошептать хоть слово. Не вышло. Я снова прикрыл глаза, дышать становилось тяжело, я начинал паниковать.

Голос так и не вернулся. Черт!

- Тихо, Тони... - прошептал мне на ушко мягкий голосок. – Все в порядке, ты не один. Я не позволю тебе переживать одному. Я буду с тобой.

С каждым его словом, мне хотелось кричать еще больше. Меня душил страх.

А Ноэль вдруг улегся на меня и завладел моими губами. Я шокированно открыл глаза. Мой мальчик улыбнулся в поцелуе.

- Знаешь, в последнее время я часто представлял, как это будет, когда ты станешь беспомощно прекрасным?

Я скривился и резко перевернул нас.

– Не сможешь прошептать интимные вещи, смущая меня, и я смогу сосредоточиться на ощущениях твоего члена во мне, а не уплыть от твоего голоса... Мираж... - его выгнуло подо мной, а я накинусь на его шею, прошел поцелуями-укусами по ключицам к соскам, обошел их, не лаская, и прикусил кожу над пупком. Его выгнуло сильнее, и Шел вплел в мои волосы свои тонкие пальчики, подтолкнул вниз. Я приподнял голову и улыбнулся.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Мираж. Жизнь кончена, я больше не могу, зачем мне все это... Но знаешь, в самые сложные моменты Моей жизни, я слушал Твои песни... и теперь я хочу быть для тебя опорой... Вчера я играл тебе мою импровизацию, я вложил в нее столько чувств, и все они к тебе, понимаешь?

Он приподнялся и смотрел мне в глаза, в его шоколадных озерах была страсть и нежность, он такой, мой мышонок.

Я кивнул.

- И пока ты не сможешь произнести мне слова любви, я буду добиваться их другим способом... Просто люби меня, Мираж.

Странно было не то, что он так открылся передо мной, а то, что он так откровенен. Но я лишь вздохнул про себя от счастья. Доверился. Мне. Наконец.

И пусть для этого нужно было потерять голос, я даже счастлив...

Я протянул руку, и он обхватил мои пальцы губами, всосал в ротик, а я мягко накрыл его головку своим ртом. Второй рукой нашарил тюбик смазки под подушкой, в последнее

время она там всегда лежит.

Привстал и отстранился, мягко развел его ноги и нежно дотронулся до дырочки, прикусил губу, так как горло напряглось от невозможности простонать, громко и несдержанно. Смазка и мои пальцы легко проскользнули в него, он был расслаблен и, кажется, даже не заметил вторжения. Я снова сглотнул.

- Горло болит? – участливо спросил Шел, я улыбнулся и покачал головой. Вот же ребенок, я его растягиваю, а он беспокоится обо мне.

– Я хочу тебя. – Тихо-тихо.

И я понял, мои потуги бессмысленны, он уже давно готов. Я убрал руку и смазал член, наклонился и мягко поцеловал его в уголок губ. Ноэль не закрывал глаз и смотрел на меня.

- Ты потерял свою мечту, но помог осуществить мою. – Опять тихо проговорил он. И сам обхватил мой член рукой и подставил к своей дырочке, я качнул бедрами и плавно вошел, остановился.

– Не останавливайся.

Я уткнулся в его шею и обхватил его бедра, качнулся снова и снова. Мои толчки становились резче с каждым его выдохом и неконтролируемыми просьбами о большем.

- Еще! – воскликнул мой мышонок. А я открыл рот, из горла вырвались только хрипы.

– Молчи! Продолжай! Ааах да!

Создавалось впечатление, что он кричит за нас обоих. И я был благодарен моему мальчику за эту попытку отвлечь меня от проблем.

Убыстря темп толчков, чуть царапая его нежную кожу на бедрах, я прикусил кожу на тонкой шейке и почувствовал, как сокращаются мышцы. Кончит. Он скоро кончит...

Хлопок по бедру, и я шокированно открыл глаза.

- Вот так... - Он стукнул меня еще раз, и я закусил губу от блаженства. Лицо моего мальчика было красным от смущения и экстаза, но в глазах было озорство.

– Хорошо?

Хотелось кричать, но я лишь качнулся сильнее, входя в его тело глубже. Есть ли предел у любви?

Не хочу знать ответ на этот вопрос...

- Даааааа! – воскликнул Ноэль и вцепился в мои волосы, притянул ближе и прямо в губы прошептал:

- Люблю тебя.

Между нами растеклась сперма, и я сделал еще несколько толчков в расслабленное тело, кончил, тихо прошипев.

Было безумно приятно. От единства. От его теплых рук в моих волосах и от того, что я только что осознал.

Дальше только вместе.

Никому не отдам и никогда не отпущу.

Мой малыш.

Глава 19. Рядом.

Это утро было первым в череде безмолвных, но окрашенных дружеским теплом и горячей страстью.

Мы с Ноэлем спустились на кухню после душа и еще одной порции ласковых прикосновений. Он не отходил от меня и держал за руку, как маленького, а еще я заметил блокнот у него в заднем кармане джинсов. Мой малыш говорил за двоих, но в то же время умудрялся делать это так, чтобы я не заострял внимание на своем исчезнувшем голосе.

На кухне ребята, что меня немного удивило, готовили завтрак в абсолютной тишине. Кот не участвовал, но перелистывал газету и что-то выписывал в тонкую тетрадку. Я подошел к нему и посмотрел через плечо, нахмурился. На листочке в клеточку, не очень аккуратным почерком, были выписаны телефоны и имена.

Я ткнул в листок.

- Доброе утро, Тони, Шел, а мы вот решили завтрак приготовить. – Улыбаясь, поприветствовал нас Майлз, я проигнорировал и снова ткнул в тетрадку пальцем. А потом приподнял лицо Кота за подбородок и уставился в виноватые зеленые глаза.

- Тони...

В кухне стало тихо. Я приподнял вопросительно бровь.

– Это не то, что ты подумал. – Тихо проговорил Кот. – Мы просто решили... раз мы больше не музыканты, то нам нужно чем-то заняться...

Я вздохнул.

- И мы не хотели, чтобы ты видел это сегодня. – Раздраженно проговорил Бет и дал Коту

подзатыльник.

Я провел по первому номеру на листке.

- Это временная работа. – Печально пояснил Кот, опуская голову. Я невозмутимо взял газету и сравнил первый номер, объявление было о найме на должность помощника главы отдела маркетинга. Я приснул, но так как даже смеяться мне было больно, я зажал рот рукой, а потом разорвал газету вместе с листком, обнял Кота.

- Тони, мы серьезно. – Марс нахмурился. А я отпустил Кота и взял ручку, написал на обрывке листка с телефонами.

- Если кто-нибудь из вас хочет работать, я обеспечу место, не нужно заниматься ерундой. – Прочитал Ноэль.

Я отложил ручку и сел на свое место, улыбнулся.

- Мы хотели как лучше, показать, что мы можем быть самостоятельными. – Проворчал Кот. – А ты даже без голоса способен командовать. – Возвел он глаза к потолку.

Я лишь покачал головой, передо мной на стол поставили тарелку с гренками и джемом, черный чай, и они расселись по своим местам. В глазах у каждого вопрос, только Ноэль смотрит с нежностью и мольбой, я знаю, о чем он молит меня. И улыбаюсь, откусывая кусочек тоста.

Сегодня у меня совершенно другое настроение, беспокоит, конечно, отсутствие голоса, но это где-то там, далеко, это беспокойство. Я больше волнуюсь сейчас об этих оболтусах, которые вдруг захотели быть взрослыми.

Я отложил свой завтрак и взял блокнот из тонких пальцев Шела, начал быстро писать.

- Сейчас одеваемся, желательно официально, едем к моим родителям, а потом на очередную конференцию... - начал читать Ноэль.

– Нет, Тони, сначала осмотр врача.

Я обернулся на него, у моего мальчика было очень серьезное лицо, я покачал головой.

– Я сказал - врач, а потом все, что связано с нашим будущим. – Твердо.

- О, смотрю, я и не нужен здесь, ты в прекрасных руках, Энтони. – Раздался голос Итона с порога. Я страдальчески возвел глаза к натяжному потолку. Они меня никогда не оставят, всегда будут рядом. Волнуются, и это приятно. Их волнение делает меня по-настоящему живым. Я ощущаю эти маленькие ниточки, которые связывают нас. И мою группу, и дядю, и моего любимого. Говорят, когда человек лишается какого-то органа чувств, он становится более чувствительным в другом. Я не могу выразить свои чувства словами, раньше я выражал их в песнях, своим голосом, тембром заводя зал и порабощая сердца. Сейчас я могу лишь

смотреть, получается ли у меня показать глазами, как я их люблю?

По улыбкам и сверкающим взглядам я отчетливо понимаю, что они рядом. Понимают и осязают мою любовь.

- Привет, Итон. – Поздоровался с ним Ноэль.

- Привет. – Вразнобой поприветствовали его ребята.

Он махнул им рукой и подошел ко мне, посмотрел пристально в глаза и удрученно проговорил:

- Разноглазая ты бестия, почему голос до сих пор не вернулся?

- Итон, он не сможет ответить на такой глупый вопрос, он же не доктор. – Проворчал Шел и обнял меня за плечи, уткнулся в волосы. Было восхитительно видеть проявление таких эмоций.

- Это и так понятно, что ответить он не может, но думаю, что ответ он прекрасно знает. – Дядя улыбнулся. – Собираетесь в поместье?

Я кивнул.

– Отлично. У кого, ребята, есть права?

- Итон, мы не малые дети, у нас у всех есть права.

- У меня нет. – Шепотом проговорил Кот.

- И у меня. – Вторил ему Ноэль. Итон покачал головой.

- Самый здравомыслящий тут Марс, надеюсь, у тебя есть права?

- Есть, и даже машина есть, если ты об этом, но мне кажется, на моей тачке в поместье благородного семейства Максвеллов лучше не появляться.

Все рассмеялись.

- Да безразлично, какая у тебя машина, просто на моей всех не увезти...

Я взял ручку и начеркал несколько слов, протянул Итону.

– Я не могу говорить, но вполне могу вести машину, оставь парней в покое. – Прочитал Итон. – Тони, солнце ты мое рукастое, тогда быстро одевайтесь и поехали... А то твой разлюбленный папочка будет волноваться.

Парни снова рассмеялись и засобирались. Бет начал мыть посуду, Марс помогать. Кот

вскочил и утащил Ноэля и Майлза одеваться.

– Пойдем, покурим? – предложил мне дядя.

Мы вышли на крыльцо, и я вздохнул, было все же как-то странно. Спокойно и безмятежно, как будто все, что было плохое, уже случилось, и больше меня уже ничем не возьмешь.

Итон сел рядом и взял мои пальцы в свою руку, я обернулся на него.

- Странно не слышать твоего голоса. Сегодня по радио только и говорили, что о вас и о твоей потере. Я ехал сюда и боялся увидеть тебя в «сломанном» состоянии. Мне показалось вчера, что Джаред зря приезжал. Я боялся, что он еще больше усугубит твое состояние, для него важно только то, что ты теперь не можешь петь, Тони. Он все еще лелеет надежду затащить тебя в кожаное кресло. Итон вздохнул и сжал мою руку сильнее.

– Я почти закончил закупку материалов, на следующей неделе начнем строительство главного корпуса. – Тихо продолжил он, отпустил мои пальцы и достал сигареты, немного нервно закурил. – Денег ушло много... не думал, что строительство такая яма... - Затяжка. – Тони, надеюсь, ты не передумал?

Я устроил голову на его плече и сам взял его пальцы в свою руку. Быть рядом, поддерживать - мне кажется, он это умеет, не только он, но и Ноэль, и ребята. Эта поддержка заставляет меня не унывать и забывать о боли потери.

- Ты такой молодец, Тони. Я смотрел на тебя и с каждой минутой на сцене все ждал, когда ты сорвешься, когда плюнешь на публику и кинешь микрофон. Но ты удивил... силой воли, характером. Знаешь, я не думаю, что Джаред и моя сестра заметили это. Я поеду с тобой на встречу с родителями не потому, что они пригласили меня, а потому, что тебе нужно будет плечо, малыш Ноэль может не выдержать натиска высшего света. А вдвоем как-нибудь выстоим, защитим, будем рядом.

Я хотел ему сказать, что тоже не особо поверил в родителей, но мама плакала, она обычно не проявляла эмоций по отношению ко мне, настоящих эмоций, когда слезы льются сами, а не «образно говоря». Да и отец тоже выглядел взволнованным. Возможно, он преследует свои обычные цели, но сейчас, без голоса, я не смогу ничего предложить ему, да и не хочу заниматься делом всей Его жизни.

У меня у самого есть это дело, и пусть оно будет немного в другом русле, я никогда не брошу музыку.

На крыльцо вышел Ноэль, на нем был классический костюм цвета слоновой кости, рубашка угольного оттенка, без галстука, и верхние пуговицы расстегнуты. Он смущенно потоптался на месте и со вздохом сообщил:

- Кот говорит, что тебе тоже нужно одеться, он там твой шкаф перерыл весь.

Я встал со скамейки и подошел к нему, улыбнулся, смотря на нежно-розовый румянец, наклонился и провел по щеке носом. Легко поцеловал и вошел обратно в студию, быстро поднялся к себе и увидел картину маслом. Кот держал в руках мои прищипки для сексуальных игр, я только надеялся, что Шел этого не видел.

- Эм... Тони, я все понимаю, но Шел еще слишком маленький для такого...

Я вздохнул.

- Нет, я серьезно, вот это вообще в него не влезет, даже если бы ... ой, не надо, я даже знать не хочу, для чего вот это... ай... оно еще и крутится все, нет, это просто ужасно...

Я подошел к нему и отобрал фаллоимитатор, выключил, бросил обратно в коробку и поставил ее на дно шкафа.

- Я в шоке. - Промямлил Кот, а потом повернулся ко мне, глаза горят, щеки красные. - Дашь попробовать?

Я закусил губу и покачал головой.

- Ну, Тони, я тоже хочу, хотя, наверное, девушкам это нравится больше... Тони? - вдруг совершенно серьезно спросил Кот. - Я хотел поговорить с тобой о моей истерике, знаю, что сейчас не совсем подходящее время, но с тобой всегда Шел... Тони, ты понимаешь, я ведь серьезно сказал - люблю тебя, как все, что есть... вроде музыкант, а красиво выражаться так и не научился. Черт!

Я обнял его и прижал к себе, Кот всегда вызывал во мне какие-то отцовские чувства, хотя они все мои дети, но он самый любимый.

- Люблю, понимаешь, ты меня завораживаешь, всегда разный и понять тебя сложно, такой высокомерный с другими и всегда мягкий с нами... ты понимаешь? Прости, забыл, ты ведь ответить не можешь, так противоестественно, но приятно одновременно, и то, что сейчас не сможешь меня заткнуть каким-нибудь саркастичным словечком. А я буду продолжать нести эту чушь... - он хмыкнул и уткнулся мне в плечо.

- Разревелся тогда, как ребенок. Но я и есть ребенок, хочу быть с тобой всегда, и чтобы ты смотрел, как я расту и занимаю ячейку в этом чертовом обществе. Хочу быть рядом.

Я лишь крепче прижимал к себе этого мальчишку. Знаю, я все прекрасно знаю. Я протянул руку и собрал сбегающие слезинки, и этой влагой написал у него на щеке слово «Рядом». Он рассмеялся.

- Я тебе костюм подобрал, конечно, у тебя вкус лучше, но я ведь и Шела одел. Так что будете под стать друг другу. - С этими словами он отошел и достал костюм, вручил мне и, смотря в глаза, тихо проговорил:

- Я буду рядом. – И вышел.

У меня на душе стало так тепло и одновременно с этим пронзило болью. Что ж, нужно показать, что даже в такой ситуации я не нуждаюсь в отце и его покровительстве. У меня есть те, кто поддержит в трудную минуту.

Мы подъезжали к поместью, я видел, ребята нервничали, каждый из них был взвинчен до предела. Одно дело - общество звезд и бомонда шоу-бизнеса, а совсем другое - моя мать с ее аристократическим стилем во всем.

Мои парни нервозно одергивали манжеты на рубашках, Кот придирчиво поправлял галстук Бетховену.

- Да успокойтесь вы все, они, конечно, снобы, но им абсолютно плевать на окружающих их людей. – Презрительно прошипел Итон, когда мы поднимались по главной лестнице в мой дом детства. И дядя Итон прав.

Нас провели в белую гостиную, и наш вежливый дворецкий Шорт объявил о том, что хозяйева будут через пять минут. Я скривил губы, да, я теперь даже не хозяин здесь. Хотя меня не очень заботит это.

- Ничего себе, Тони! – воскликнул Майлз. – Я, конечно, знал, что ты богат, но что ты жил в таком доме...

- Ага, и променял на комнатку с кроватью с желтым покрывалом. – Съязвил Итон, удобно располагаясь в кресле белого бархата.

Я тоже сел на маленький диванчик и потянул потерявшегося Ноэля за руку, он сел рядом на краешек диванчика и закусил губу.

Да, гостиная была в классическом стиле барокко, я долго не мог понять мать, мне казалось, что жить в музее не очень приятно, но она обожает все утонченное и помпезное.

Дядя Итон фыркнул и положил ноги на ажурный столик для кофе. Ребята немного расслабились.

Через десять минут нам предложили чай.

Через двадцать мы уже всюду скучали.

- Эли сегодня прям в своей лучшей форме. – Прошипел Итон. – Я понимаю ее, но Джаред...

- Простите за ожидание, у меня были переговоры, а Эли принимала в них самое важное участие.

Я хмыкнул: моя мать была вся красная, глаза ее сверкали, как у бешеной кошки. Понимаю, и у таких снобов, как мои родители, может быть личная жизнь. Я старался не засмеяться.

- Энтони, мы пригласили нашего семейного доктора, он осмотрит твое горло. – Начала мама.

Я не стал ей говорить, да и не смог бы, что, вообще-то, у него и осматривался совсем недавно, то, что меня отлучили от семьи, не означало, что я не могу пользоваться состоянием и всеми благами, что дарит мое положение. Конечно, моим родителем невдомек, что я вырос, особо не прислушиваясь к их мнению.

- Эли, давай начнем по порядку. – Поспешил прервать маму отец. – Энтони, я думаю, что в твоём состоянии лучше побыть под присмотром, и в связи с этим мы с Эли решили предложить тебе и твоим ребятам переехать в поместье. Как ты на это смотришь?

Я спокойно смотрел на отца, я точно знаю, в моих глазах не было ни капельки чувств. Я просто пока не мог понять, как относиться к такому предложению, как реагировать.

Я не верил, что это все просто дань родителей.

- Джаред, ты слишком давишь на него... - насмешливо проворковал Итон. – Начнем, пожалуй, сначала. Итак, позвольте представить: Рей Майлз.

Рей склонил голову.

– Двадцать три года, талантливый музыкант, ударные и частично гитара. Бетховен, Колен Фрей, двадцать пять лет, синтезатор и пианино, бек-вокал.

Бетховен, также как Рей, сделал небольшой поклон.

– Марс. Андре Махоуни, двадцать шесть лет, предприниматель, имеет свою студию танца, но тщательно скрывает от своих друзей.

Марс вскочил с кресла, но Кот его вовремя усадил обратно, что-то шепча на ухо.

– Гитарист от Бога и скрытный тип. Кот...

Я затаил дыхание, я видел, как выпрямляется Кот и с ужасом в глазах смотрит на моего дядю.

– Было трудно накопать информацию на тебя, Котенок, но чем трудней дело, тем я настойчивей. Итак, я думаю, что в этой комнате я один такой осведомленный.

- Хватит. – Вдруг сказал Шел. – Это дело каждого - скрывать или не скрывать свое прошлое.

- Согласен с малышом, Итон, это не очень приятно, знаешь ли...

- Эх, опять весь кайф обломали. Так хотел посмотреть в зареванные зеленые глазищи...

И тут я увидел то, что давно не видел в этих самых зеленых глазищах, Кот заинтересованно взглянул на моего дядю. Ух...

- Я так понимаю, что ты опять пытаешь блеснуть тут, братик? Но, поверь, нам достаточно было того, что мы увидели после концерта, мы принимаем мальчиков такими, какие они есть, если они нужны нашему сыну, то и нам тоже. – Строго, как только она умеет, отчитала Итона мама.

- Уф... Итак, Энтони, что вы решили насчет нашего предложения? Я понимаю, это немного неожиданно, и, возможно, у вас уже есть какие-то планы на восстановительный период, но мы с Эли будем рады, если вы все останетесь в поместье.

Я прикрыл глаза и задумался.

На самом деле, это неплохо - скрыться в родных пенатах, от всего мира, который жаждет информации и сенсации.

Но хорошо ли скрываться здесь?

Я повернулся к Ноэлю и одними глазами спросил его о том, что он думает о предложении.

- Тони, это должно быть твое решение... - мягко улыбаясь, ответил мне он. Я повернулся и обвел взглядом моих парней.

- Нам все равно где, главное с тобой, ты прекрасно знаешь это. – Ответил за всех немного нервный Кот.

Я кивнул.

- Прекрасно! Я вам всем такие комнаты подготовила! – воскликнула моя мама, я шокированно смотрел, как она подпрыгивает и подлетает к Коту, тянет его за руки и начинает кружиться по гостиной. Папа хохочет.

Это мой дом?

Возможно ли такое, что мы немного ошиблись адресом?!

Глава 20. Все как всегда.

Я перевернулся и устроился поудобнее на мягкой перине. Улыбка самопроизвольно появилась на моих губах. Шел озадаченно смотрел на блюдо с омаром.

- Тони, я все понимаю, но я никогда не ел это животное.

Я улыбнулся шире. Мало того, что мы были в королевских покоях наследника фамилии Максвелл в начале третьего после полудня, так мы еще устроили пикник на кровати.

– Что оторвать у него? – озадаченно спросил Ноэль.

Я указал на клешни и провел пальцем по панцирю.

Мы были в пижамах. На Ноэле, правда, была еще пижамная куртка, но расстегнутая мной несколько минут назад.

- Ладно. – Хмурясь, ответил он, потом отставил блюдо и, улыбаясь, немного съехал и перекатился ближе ко мне. – Не хочу я этого бедного омарчика.

Он лукаво улыбнулся и тихо промурлыкал:

– Ты нарочно злишь свою маму?

Я кивнул.

– За прошедшие недели она уже свыклась с шумом и вечно лохматым Котом... Кстати, ты видел, как они с Итоном ругаются? Ух...

Я протянул руку и провел двумя пальцами по его плечу к шее. Ноэль зажмурился и отклонил голову, открывая мне шейку. Я медленно вел пальцами по пульсирующей венке, мягко обвел тату.

За этот месяц, что мы живем в поместье моих родителей, многое произошло. Я почти сразу понял, чего добиваются мои родители. Сначала это были невинные разговоры о политике и играх на фондовом рынке. Я, в силу своей немоты, участвовал в них вяло, тогда мама решила, что я могу читать. И они на пару с отцом начали подсовывать мне журналы и всякого рода литературу, где главным объектом обсуждения, конечно, была Максвелл-корпорейшен. Я аккуратно складывал макулатуру в уголочке, просматривая ее только тогда, когда умирал от скуки. Правда, уже на третьем журнале я понял примерное положение дел. У отца все идет прилично, и по продажам и по закупкам мы стоим на первом месте, и даже строительство удастся отцу на удивление просто. Тогда я «задался» вопросом, для чего ему я в президентском кресле? Отец отмолчался.

Ответ, как ни странно, я получил от дяди Итона.

Он рассказал мне немного о том, что узнал из своих источников, информация оказалась интересной – мой папа устал. Да, все банально, он просто хочет уйти на отдых, а отдавать корпорацию в чужие руки он не желает и все надеется, что его сын дорос до финансовой политики и сможет держать в руках дочернюю компанию и управляться с остальными хвостами этой огромной гидры.

Я знал, что мой отец не мечтатель, но это выглядело как настоящая розовая мечта.

Я говорил ему не один раз, что его дела меня не интересуют, и если он хочет уйти на пенсию, то должен искать себе преемника, на что отец с печалью в глазах говорил, что я его наследник. Глупо.

Я слишком привык к свободе, я не смогу тратить время так глупо, так однообразно, и пусть кожаное кресло наследника Максвеллов находится на двадцать восьмом этаже стеклянно-бетонного комплекса с видом на закат и воды пролива.

Все это не свобода, а клетка для моей души. Я много раз говорил отцу, что умру без музыки, она для меня как воздух. На что он отмахивался и говорил мне, что это всего лишь хобби, и оно, по сути, ничего не значит.

Если бы я не потерял голос, они бы с матерью не оставляли попыток затащить меня на двадцать восьмой этаж в золотую клетку.

Сейчас же они решили действовать по-другому. Мягко. Хотя уже поздно. Но они все равно уверены, что я поддамся их уговорам, ведь отец считает себя дипломатом, а мать еще той прожженной интриганкой.

Поэтому в ход пошли уловки.

Например, с парнями. Они приняли моих парней, хотя раньше вообще не выносили моих увлечений и сторонились круга моих знакомых.

Я улыбнулся своим мыслям, а Шел повернул голову и обхватил мои пальцы губами.

- О чем ты думаешь? Хотя не отвечай, я сам догадаюсь... - он отстранился и оседлал мои бедра, наклонился, прошептал в губы.

— Забавно смотреть, как твоя мама пытается не морщиться, когда я прохожу рядом.

Я улыбнулся и положил ладони на его талию, погладил кожу.

— Или смотреть, как твой отец пристально смотрит на Бета, чтобы тот не украл серебряные ложки за обедом.

Он усмехнулся.

— Хотя я точно знаю, что мы с Майлзом намного искуснее в воровстве, чем все остальные... ммм... повыше. — Тихо прошептал он. Я улыбнулся и приподнял руки, повел по коже ладонями, до сосков. Бусинки были напряжены, и я знаю, он жаждал прикосновения к ним. Я медленно обвел ореолы большими пальцами. Пресытиться им было невозможно, он был как лакомство, самый любимый нежный десерт, который сколько бы ни пробовал - так и не наелся.

Я медленно привстал и опрокинул его на кровать, она была больше, чем в студии, и тут

вполне могли уместиться все ребята, Шел выдохнул. Накрыл мои руки на своих сосках и тихо простонал, нажимая на мои ладони.

За этот месяц мы с ним перепробовали столько всего и даже остановились на полу-агрессивных ласках, и выбрали почти нежный секс. Хотя ему нравилось, когда все начинается вот так - он немного провоцирует, а я потом полностью забираю инициативу в свои руки. Так и должно быть. Он для меня.

- Тони, хочу что-нибудь новое.

Я навис над ним и прикусил с силой сосок.

– Мнгммм... Тониии...

А еще я понял, что молчание не всегда плохо, Ноэль говорит за двоих, но в то же время только по делу.

Легкая пижама не скрывала нашего возбуждения, и я развел его ноги и прижался к паху своим членом. Он лишь обхватил меня ногами, я зализал укус и снова прикусил, сосок стал темно-красным, а Шел дышал через рот, приоткрывая влажные пухлые губы. Закрыв глаза, темные ресницы с загнутыми кончиками заслонили от меня самые любимые глаза, и я в отместку за это больно прикусил кожу под соском. Ноэль подкинул бедра.

- Знаешь, я чувствую тебя всем существом и даже одежда уже не мешает. Помнишь, вчера мы занимались сексом прямо на том шикарном диване в белой гостиной. Я представил лицо Шорта, когда он стирал сперму с обивки... - он открыл глаза и сладострастно облизал губы. Я замычал и впился в эти сладкие губки моего мышонка. Он заерзал подо мной и выгнул спинку.

– Как же я люблю тебя, и обожаю, когда ты реагируешь на мои слова, да!

Мы оба начали сдирать его штаны, и я совершенно не нежно шлепнул его по ягодице и укусил за тату. Он вскрикнул и ввел в себя свои пальцы.

- Хочу тебя, хочу... - стоны и почти истерический шепот, и мое сопение, я прикусил себе язык до крови, чтобы не заорать от восторга. Немного отсел и схватил его за лодыжки, расставил ноги сильнее, он совершенно не сопротивлялся, а продолжал растягивать себя.

– Тони, давай.

Я ухмыльнулся и наклонился, медленно прошелся языком по его возбужденному члену. Прикусил у основания, прошелся легкими касаниями по яичкам, он убрал пальцы, и я мягко обвел дырочку кончиком языка. Шел захныкал.

Весь этот месяц мы только и делали, что потешались над моими родителями и наблюдали за сближением Итона и Кота. Хм... если честно, я никогда не думал, что бабник Кот и бабник Итон могут сойтись. Но, наверное, это правильно, потому что бедные

женщины и девушки их обоих всерьез никогда не интересовали. Они вечно игрались и наслаждались победами, но ничего серьезного на их счет не имели. А тут они сошлись не на жизнь, а на смерть...

- Тони!

Я вернулся в реальность, молчание иногда играло со мной злую шутку. Я отстранился от моего мышонка и стянул пижамные штаны, сплюнул на свой член и размазал по всей длине, резко вошел в него. Ноэль выгнул спину и закричал:

- Вот так! – безумие. Да.

Резкие толчки, мокрая кожа, страстные стоны, царапины на спине и привкус крови от поцелуев - все это был наш мир, и мы были счастливы в нем вдвоем.

После душа мы с Шелом все же решили выйти на пятичасовой чай. Поэтому влетевший в комнату Кот застал нас у шкафа. Шел уже был одет, а вот я красовался только джинсами, но Коту было все равно.

- Он меня достал! – Можно было не спрашивать «кто?», и так было понятно. По его сверкающим глазам и сжатым кулакам. Ноэль повернулся к разъяренному Коту и совершенно спокойно спросил:

- Что опять сделал Итон?

Кот фыркнул и шлепнулся на развороченную постель.

- Не представляете что! Он... этот чурбан неотесанный, зажал меня на балкончике, точнее, сначала он меня перекинул через плечо и притащил туда! А потом... - договорить он не успел, дверь в комнату открылась, и Кот шмыгнул за нашу с Ноэлем кровать, притих.

Итон вошел, чинно поправляя галстук, и сразу сообщил:

- Если на горизонте появится пушистый и когтистый Котенок, меня здесь нет.

На щеке дяди были следы от ногтей, он дотронулся до царапин кончиками пальцев и зашипел.

– Энтони, вот ты мне скажи как гей начинающему гею, который совращает натурала: что я делаю не так?

Я закусил губу.

– Ой, прости... я за своими амурными делами совсем забыл, что ты у нас молчаливый гей. – Он резко повернулся к тихо смеющемуся Ноэлю.

– Шел, малыш, а что ты скажешь бедному и несчастному дяде Итону?

- Вы друг друга стоите.

- Возможно и так, но ты только представь, этот Котенок меня шантажирует...

Я приоткрыл рот от восхищения. Надо же...

- Как это? – также удивился Шел.

Итон сел в кресло и положил ногу на ногу, устроил голову на спинке и мечтательно заговорил:

- Все было шикарно... мы трахнулись. Эм... ну не совсем так, как вы оба подумали, почти трахнулись. И когда моя сперма оросила его лицо... он мне с коварной улыбкой заявил, что расскажет все тебе, если я еще раз к нему подойду, и приукрасит так, что окажется - я вообще его изнасиловал. Я ему сказал, что мы как бы оба совершеннолетние, на что этот Котяра, не стесняясь, заплакал и сделал такую моську - даже меня проняло... - Итон вздохнул. – А вообще, этот его шантаж основан не на сперме, а на той информации, которую я знаю о нем...

Вот на этой ноте Кот не выдержал и поднялся с пола, зашипел:

- Рот закрой, я же предупреждал тебя!

Я увидел, как Итон ехидно улыбается.

- А я все ждал, когда ты не выдержишь и покажешь миру свой очаровательный носик, Котенок.

Кот запрыгнул на кровать и встал на колени, на его лице была написана жажда убийства.

- Я тебя урою и станцую на том месте Венский вальс!

- Фр... а ты умеешь танцевать? – не уступая ему в ехидстве и злости отпарировал Итон.

Шел прижался ко мне и, улыбаясь, смотрел на эту комедию. За этот месяц мы видели немало таких вот сцен, и непонятно было - то ли они ссорятся, то ли выясняют отношения, которых, в сущности, у них еще не было. Но один раз я застал их страстно выражающими претензии на языке жестов. Они целовались и не замечали вокруг никого. Я бы с удовольствием посмотрел на то, как Итон приручит дикого Кота или как дикий Кот сделает из Итона совершенно ручного хозяина. И то и другое забавно для окружающих.

- Умею! Меня Марс учил!

- Так тебя Марс еще и танцевать учил? А кто тебя трахаться учил?

- Тони. – Совершенно успокоившись, ответил ему Котенок. Ноэль в моих руках напрягся. Итон плавно встал с кресла и, также не спеша, подошел к кровати. Схватил Кота за волосы и прошипел:

- Вот это ты зря сказал.

- Отпусти, мужлана кусок!

- Трахаться тебя буду учить я. И только я. – Сказал и впился в раскрытые губы Кота, я схватил футболку и подтолкнул Шела к двери. Последнее, что мы увидели - как мой дядя толкнул Кота на кровать и навалился сверху. И, кстати, Кот не возмущался.

Мы не дошли до лестницы, Ноэль взял меня за руку и тихо спросил:

- Тони, а это правда?

Понять было очень легко, что он имеет в виду. Я покачал головой, нежно улыбнулся.

– Почему он так сказал тогда... хотя это, наверное, чтобы позлить и спровоцировать Итона.

Я наклонился и поцеловал своего мышонка в макушку. Из комнаты послышались стоны.

Мы с Шелом спустились на веранду и обнаружили там читающего Бетховена.

- Доброе утро. – Поздоровался Шел.

- Я бы сказал день. Но все равно добрый. – Бет отложил книгу. – У вас потрясающая библиотека, Тони. - Уже обращаясь ко мне, сказал он.

За этот месяц мы все отдохнули и восстановились. Никаких синяков и усталого вида. И сейчас на губах у Бета была мягкая улыбка.

- А где остальные? – усаживаясь в плетеное кресло, спросил его Ноэль.

- Марс уехал, часа два назад, в свою школу, оказывается, что у него так более двух десятков учеников и даже два учителя. Я спросил его, почему он скрывал от нас, что содержит школу танца... На что он ответил, что не хотел выставлять себя несостоявшимся, поэтому хотел рассказать сам только после того, как добьется положительных результатов.

- В этом весь Марс.

- Да. Но он не один скрытный... бедный Кот вон до сих пор от дяди твоего не знает чего ожидать. Что уж у него там за секреты? А Майлз составляет твоему отцу партию в гольф.

Я удивленно приподнял бровь.

– Сам был удивлен, Тони. – Пожал плечами Бет.

Я сел рядом с Ноэлем и задумался. Рей ответственный, и если не брать его прошлое в расчет, то он очень подходит на роль... а вот какую роль ему отвел отец в своей пьесе «Замани сына в кресло» - нам предстоит узнать в скором времени.

Шорт принес нам чай и канапе. Пока мы в тишине пили чай, я размышлял. Все складывалось гладко, мой отец думает, что я тут просто отсиживаюсь, и старается изо всех сил приобщить меня к делам, но видя, что у меня нет к этому интереса, подключает Рея. Возможно, что все гораздо прозаичнее, и он просто нашел партнера для гольфа, но что-то я сомневаюсь, что Рей умеет играть в гольф.

- Думаешь, что твой отец хочет подключить к уговорам Майлза? – отпивая из чашки, поинтересовался Бет.

Я достал маленький блокнот и ручку, с ними я уже не расставался и привык. Быстро написал и передал Ноэлю.

- Не думаю, что папа не понимает тщетность своих попыток.

- Да, но все мы живем в иллюзиях.

Я улыбнулся и снова написал, Шел прочел:

- Иллюзии моего отца только его заблуждения.

Бет кивнул и углубился в книгу, но через минуту молчания спросил, не отрываясь от чтения:

- Как твое горло?

- Без изменений.

Мне даже ничего писать не пришлось, Ноэль ответил сам.

- Я рад, что ты есть у него, Шел. – И Бет замолчал, и по его немного отсутствующему выражению лица можно было понять - он полностью ушел в книгу.

Мы спокойно допили чай, и я потянул Ноэля в сад. Здесь в поместье совершенно нечем было заняться. И мы гуляли по саду. Спали до полудня. И слушали ругань Кота и Итона.

Правда, была еще одна традиция – вечерний чай с родителями и парнями. Там мы обсуждали дальнейшие действия и сопротивлялись напору отца. Правда, в последнее время я все чаще ловил на себе его разочарованный взгляд.

Хотя было странно его видеть, я никогда не давал надежду на что либо, всегда говорил,

что его корпорация - это только его детище. Но он никогда меня не слушал и смотрел снисходительно, как будто говоря без слов, что я вырасту и одумаюсь. Мать всегда была на стороне отца и, конечно, преследовала свои цели. Но в последнее время и ее взгляд изменился. Ей не нравился Ноэль, и она совершенно не тактично избегала общения с ним. А так как он всегда рядом со мной, общались с матерью мы только на вечерних посиделках.

Все это не угнетало меня, а, скорее, даже веселило, но я точно знал, если бы не Шел, я бы не смог все это выдержать.

Я обнял его за плечи, и он прижался ко мне. Мы стояли на берегу озера, оно было круглым как тарелочка. В детстве я всегда играл здесь с... со своим первым другом.

Ему было нельзя находиться на открытом солнце очень долго, и потому мы всегда играли в тени деревьев около воды. Я повернул голову и посмотрел в стороны, где были детские качели. Шел тоже повернулся в ту сторону.

- О, а можно? – тихо спросил он. Я улыбнулся и повел его туда. Он, улыбаясь, сел на качели и ему пришлось немного поджать ноги, все же он был выше нас в то время, да и старше. Я немного толкнул качели.

– Это так здорово! – в шоколадных глазах был восторг, и я невольно подумал о том, что сплю с ребенком. – Обожаю качели!

А я обожаю твой смех и твои сияющие глаза.

И скорее всего, мне уже не выбраться. Я полностью увяз в чувствах к тебе. Ты - самое дорогое и значимое для меня. Моя мечта, которая осуществилась благодаря опозданию журналистки и моему воспитанию. И, кажется, я благодарен твоим родителям – за тебя. И стечению всех обстоятельств в той точке, около лифта...

Ноэль взвизгнул и спрыгнул с качелей ко мне в объятия.

- Знаешь, это так странно, как будто мы одни на целом свете...

Я не мог ответить и просто накрыл его губы своими губами. Нежно и трепетно. Показывая свои чувства именно так, потому что пока не могу сказать, как люблю его.

Но он понял и без слов.

Хорошо, что он есть у меня.

Глава 21. Серьезные разговоры.

Вечерний променад проходил в слегка нервной обстановке.

Я сидел на атласном диване голубого цвета. В этот вечер, почти два месяца спустя, мама решила воспользоваться Синей гостиной. Каждый из здесь находящихся прекрасно

осознавал, что этот вечер будет последним.

Я обвел гостиную взглядом и улыбнулся краешками губ. Бет - с непроницаемым лицом и книгой, которая занимает его внимание больше, чем наши посиделки. Майлз - нахмуренный и сосредоточенно думающий о чем-то своем, но я так предполагал, что его мысли все крутятся вокруг предложения моего отца. Да, вчера я слышал их разговор, и он меня удивил немного. Марс мило беседовал с моей матерью, хотя я видел в ее светлых глазах, что она лишь терпит, не более.

Я перевел взгляд на Итона и Кота. Да, именно так. Они сидели на двухместном диванчике и... смотрели в разные стороны. Это было так смешно, что я невольно снова, как много раз, прикусил себе язык. Мой дядя смотрел на обивку стен и находил ее очень занимательной, конечно, шелковые обои - модно и дорого. Кот же смотрел на картину моего прапрадеда, тоже серьезное занятие, правда, время от времени их пальцы соприкасались и тут же отдергивались их владельцами.

Это было так забавно.

Пока в гостиной было тихо, но как только Шорт внес бокалы с коньяком и чай для матери, она повернулась к нам с Шелом с очень серьезным взглядом.

- Энтони, нам с отцом нужно поговорить с тобой очень серьезно.

Я перевел на нее взгляд и кивнул.

Странно было то, что, даже зная, что я не могу говорить, она ждала от меня ответа, за два месяца они с отцом так и не привыкли к тому, что я не могу говорить.

- Тони, мы с Эли понимаем всю тщетность наших попыток... - начал отец. - Мы надеялись, что за эти месяцы ты приобщишься к дому. - Он сделал паузу. - Снова.

- Но мы поняли, что ты уже не наш маленький Тони. - Продолжила мама. Я услышал хмык Итона.

- Мы отпускаем тебя.

Все это сработало бы на Энтони Максвелле, но я хранил в себе еще и Миража. Да, я уже не он, но характер, стерженность, апломб - все еще были во мне от него. Я не был их сыном очень давно, и если они сейчас хотят чего-то добиться своими словами, то опоздали лет так на пятнадцать. А может и больше, намного больше.

Я смотрел спокойно на тех людей, что дали мне жизнь, я ничего не чувствовал. Достал блокнот и написал несколько строчек, протянул Итону.

Он удивленно приподнял бровь, но пробежав по строчкам, ухмыльнулся:

- Я и раньше знал, что вы оба во мне разочаровались, и не нужно было ломать комедию

о воссоединении семьи. Я прекрасно знаю, что вы преследуете только свои цели, не нужно думать, что я остался настолько наивным к тридцати годам. Я говорил тебе, отец, – ищи преемника - вижу, ты воспользовался моим советом.

Итон перевел дух и серьезно взглянул на Майлза. Рей вскинул голову, в его глазах была просьба о помощи. Я кивнул Итону.

– Но Рея я тебе не отдам.

Майлз вскочил с дивана и кинулся ко мне, упал на пол около нас с Ноэлем и часто-часто затарахтел:

- Спасибо, я уже не знал, как к тебе прийти и как рассказать обо всем, я не хочу занимать твое место, ты единственный, кто должен обладать этим чертовым креслом. Я пытался объяснить это Джареду, но он уверен, что ты никогда не согласишься, а я идеально подхожу. Тони... - последнее он просто провыл и уткнулся в сложенные руки на моих коленях.

- И почему у тебя вечно все вот так, Джаред? Заставляешь детей работать на себя... очень нехорошо. – Проговорил дядя, поблескивая глазами.

- Я так понимаю, что ты, сын, опять даешь мне от ворот поворот?

Я кивнул.

– Если честно, то я бы хотел сделать своим преемником Рея, но вижу, что и тут ничего путного не выйдет. – Немного скривил губы отец, Майлз не обращал на него внимания, все также сидел у меня в ногах.

– Что ж, тогда у меня есть кардинальное решение... - он повернулся к Итону, тот сначала округлил глаза, а потом засмеялся в голос.

- Джаред, ты, что с ума сошел?

- Я серьезно, Итон.

- Я не смогу управлять твоей гидрой! – воскликнул Итон.

- Сначала будет сложно, но я не брошу тебя на произвол судьбы.

Дядя фыркнул.

- Ты не понимаешь, что предлагаешь, я не тот человек, кто обожает рутинную работу. Боюсь, что Максвелл-корпорейшен окажется банкротом через месяц моего правления. Да и высоты я боюсь. – С усмешкой закончил Итон свою речь. – И есть еще причина, по которой я совершенно не намерен заниматься чем-то подобным.

Мама презрительно глянула на брата и проговорила в тон взгляду:

- Можно подумать, что тебе есть чем заниматься, Итон. Целыми днями только и делаешь, что ублажаешь свои прихоти.

Я понял, что разговор как-то слишком резко перешел на личности. Я понимал, что все мы немного устали друг от друга и постоянное соседство с моими парнями выводит моих родителей, но они сами пригласили нас в свой дом, а вот теперь делают вид, словно мы самовольно заняли территорию. Это смешно.

Я протянул руку за блокнотом, дядя отдал мне его, и я быстро написал, передал обратно.

- Ты уверен, Тони? – прочитав, спросил меня он, я кивнул. – Мы занимаемся с Итоном тем, что считаем делом нашей жизни, и если бы ты, отец, интересовался больше нашими делами – был бы удивлен. Парни, собирайте вещи, мы переезжаем на ранчо.

Мама удивленно округлила глаза.

- На ранчо? Но, дорогой, там же даже спать негде... было. – Она посмотрела на нас с дядей и театрально приложила ладошку к губам. – Но откуда средства?

- Средства на что? – задал отец свой вопрос почти одновременно с ней.

- Средства... - задумчиво начал Итон. – Сначала это был капитал, который заработал Тони на своем творчестве. Но это вам же неинтересно, вы считаете дело всей его жизни всего лишь увлечением, пусть так. Но сейчас средства идут от инвесторов и спонсоров. Мы с Тони и ребятами решили построить настоящий дом для приютских детей, сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались, и именно под эту идею была отдана принадлежащая мне земля ранчо, Эли.

В комнате стало тихо, мои ребята были в курсе, мы совсем недавно посвятили их в это, но они решили, что пойдут со мной, куда бы я ни пошел и чем бы ни занялся. Мои родители сидели с удивлением в глазах, причем у обоих оно было разного рода.

Если отец был удивлен вообще, что я имею способности к руководству и могу сделать что-то подобное, то мама удивлялась тому, что я решил сделать это вместе с Итоном.

- Почему именно приют? – шокированно переспросила она.

- Потому что Вы в своем светлом домике и со своими пожертвованиями совершенно не знаете, как живут приютские дети. – Немного грубо проговорил Кот. – Вы не знаете, на что способны взрослые, когда мы не можем постоять за себя.

- Вы не представляете, что приходится переживать нам. – Тихо проговорил Шел. – Я сейчас говорю не только о физической боли. Ее можно пережить, ведь она утихнет со временем и сотрется из памяти. Я говорю о моральной стороне вопроса...

- То, что врезается в душу и даже с годами не исчезает, а остается тлеть. – Подхватил Рей.

Я запустил руку в его волосы и погладил.

- Тони для нас стал светочем. Солнцем. – Бет отложил книгу и посмотрел на присутствующих в гостиной. – Он вытащил нас из такой ямы, что Вам, мадам Максвелл, и не снилось.

- Мы обязаны ему всем. – Закончил Марс.

Мои родители сидели, не понимая, что только что произошло. Они не были плохими людьми, нет, они просто не понимали многое. И не хотели понимать.

- Прекрасно. – Вдруг немного дрожащим голосом выдавила моя мама. – Но перед тем, как мы окончательно разорвем отношения...

- Элеонора! – рыкнул отец.

- Что? Ты что не видишь, что он никогда не был нам родным, что он всегда избегал нас, он не будет наследником... - мама снова театрально приложила платочек к уголку глаза.

- Это не значит, что мы отказываемся от своей плоти и крови, Эли. – Строго проговорил отец. Мама недоуменно посмотрела на него.

– Тони, послушай, да, мы были неправы в своем решении, мы хотели, чтобы ты возглавил компанию, но если ты действительно решил заняться таким делом... - он смотрел мне в глаза, а я кивнул. – Я, как твой отец, могу лишь поддержать тебя. Финансовые вложения в пожертвования в какие-то сомнительные дела - это одно, а вот помочь сыну - это совсем другое.

Я знал, в глубине души он против, но в то же время удивлен нашим с дядей размахом.

- Тогда обговорим детали нашего сотрудничества, а потом мы с ребятами отбудем в наш личный рай. – Потер руки Итон, я улыбнулся.

- Перед тем как уехать, я бы хотела, чтобы Тони осмотрел доктор. – Твердо сказала мама, поднялась и ушла из гостиной.

Я не сопротивлялся и не остановил ее, хотя, возможно, она и ждала этого. Прости, мама, я слишком вырос для этого.

- Кстати, Джаред, а почему бы вам не завести еще одного ребенка, м? – ухмыляясь и стискивая Кота в объятиях, спросил дядя.

Отец в ужасе перевел на него взгляд:

- Тебя не было в доме, когда Эли ходила беременная... это же катастрофа!

Все рассмеялись, а я прижал к себе Ноэля и вдохнул лимонный аромат его волос.

Теперь этот запах ассоциируется у меня с надежностью.

Мы сели с Шелом в машину, ребята уехали вперед, чтобы подготовить все к нашему приезду. Отец был немного хмурый, потому что абсолютно не знал, чего ждать от этой поездки. Они с Итоном очень поздно вчера разошлись, все обсуждали вложения и какие-то еще вопросы. Я не участвовал в их дискуссиях, я собирал парней.

За два месяца на ранчо немного было построено, но, как сказал Итон, есть, где остановиться. Парни загорелись и отбыли еще вечером.

Кот шепнул мне, что у него ко мне серьезный разговор и по прибытию на ранчо он хотел бы поговорить наедине. Я согласился.

Мы выехали на трассу, папа сидел напротив и читал газету, не обращая на нас внимание. Итон разговаривал по телефону, явно с Котом, потому что настроение у него менялось каждую минуту, то он улыбался, то хмурился, а то сыпал ядом.

Я наклонился к Шелу и хрипло проговорил:

- Люблю тебя.

Он застыл, потом обернулся ко мне весь сразу, карие глаза засверкали, и он, не веря, прошептал:

- Повтори.

Я кашлянул и снова сипло и пока неуверенно проговорил:

- Люблю тебя.

- Тони... - он обнял меня, потом отстранился и, сверкая глазами, с придыханием сообщил:

- И я тебя люблю.

- Я так хотел тебе это сказать...

Мы не замечали ошарашенных взглядов отца и Итона, нам сейчас было только до самих себя и до слов. Слов, которые я так мечтал шептать ему в ночи, кричать при свете дня, те слова, которые он говорил один. А я боялся, что уже не смогу сказать.

- Тони, ну наконец-то. – Вздохнул дядя. Отец лишь улыбнулся и ничего не сказал.

Мы подъехали к каменному забору, отец даже не смог скрыть своего удивления.

- И когда ты успел обнести землю, Итон?

- Деньги могут сделать многое, Джаред, тебе ли не знать... - со смешком ответил дядя.

- Конечно, но я, если честно, удивлен, что ты решил отдать под приют наследство.

- О, ну, не делай вид, что не знаешь, в каком оно, это наследство, было состоянии...

- Знаю. Вот и удивляюсь.

Мы проехали ворота, и нам открылся вид на стройплощадку. Если честно, я не ожидал того, что открылось перед нами. Подъездная дорога вела к еще недостроенному зданию в форме перевернутой буквы «Н».

- Это главное здание. – Начал экскурсию Итон, я видел это все только на макете, но живую - ни разу. – Слева мы хотим сделать конюшни, за зданием - футбольное поле и площадки для игр. В самом здании - бассейн и столовая. На самом деле, если бы мы были ограничены в средствах, то всего этого великолепия не было бы.

- Мы же хотели еще сделать музыкальный класс. – Сипло проговорил я, такое длинное предложение далось мне с трудом, и я поморщился. Ноэль тут же подал мне теплую воду.

- Да, это не обсуждается даже, главное здание довольно большое, и на первом этаже вместе со столовой будет и музыкальный класс. – Улыбнулся дядя. Отец смотрел на все это с каким-то скепсисом, а потом вдруг спросил:

- А где, собственно, вы будете брать детей? Ведь это такая волокита и столько бумаг нужно оформлять.

- На самом деле, оформить приют не так сложно, опять же, если есть связи... а у меня они есть. Но у нас с Тони с самого начало была и другая задумка...

- Итон. – Перебил я его, он понимающе кивнул. Отец не стал задавать вопросы, но посмотрел на нас как-то задумчиво.

Мы подъехали к главному зданию и вышли из машины, к нам тут же подошли рабочие и мои ребята.

- Тони, ты не представляешь, тут такой размах! – Рей был в восторге.

- Я о таком даже не мечтал! – улыбаясь, обнял меня Марс. – Так много места, конюшня и футбольное поле!

- Парни, это только в проекте все, но я думаю, что за полгода - год справимся, так ведь, Митч? – обратился Итон к парню в джинсовом комбинезоне, я так понял, главному при строительстве. Митч улыбнулся и кивнул, странно пристально смотря на меня.

- Мираж? – не удержался он.

- Да. Очень приятно познакомиться.

Мои парни переглянулись и вдруг как заорут:

- Мираж!

И все бросились ко мне обниматься, отеснив Шела, который просто улыбался, а в шоколадных глазах с золотыми искорками было счастье.

- Ну, все-все. – Прошептал я.

- Еще не совсем восстановился, не перетруждай голос, Тони. – Строго сказал мне Бет.

Я за эти два месяца так привык быть с ними еще ближе, что вот эти часы разлуки стали невыносимы. Раньше мы были двадцать четыре часа в сутки рядом, но умудрились скрывать свою личную жизнь, теперь у нас почти не осталась тайн. Не считая Кота.

Он отошел от меня последний, и по его взгляду я понял, что он жаждет мне что-то рассказать.

- Подожди меня у конюшен. – Тихо прошептал он мне, я кивнул.

Подошел к Шелу и также тихо попросил:

- Отвлеки Итона, я должен поговорить с Котом. – Он тоже понимающе кивнул и отошел к дяде и отцу.

Я подошел к загону, ограда была обновлена и покрашена белой краской. Но в воздухе скорее пахло деревом и травой.

Умиротворяющая атмосфера, зеленые деревья за загонем и запах опилок, я улыбнулся и облокотился на ограду.

Голос вернулся так внезапно... Я помню минуты, которые считал перед его потерей, я точно знал, что последняя песня с флейтой будет его концом. Но возвращения не ожидал... Два месяца молчания, безмолвия, счастья.

Возможно, я слишком расслабился и совершенно не хотел думать о делах в объятиях Ноэля. Ну, кто в своем уме будет думать о каких-то там делах с таким лакомым мальчиком в постели? Теперь нас закрутят дела, так много нужно сделать. Я хочу купить дом и продать

студию. Еще нужно разобраться с будущими питомцами приюта и всеми бумагами...

Послышались тихие шаги, и Кот прислонился спиной к ограде будущих конюшен.

- Мне нужно было с тобой поговорить, в твоём доме ты всегда был в обществе Шела, да и не мог я сложить все в слова... - нервно дергая рукав куртки начал он. – И мне проще, когда ты можешь ответить мне... Тони...

- Что случилось, Котенок? – прошептал я, он вскинул голову и как-то несчастно улыбнулся.

- Я сам себя загнал в ловушку, Тони. Думал, Итон испугается моего прошлого, отступит. А он еще больше прилип, нет, я сейчас, по прошествии двух месяцев, могу сказать, что рад... Очень рад, что он не отвернулся и стал, наоборот, еще настойчивей. Но у меня действительно есть тайна... не такая, как у Марса или Бета с его наркотиками.

Я притянул его к себе и попросил:

- Расскажи мне.

- Я бы не хотел, чтобы вы знали об этом.

- Итон знает?

- Да, и он сказал, точнее, проорал, что его мое прошлое не волнует, но я сам не могу спокойно смотреть ему в глаза, мне все время кажется – отвернется, бросит. – Он вжался в мое плечо. – Я убил.

Меня не шокировало его признание, я не стал думать о нем как-то иначе, он был для меня всегда только Котенком. Маленьким, с зелеными глазами, да, в этих глазах всегда была настороженность и боль, но он нежный. Убийца? Не верю.

- Расскажи. – Я гладил его по плечам и зарывал пальцы в волосы, а он судорожно вздохнул и тихо начал говорить, слова лились отрывисто, судорожно, больно.

- Мне было десять, я просто очень испугался, и когда она... надо сказать, кто она... я старался все эти годы просто выкинуть ее из головы, она была нашей воспитательницей и всегда относилась к нам по-доброму, я даже предположить не мог, что она за человек вне приюта. В основном, она издевалась над малолетними девочками, но я был ее любимчиком, она... не знаю, как это называется, что это, но она была больной и срывалась в свое безумие, как только в поле ее зрения попадали острые предметы. Я испугался тогда. У нее были такие страшные глаза, и этот нож... я схватил его первый, мне просто повезло. Или нет, не знаю, но меня в тот день попросили отнести ей какие-то вещи, я уже не помню, и я, придя в ее дом, увидел то, что не должен был видеть никто. И я испугался и убил ее, она сама виновата... Тони... - его начало трясти, а я обнял его крепче.

- Тереза Малком, сорок пять лет, старая дева, лесбиянка, садистка. – Услышали мы

спокойный голос Итона. – После ее убийства в подвале ее дома было найдено десять замученных девочек от десяти до четырнадцати. Вильям Грегори был обвинен в непреднамеренном убийстве, но так как не достиг совершеннолетнего возраста, был отправлен в колонию для несовершеннолетних, где провел два года, был выпущен за примерное поведение, и за него был внесен залог братом Терезы Малком. После этого ты стал Котом и так и не научился обращаться с острыми предметами.

Кот вжался в меня сильнее, я же смотрел на Итона: в его взгляде не было призрания или ненависти, он смотрел с болью. На мальчишку, который, похоже, забрал его сердце.

- Кот? – я оторвал его от себя и тихо проговорил. - Ты для меня навсегда именно тот, кого я встретил на улице. Мальчишка с красным носом от холода и гитарой наперевес. С самыми честными зелеными глазами в мире. Слышишь?

- Да. – Он не плакал, но был на грани слез, я отошел, и Итон обнял его, Кот вцепился в его рубашку.

– И не смей называть меня Вильям!

- Не буду, Котенок мой...

Я их оставил у будущей конюшни и ушел в еще недостроенный дом для детей, где не будет этого ужаса и подобного ему, я обещаю.

Глава 22. Просто день.

За эти недели я часто наблюдал эту картину: Итон обнимает Кота, Кот спит на Итоне, Итон целует Кота и так далее. После того разговора, около будущих конюшен, ничего не изменилось, правда, Кот стал намного больше улыбаться. И часто можно было застать дядю, задумчиво смотрящего вдаль.

Вот и сейчас.

- Итон, ты меня пугаешь, – тихо проговорил я, голос вернулся, но говорить громко я пока не мог.

- Чем же? – поворачиваясь и смотря на меня, спросил он.

- Ты такой задумчивый, что мне становится страшно...

- Хочешь узнать, о чем я думаю? – ухмыльнулся он и протянул мне руку. Я подошел ближе и встал, облакачиваясь на деревянный парапет. Во дворе шло строительство, и рабочие сновали туда-сюда. Митч без рубашки, в одних джинсах, что-то объяснял Майлзу, активно жестикулируя руками и сверкая улыбкой на загорелом лице.

- Хочу. – Он вздохнул.

- Я, кажется, влюбился, Тони.

- Могу даже предположить в кого...

Дядя хохотнул.

– Что тебя беспокоит?

- Он прелестный мальчик. – Итон запрокинул голову к небу и улыбнулся шире. – Страстный, игривый, но я чувствую, что каждый раз, когда мы обедаем или ужинаем и он видит острые предметы... - Итон стал серьезным. - Кот закрывается. И даже когда это обычный нож для писем или ручка - его лицо становится непроницаемым, я прекрасно понимаю - это на психологическом уровне, но на него больно смотреть. – Он повернулся ко мне. – Ты не замечал за ним чего-нибудь странного, Тони?

Я приподнял вопросительно бровь.

- Я хотел спросить, как он раньше со всем этим справлялся в одиночестве?

- Музыкай.

Итон закусил губу.

– Я серьезно, Итон, ты не должен ограничивать его... Он привык к свободе, так же как все мы...

- Я не собирался его ограничивать, я хочу помочь.

- Далеко вы продвинулись в ваших отношениях?

- Если честно, то нет. – Серьезно ответил мне дядя, на террасу вышел Шел, подошел к нам и уткнулся лицом мне в плечо, обнимая за талию. Я накрыл его ручки у себя на поясе.

- Почему?

Присутствие моего малыша Итона не стесняло, и он спокойно ответил:

- В таких отношениях либо быстро, либо очень медленно...

Ноэль фыркнул.

- Это кодекс Максвеллов?

- Нет, просто дядя не знает, с какого бока подойти к проблеме. – Ответил я на вопрос.

- Знаю, я же, в отличие от вас, взрослый и опытный. – Он скривился от своих же слов.

- Старый. – Заключил насмешливо Ноэль. Я повернулся и обнял его, привлекая ближе, за последние недели так привык к нему, что не могу без его тепла.

- Малолетка. – Парировал Итон, почти показывая язык.

- Вернемся к нашей проблеме. Я, почему-то, был полностью уверен, что у вас уже был секс.

Со двора раздался громкий смех, мы обернулись. Митч и Рей носились по двору и поливали друг друга из шланга для газона.

– Ничего себе...

- Ты не замечал раньше? – хмыкнул Ноэль.

- Нет. Я, кажется, слишком отвлекся от своей роли отца, нужно обязательно поговорить с Котом и Реем.

- Митч неплохой парень и ухаживает за Реем так романтично.

Итон фыркнул и оттолкнулся от поручня, поймал в объятия Кота.

- Привет.

Я заметил румянец на щеках Котика.

- Как съездил?

- Прекрасно, бумаги на аренду подписали, и нам осталось только забрать вещи и перевезти их сюда. – Кот попытался отойти от дяди, но тот держал крепко.

– Итон! – возмущенно.

Дядя, не отпуская его, вернулся обратно к нам и запустил руку в длинные локоны своего парня. На самом деле я видел, что Коту нравится, и сопротивляется, язвит и хамит он только по одной причине – не хочет сдаваться слишком быстро.

- Марс завтра должен будет съездить и начать оформление бумаг на приют? – тихо спросил я, не отрывая взгляда от Рея. На самом деле я совершенно не ожидал, что он заинтересуется парнем, тем более таким парнем, как Митч. Это все мое влияние, как высказался Марс. А они все продолжали играть, как дети, поливая друг друга и веселя окружающих, я облизал губы и повернулся к лукаво смотрящему на меня Ноэлю.

- Наверное, лучше это сделать мне или тебе, Тони, могут возникнуть вопросы, на которые Марс не сможет дать корректный ответ.

Я, не отводя взгляда от шоколадных глаз моего мальчика, тихо ответил:

- Тогда лучше, если это будешь ты, все же я более публичный человек, и мои пафосные речи никого не вдохновят.

- Земля все равно наша. Будет несложно оформить ее как приют... - точно так же смотря только в глаза своего Кота, проговорил Итон. – Проблемы могут возникнуть в другом.

- В перекупке?

- Тони, перекупать всех детей не получится, нужно действовать тоньше.

- Вы снова залезли в эти дебри.

Шел медленно облизал нижнюю губу, я прикрыл глаза и замороженно смотрел на его манипуляции сквозь ресницы. Яркое солнце играло в волосах и отражалось золотыми искорками в шоколадных озерах.

– Приют еще не построен и не оформлен, вот когда это все случится, у нас не будет возможности побыть наедине...

- Малыш прав. – Хрипло проговорил Итон.

- Митч! Пусти!

Я снова перевел взгляд на парней внизу. Митч подхватил Рея и закинул себе на плечо, понес в дом.

Главный корпус был уже почти достроен, осталось сделать только внутреннюю отделку - и можно завозить мебель. Которую мы с ребятами уже выбрали по каталогам. Что странно, но в этом нам даже помогала мама, хотя большинство ее идей отверг Итон. Ориентировались в основном на простоту и добротность, и обстановка комнат будет оформлена также по половому признаку.

Снизу раздался топот и потом чуть дальше визг Рея:

- Митчелл! – звуки борьбы и тишина. Вот об этом я и говорил, они совершенно разные, но однажды ранним утром, увидев Рея умывающегося у умывальника с довольными блестящими глазами, я понял, что разные они только в восприятии мира и в отношении к людям, во всем остальном прекрасно уживаются и совершенно гармонируют.

– Ммм... варвар...

Гармония.

Я улыбнулся и накрыл губы моего мышонка. Он раскрылся сразу, отдаваясь мне в руки, прижимаясь и запуская тонкие пальцы под рубашку.

- Да, пожалуй, работать начнем попозже... - высказал общую мысль Итон.

Шел оторвался от меня и потянул за руку на лестницу, которую сделали только вчера. В доме еще пахло древесиной и краской, но это уже был наш дом. Я не представлял, как смогу уехать отсюда, и уже присматривал домик поблизости, хотел перевезти его на земли ранчо. Хочу жить здесь вместе с ребятами...

- У меня для тебя сюрприз. – Улыбаясь, прошептал Ноэль.

- Обожаю сюрпризы. – Он тянул меня к будущему бассейну, и когда я оторвался от его улыбки, то обнаружил, что на меня смотрят другие карие глаза.

- Терри!

Он обнял меня.

– Не ожидал.

- Я знаю, мне Шел позвонил и рассказал, где вы теперь базируетесь. Вот, решил приехать.

Я обнял его. За эти месяцы нам не удалось даже поговорить, хотя это была полностью моя инициатива. Говорить я не мог, а видеть в его глазах то, что я видел тогда, два месяца назад, не хотел. Сейчас он смотрел на меня как обычно, без жалости и сострадания, которые, по большому счету, унижали меня.

– Как ты? – искренне поинтересовался он, я заметил, что Шел оставил нас одних.

- Прекрасно.

- Рад, что голос вернулся.

- Ты один?

- Да. Дан занят сегодня вместе с Бисквитом на интервью. Лоф и Лис на записи сингла... а я решил вырваться и, наконец, увидеть твою миражью морду.

Я рассмеялся.

– Это было не очень честно с твоей стороны, спрятаться в родных пенатах и носа не показывать.

- Хотел отдохнуть, вот и спрятался.

Мы прошли на будущее футбольное поле и сели прямо на траву, Терри облокотился на мое плечо и тихо проговорил:

- Нам удалось заткнуть моего сводного брата.

Я нахмурился.

- Я думал, что он уже давно канул в Лету.

- Появлялся периодически, портил мне настроение перед концертами... один раз даже сорвал. Даниэль предлагал единственный верный способ его успокоить, я долго сопротивлялся. А неделю назад он просто позвонил и, как в первый раз, начал угрожать, Дани не выдержал и назначил ему встречу. Они с Маком ездили. Уж не знаю и знать не хочу, что они с ним сделали, но вот уже неделю - ни звонков, ни каких-либо угроз.

- С одной стороны - неплохой пиар. А вот с другой - я бы тоже на месте Даниэля не выдержал.

- Вы похожи с ним.

- Да неужели ты заметил? – я рассмеялся.

- Давно. – Он отсел от меня и повернулся, сверкая глазами. – Я пока вас с Шелом ждал, такую сцену видел... У вас тут курорт геев?

- Не совсем, мы строим свое будущее.

Терри нахмурился.

- Ты больше не хочешь заниматься музыкой?

- Такой большой простой - ничего хорошего для карьеры не сулит, Змей. Тебе ли не знать... а мы еще и перед моей потерей почти полгода, из-за травмы Кота, не могли полноценно играть и делать записи. Возвращение будет не совсем то, чего ждут наши фанаты. И полноценного шоу я уже сделать не смогу, так что на карьере музыканта и певца можно поставить крест.

- А ребята? – грустно спросил он.

- Я предлагал им выбрать, они выбрали меня и мои идеалы.

Он улыбнулся и запустил руку в свои красные волосы.

- Это здорово. – На его губах появилась ехидная улыбка. – А что вы делаете здесь, сливаетесь с природой?

- Почти, я пока не скажу.

- Покажешь владения?

- Конечно.

Мы прогулялись до реки, потом обошли все постройки, Терри был в восторге и предположил, что я строю притон, но увидев конюшню и вспомнив поле, он сделал правильные выводы.

- Приют?

Мы стояли на крыльце, я впервые закурил сигарету, пока никто из моих мальчишек не видит.

- Да. – Просто ответил я.

- Это сложное дело, но мне кажется, что ты справишься с тем, что задумал. Да и интересно же, что получится.

- Мне самому интересно, что из этого всего выйдет, но, знаешь, Итон взялся всерьез, и я не хочу его подводить.

- Могу подключить Мака, он поможет с юридической подоплекой.

- Змей, у меня полно адвокатов и юристов, я хочу сделать это сам.

- Иногда забываю, с кем разговариваю, Мираж.

Мы улыбнулись друг другу. Было уютно и спокойно.

Я всегда себя ощущал с Терри Грантом уютно, даже зная, что не нравился ему поначалу, все равно он меня завораживал.

- Тони! – воскликнул Шел и вышел к нам, отнял у меня сигарету. – Тебе нельзя! Я все расскажу Итону!

- Ух, как строго! Мираж, твою свободу ограничивают?

Я притянул к себе Ноэля и, нежно улыбаясь, ответил:

- Да. И мне это безумно нравится. – Я не врал, я действительно стал спокойнее относиться к проявлению заботы. Стал нежнее, но в то же время жестче, и точно могу сказать, что моему мальчику это нравится. Все наши эксперименты и долгие прелюдии, все его попытки наставлять меня на путь истинный и скромные, застенчивые улыбки по утрам.

- И мне, но то, что ты куришь - это ужасно. Пожалей горло.

- Хорошо, мышонок.

- Смотря на вас, я соскучился по объятиям моего Факела. – И как только он это проговорил, его мобильник заиграл голосом Лофа. – Да, любимый?

Я подхватил Шела на руки и внес в дом, он обхватил меня руками за шею и блаженно вздохнул.

- Скоро здесь не будет так тихо по ночам... Да и днем...

- Давай проведем этот вечер немного по-другому? – тихо прошептал я ему на ухо.

- Как?

Здесь в коридорчике был полумрак, но даже в тусклом свете я видел, как горят его глаза.

- Сейчас я провожу Терри, а ты подожди меня на террасе.

Он кивнул, а я накрыл его губы.

На самом деле это плагиат, я позавчера видел, как Митч устроил это для Рея, ну, а сегодня я позаимствую эту идею для нашего вечера.

Я поставил его на пол и подтолкнул к лестнице. Пошел провожать Змея к его любимому Факелу. Терри уже был около машины и только повесил трубку.

- Ты только не рассчитывай спрятаться тут от меня. Я все равно заеду на следующей неделе, и будь добр, начни разговаривать нормально, я хочу еще услышать твои песни, Энтони. – Совершенно серьезно проговорил он. Я обнял его и поцеловал в щеку.

– Мираж...

- Я скучал по тебе и обязательно еще спою для тебя, но сначала моя песня будет для него... - я отстранился от Терри и показал рукой на террасу, Ноэль улыбался и махал нам рукой.

- Он совершенно тебя не ревнует?

- Он мне доверяет.

- Потрясающий мальчишка...

- Совершенство.

После того, как машина Терри скрылась, я поднялся на второй этаж, предварительно

заглянув в вагончик, где находилась кухня. Расстелил посреди комнаты клетчатую скатерть и поставил ведро со льдом и бутылку шампанского, фрукты. Зажег свечи, включил плеер на полную громкость, сделав галочку в голове привезти, наконец, магнитола.

Поднялся на террасу. Шел стоял ко входу лицом и, как только я зашел, призывно улыбнулся и наигранно-капризно осведомился:

- Где ты был так долго? И что это за поцелуйчики со Змеем?

Я фыркнул.

- Прощальный поцелуй в щеку, а вот где я был - неважно, главное, где будем мы.

- И где же?

- Пойдем. – Я подал ему руку, и он вложил в нее свою ладонь. Маленькая, тонкая, хрупкая... родная.

Мы спустились, и я ввел его в комнату, Шел застыл на пороге.

- Тони...

- Я подумал, что в столь романтическом месте мы могли бы немного позволить себе расслабиться и выпить по бокалу перед сном.

- Надеюсь, что спать мы сегодня поедем в отель? – со смешком спросил он, усаживаясь прямо на край скатерти. Я сел рядом.

- Ты хочешь в отель? – открывая бутылку, спросил я.

- Хочу в мягкую кровать с тобой или лучше под тебя... - прошептал он мне в плечо.

- Хорошо, поедем.

- Тони, ты думаешь, эту затею с приютом действительно возможно осуществить?

- Трудности будут в любом случае, но мы уже сейчас, на данной стадии строительства, делаем первые шаги к легализации.

Я передал ему бокал, и он сделал глоток, немного поморщился.

- А вы с Итоном уже думали над названием? – я непонимающе повернулся к нему.

- Название?

Он засмеялся.

- Да, у каждого приюта есть название.

Я оставил бокал и взял вишню, положил ее ему в ротик.

- Хм... пока, наверное, рано, хотя оформление бумаг уже на носу... Что ты думаешь о «Черном ирисе»? – Шел недоуменно приподнял на меня лицо, а потом на его губах расцвела улыбка.

- Я подумал о «Миражах», но «Черный ирис» звучит здорово.

Я накрыл эти улыбающиеся губы, ласково провел языком и нырнул в горячий, терпкий от ягоды ротик.

Ноэль отдался тут же, не сопротивляясь и не споря о том, что место неподходящее, работы еще не закончены, что двери в помещении еще нет... просто расслабился и приоткрыл рот чуть сильнее.

Я повалил его на пол и накрыл собой.

- Давно мечтал стонать вместе с тобой, мышонок. – Оторвался я на секунду от его потрясающей кожи. Приподнял футболку и прошелся губами по ключицам к соскам, обвел языком каждый, провел влажную дорожку быстрыми поцелуями по плоскому животику.

- Ммммах... Тони. – Хрипло простонал Ноэль.

Я немного резко сдернул с него джинсы и дернул за бедра вверх, захватил член моего малыша в плен своего рта. Одновременно с этим проскользнул пальцами в его дырочку, Шела выгнуло. Я ласкал его немного грубо, но, судя по реакции, он получал удовольствие.

- Будет лучше, если ты попрыгаешь на мне, мышонок. – Я легко приподнял его на себя и расстегнул молнию на джинсах, высвободил возбуждение, Шел облизнулся и наклонился, поцеловал мою головку, прошелся язычком, обильно смачивая ее слюной. И оседлал мои бедра, принимая в себя мой член. Мы вскрикнули одновременно, несдержанно.

Он двигался как сумасшедший, извивался и стонал на одной ноте, покусывая губы. Я обнял его, привлекая к себе ближе, и накрыл красные губки. Провел руками по спине к ягодицам, сжал половинки, раздвинул.

- Мой мышонок!

Он укусил меня за шею, зализал укус. Я не выдержал первым и кончил в его горячее, прелестное тело. Через несколько минут подтолкнул его выше и снова вобрал в рот его возбуждение. Он смотрел на меня, но не видел, в глазах моего Шела был восторг и счастье. В миг, когда он кончил, его глаза закатились, и я успел поймать его и не позволил упасть на пол, привстал и прижал к себе самое любимое существо на свете.

- Я люблю тебя, Тони. Это было так здорово, обожаю спонтанный секс.

Я тихо рассмеялся и накрыл его губы.

Глава 23. Мираж.

- Добрый вечер, Мираж. – Брюнетка села на соседний стул и улыбнулась, немного нервно и сдержанно поправила локон волос, я смотрел спокойно, сегодня моя визави не опоздала. – Или мне сейчас лучше называть Вас – мсье Максвелл?

- Наша с Вами встреча состоялась лишь потому, что это нужно мне. И от того, как Вы будете обращаться - ничего не изменится. Но в данном случае вполне будет уместно «мистер Максвелл».

Она улыбнулась.

- Я рада, что голос к Вам вернулся, мистер Максвелл, и Вы опять можете поставить меня на место лишь одной фразой.

- И я рад.

Она снова немного нервно поправила волосы и, наконец, достала блокнот и диктофон.

- Мистер Максвелл, мой первый вопрос, как Вы понимаете, будет касаться вашей дальнейшей карьеры... Я кивнул и отпил глоток из чашки. Чай был вкусный, что приносило некое удовлетворение.

– Возможно ли вообще, хотя бы в теории, что Вы вернетесь на сцену?

- Нет. Группы «L'igis noir» больше не существует, так же как и Миража.

- Ваши парни будут строить сольную карьеру?

- Скорее всего - нет, но они уже взрослые мальчики и решать будут сами.

Она улыбнулась. Вздохнула и открыла блокнот на следующей странице.

- Мистер Максвелл, Ваш последний концерт произвел эффект бомбы. В тот момент, когда голос Миража стих, зрители также затихли. Я бы хотела спросить: что Вы почувствовали, увидев это шокированное море?

Я ожидал этого вопроса и прикрыл глаза, отставил чашку.

- Страх. – Честно ответил я, смотря в ее удивленные глаза.

- Страх?

- Да, мне стало страшно. Впервые в жизни я понял, что собственная карьера, собственные мечты, собственное желание – мне не принадлежат. И мне стало страшно.

- Как давно вернулся голос, мистер Максвелл?

- Полгода назад.

Она улыбнулась.

- Чем Вы сейчас намерены заниматься? Продолжите дело своего отца? Может быть, начнете продюсерскую карьеру?

- Нет. Дело моего отца – это только его дело. И не делайте такое лицо, мне доподлинно известно, что журналистская братия порылась в этой корзине с грязным бельем и прекрасно знает, что наши отношения с отцом далеки от идеальных.

Она кашлянула.

- А как насчет продюсерской деятельности?

- Продюсерская деятельность, как Вы выражаетесь, меня тоже мало волнует, я понимаю, что шоу-бизнес с замиранием сердца ждет моего возвращения. Но этого не случится. Моя карьера как солиста – закончена, и начинать вращаться в кругах, которые мне омерзительны, я не намерен. И больше скажу: возвращаться и переступать иллюзорный порог - я не собираюсь вообще.

- Это шокирующая новость, потому что Вы правы - многие ждут, что Вы вернетесь и начнете хоть как-то контактировать с этой гидрой. – Она снова перевернула листок, а я немного сменил позу в кресле. – Так, а чем же Вы намерены заняться, ведь наверняка у Вас появилось много свободного времени?

- Миранда, я иногда смотрю на Вас и удивляюсь, какая Вы прекрасная актриса.

Она улыбнулась.

– Смена работы пошла Вам на пользу.

Снова кокетливый взгляд.

– Скажите мне честно: Вы знаете, чем я занимаюсь?

- Не совсем. Удалось узнать мало, и я была бы благодарна за достоверную информацию. И наши читатели были бы тоже...

Я рассмеялся.

– Ну, Тони... - она надула губки.

- Все, прекрати. – Я отклонился на спинку кресла и снова взял чашку, сделал глоток. – Я занимаюсь строительством, точнее, мы с моим дядей почти закончили строительство приюта для детей. В наши планы входит также полное среднее образование и музыкальные

открытия. Дети в нашем приюте будут обеспечены всем, включая тепло родительского дома.

Она смотрела на меня во все глаза.

- Мистер Максвелл, Вы серьезно?

- Да. Я собираюсь перевернуть ту гранитную плиту несправедливости, наглости, бесчестия и предательства по отношению к невинным детям.

Миранда нажала на кнопку диктофона.

- Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты не меценат. Ты - Мираж! Циник и грубиян, музыкант, который собирал миллионы на стадионах! Ты принимаешь, ладно, принимал, наркотики! Ты одним своим видом рисуешь картину о своем прошлом! Даже надев костюм от Armani и рубашку слоновой кости от Tom Klaim – ты остаешься Миражом.

- Миранда, девочка моя сладкая, я прекрасно осознаю всю подоплеку этого интервью, но оно мне необходимо.

Она нахмурилась.

- Ну, мистер Максвелл, тогда расскажите мне, как Вы собираетесь повернуть это дело...

- Вот это - другой разговор, а то разволновалась... Итак. – Я показал рукой на диктофон.

Она закусила губу и нажала на кнопку.

- Все основное мы уже сделали: зарегистрировались как официальное учреждение, проводим собеседования с преподавателями и воспитателями. Делаем внутренний ремонт и закупаем оборудование. Работа кипит, и пока на данной фазе мне не хватает рекламы.

- Рекламы?

- Не совсем так выразился... Уйти просто так мне никто не даст, обязательно будут преследовать твои коллеги, Миранда, кстати, что и происходит последние полгода. В такой обстановке мы совершенно не можем посвятить себя новому делу, уйти с головой в то, что мы считаем нужным. И мне необходимо это интервью для того, чтобы все остальные, прочитав его, оставили нас в покое.

- Этого не случится. – Серьезно проговорила она. – Ты же понимаешь, правда?

Мы как-то и не заметили, что ушли от официального интервью.

- Понимаю, но ажиотаж спадет, и мы сможем заниматься делом.

- Расскажите, мистер Максвелл, как пришла эта странная идея с приютом?

Я улыбнулся.

Миранда всегда была акулой с пятью рядами острых зубов. Мой выбор пал на нее, хотя Итон был против. Она прекрасно знает свое дело и напишет статью именно такой, какая нужна мне.

Я рассказывал о своих ребятах, не вороша прошлое и не раскрывая подробности, я делился с ней своими идеями, очень тонко прослеживая причины и последствия. Были темы, которых мы вообще не касались, но Миранда была бы не собой, если бы последний, за два часа, вопрос не был таким:

- Мистер Максвелл, нашим читателям, несомненно, будет интересно узнать: свободно ли Ваше сердце?

- Нет. – Нежно улыбаясь, ответил я; чувствовалась усталость, и голова начинала гудеть от постоянных вопросов, но я был готов и к этому.

- И кто же это счастливица?

И почему весь бомонд считает, что я интересуюсь женщинами? Я ухмыльнулся, мой мобильник на столе завибрировал.

- Минутку. – Проговорил я, беря трубку.

- Тони, вы еще не закончили?

- Нет, мышонок. – Ответил я. Самый дорогой и нежный, не избранник, а любимый, не просто занявший в моем сердце свободное место, а вытеснивший из него всех и с комфортом там устроившийся – в комочек, мягкий и пушистый.

- О, а мы с Итоном как раз за бумагами последними ездили и вот решили тебя забрать. Ты скоро? – он никогда меня не обвинял, ни в чем. Я показал ему мечту и не смог отпустить в нее, а он просто принял то что есть, мой Шел.

- Минут пятнадцать еще. Скажи Итону, пусть купит тебе шоколадку...

Послышался смех и ворчание дяди.

- Мы тебя ждем. – Чмок в динамик и гудки, я положил трубку обратно на стол и посмотрел на Миранду.

- Знаешь, если бы я тебя не знала, если бы все эти годы не следила за твоей карьерой и публичной жизнью, то сейчас могла бы с уверенностью сказать, что ты влюблен.

- Не для статьи, Мира.

Она кивнула.

– Я влюблен.

Она улыбнулась.

- Так кто он? Хотя подожди, дай угадаю... Это маленькая хрупкая флейта по имени Шел. – Ее глаза засверкали.

- Возможно, Миранда.

- Мираж в своем репертуаре. – Она вздохнула. - Ты никогда не изменишься и, надев его маску один раз - свыкся с ней и почти сроднился, но знаешь, сейчас в тебе есть нечто другое. Дополнение, что ли...

- Это уже философские беседы. Я надеюсь увидеть статью раньше печати, Миранда, и хочу предупредить - за искажение фактов и моих признаний – ты снова лишишься работы, и твой дорогой супруг тебе не поможет. – Я встал и разгладил невидимые складки на своем костюме.

- Мы в разводе. – Хмыкнула она. – Так что если мне понадобится помощь, приду к тебе, Тони.

- Обращайся.

Я вышел из комнаты, предоставленной нам в качестве уединения администратором ресторана, и направился к выходу.

Машина Итона стояла прямо у входа, и я, только открыв стеклянные двери, понял причину такой близости. Тут была толпа. Черт бы побрал поклонников и их жажду кумирского кусочка.

- Мираж! Мираж! – Увидев меня, всколыхнулась толпа. Я улыбнулся нескольким мыльницам и двинулся к машине.

Задняя дверь открылась, и я аккуратно сел, пристегнулся.

- Итон, гони.

Ноэль перебрался на заднее сиденье и прижался ко мне, вспышки продолжались.

- Интересно, когда они оставят нас в покое? – тихо спросил он, я прижал его к себе и уткнулся в пахнущие лимоном волосы.

- Никогда, пока слава не пройдет и пока фанаты не вырастут. – Ответил на его вопрос Итон. – Как прошло? – обратился он уже ко мне.

- Нормально, она же прекрасно знала, на что идет, соглашаясь на мою просьбу.

- Посмотрим, что выйдет из этой идеи, Тони. – Серьезно проговорил Итон. – А сейчас у нас для тебя сюрприз.

- Сюрприз? – я недоуменно приподнял бровь и встретился с веселым взглядом дяди в зеркале заднего вида.

Ноэль хмыкнул и немного отстранился, взял мое лицо в ладони и накрыл губы. Я мягко перехватил инициативу и запустил руки в его волосы. За полгода они отросли, и он стал иногда дома собирать их в маленький хвостик. Я обожал эти чуть жестковатые пряди с ароматом лимона и моего любимого манго. Губы под моим напором раскрылись сильнее, и я юркнул в его горячий рот языком. Мягко и нежно, но в то же время властно.

Машина притормозила перед нашей бывшей студией и проехала немного вперед, Итон повернул на подъездную аллею к студии «Baiser».

Я оторвался от сладкого податливого рта и в удивлении увидел, как на крыльцо выбегает Кот. Итон застонал и вышел из машины, мы последовали за ним. Кот влетел в объятия моего дяди и запыхтел:

- Ты должен был мне позвонить, как только вы забрали Тони!

Итон обнял его сильнее и немного подхватил под ягодицы, развернулся и впечатал тонкое тело Котика в капот, впился в губы.

- Я забыл, Котенок. – Сквозь поцелуй проговорил он. Кот обвил его талию ногами и руками шею.

- У тебя всегда одно и то же оправдание, Итон! – проворчал он, мы с Шелом решили им не мешать, и я потянул его в студию, но он почему-то немного упирался.

– Ой, Тони, подожди! – вскрикнул Кот, попытался вырваться из объятий Итона. – Да отпусти!

Итон рассмеялся и подхватил его поудобнее, понес к нам.

– Там еще не все готово!

- Да что происходит? – серьезно спросил я.

- Сюрприз! – в один голос ответили они, я пожал плечами, мы устроились на крыльце, я посадил Ноэля к себе на колени и прикурил.

- Бросить тебе надо. – Вдруг сказал Ноэль.

- Мы все бросим курить, Шел, когда откроется приют. – Назидательно проговорил

Итон.

- Бросим, а сейчас я хочу насладиться последней сигаретой в моей жизни. Кстати, как там очередная кандидатка на роль воспитателя?

- Великолепно, я ее даже не пробивал, она оказалась просто кладом! – воскликнул дядя, отрываясь от шеи урчащего Кота. – У мадам Тревер музыкальное образование по классу фортепьяно, педагогическое, и у нее были рекомендации от последней хозяйки, она проработала восемь лет няней. Последнее, что меня убедило взять ее – она твоя поклонница, Шел.

Я рассмеялся, мой мальчик округлил глаза.

- Этот факт, видимо, был решающим? – съязвил он.

- Нет, решающим было то, что она одинокая и предана своему делу, то есть детям.

- Это прекрасно. Значит, нам осталось найти нескольких человек, на должность учителя физкультуры... и, собственно, директора.

- Ты все же решил не делать этого сам?

- Хм... это будет не по закону, да и мне легче управлять из тени, а заниматься музыкой с ребятами.

- Бумажная волокита все равно стороной тебя не обойдет, Тони. И будешь ты, как твой отец... - сказав это, Итон вдруг повернулся ко мне и, серьезно смотря в глаза, прошептал:

- Прости.

- Ничего. Я понимаю, что взвалить на тебя еще и это было бы совершенно несправедливо, так что разберусь и Рея подключу.

Кот и Шел захихикали.

– Что?

- Митчел будет против такой эксплуатации своего малыша. – Фыркнул Кот.

За эти полгода они с Итоном стали намного ближе, но все равно иногда я слышу его ворчание или как Итон судорожно курит на балкончике главного здания нашего приюта. Они все еще спорят, кто будет сверху, и все еще не могут прийти к согласию, Итон иногда не выдерживает и срывается, а через несколько дней всеобщего хождения по струнке и сопения Кота, он сам приходит мириться. У них странные отношения, странные по той причине, что через призму своих я не могу понять их точки зрения, их нерешительности.

У нас с Ноэлем нет таких проблем, он полностью раскрылся и доверяет мне, полностью

дарит мне себя. Без остатка.

Людам со стороны может показаться странной наша идиллия, но те, кто окружает нас, понимают, что мы любим. И иногда я вижу лукавый взгляд Терри или ехидный Даниэля, но и они понимают меня.

От мыслей меня отвлек нежный поцелуй и Лоф, высунувший носик на улицу.

- О! И давно вы здесь?

- С пол часа, Марио. – Ответил я, Лоф нахмурился и открыл дверь шире.

- Ладно, проходите. – Величественно разрешил он. Мы встали и прошли в здание студии, в обычно светлом холле было темно, я почувствовал легкий толчок в спину и мои пальцы облизали. Марс стал огромным псом, но все так же обожал мои руки.

Вдруг свет включился и со всех сторон прокричали:

- С днем рождения, Мираж!

Я в шоке осознал лишь одну прискорбную вещь. За всеми делами и разрешениями насущных проблем я забыл о своем дне рождения.

Я рассмеялся.

Ко мне на шею прыгнул Терри и надел мне на голову заячьи уши.

- С днем рождения, Тони! – прошептал он.

- Спасибо.

- Ну, признайся, что забыл об этом прекрасном дне? – ехидно осведомился Дан.

- Забыл, Стоун, я уже слишком стар, чтобы помнить о своем дне рождения. Но спасибо, что не стал противиться и надел эту замечательную шапочку.

Он фыркнул.

- Меня заставили.

Я огляделся, здесь даже был Ворон.

- Воробей, тебя какими судьбами занесло?

Мы пожали друг другу руки, после нашего, почти провального, концерта, Ворон встал на прямую к вершине, теперь он почти такой же популярный как «Baiser», и были мы.

- Я бы ни за что бы не пропустил пьянку в твою честь!

Заиграла музыка, и мне подали бокал шампанского. Я приподнял бровь, Мак ухмыльнулся:

- Тридцать один, мой юный друг, это тебе не тридцать! Поздравляю!

- Спасибо, Мак, надеюсь, на свои сорок с лишним ты меня пригласишь? Хочу потанцевать на твоих косточках.

Мы рассмеялись.

И я был счастлив в этот момент. Мне не нужны никакие приемы и торжества в стиле Леди Максвелл, мне не нужны росчерки в чековой книжке вместо подарка от отца. Мне достаточно вот этого – громкой музыки и улыбок моих друзей.

Я поймал взгляд шоколадных глаз и, покачиваясь в такт музыке, подплыл к Ноэлю, отобрал у него бокал и обхватил за талию.

- Ты знал об этом?

- Да, они взяли с меня честное слово, что я не расскажу тебе. – Он улыбнулся и придвинулся к самому моему уху, прошептал. – Ты потрясающе сегодня выглядишь.

- Мой мышонок приготовил мне подарок?

Шел немного покраснел и кивнул.

– Хочу его получить.

- Позже. А сейчас веселись, потому что я хочу, чтобы ты получил удовольствие от праздника. – И с этими словами он отошел от меня, и его тут же перехватил Марс, уводя в танце.

Я не ревновал, сам не знаю, почему. Просто я точно видел - он мой.

Вечер был в самом разгаре, когда завибрировал мой мобильник, я прошел на кухню и прикрыл дверь.

- Да?

- С днем рождения, сын. – Спокойно проговорил отец.

- Спасибо, папа.

- Как у вас там дела, как Рей?

Было немного странно слышать его голос, собственно, за полгода он первый раз

позвонил мне. У них с Реем были какие-то дела, но я точно мог сказать, что только деловые, и Рей остается холоден к отцу и его предложению. Да и Митч не позволит своему парню работать в стеклянном склепе. Уж очень он свободолюбивый, и Майлз понравился ему именно схожестью характеров и манерой поведения.

- Все прекрасно, на следующей неделе будет открытие приюта.

- Я рад.

- Рей тоже в порядке, и не думаю, что ты не знаешь. Как мама?

- Хорошо. Я, собственно, и хотел поговорить с тобой о ней. Ты же помнишь, у нее день рождения в субботу?

Я не ответил, позволяя отцу догадаться самому. Уж если я забыл о своем празднике, то что говорить о дне рождении почти чужого мне человека.

— Энтони, мы хотим, чтобы ты приехал, будет небольшой вечер. И мы сообщим кое-что очень важное.

Я помолчал немного, задумался.

- Хорошо.

- В три часа дня, будь добр приехать один. — И с этими словами он положил трубку.

Я пожал плечами и отпил глоток из бокала. Сообщить кое-что важное? Странно.

Дверь в кухню открылась, и Ноэль застыл в дверях.

- Что-то случилось? — я обернулся и поймал его слегка пьяный взгляд блестящих глаз, он закусил губу и сделал ко мне шаг. Его пошатывало, я отставил бокал и притянул парня к себе.

- Ничего такого, звонил отец, поздравил меня с днем рождения и пригласил на праздник мамы.

- Мммм... понятно. — Он уткнулся мне в грудь, и тонкие пальчики собрали лацкан пиджака. — Тони, я подарок хочу подарить... - хихиканье. Я облизал губы, Ноэль был пьян, и это заводило, хотелось перекинуть его через плечо и попрощаться с парнями и Кристал.

- И какой у тебя для меня подарок, мышонок? — то, что он сделал дальше, я запомню надолго.

Шел потянул мою руку себе за спину и положил на свою ягодицу, я улыбнулся и хотел его погладить по половинке, но мои пальцы наткнулись на что-то под тонкими джинсами.

- Ты серьезно? – хрипло спросил я.

- Угу.

- Тогда нам срочно нужно выбираться из этого дома...

- Итон приготовил машину и организует нам побег, а еще он дал мне вот это... - Ноэль протянул мне ключ-карточку от номера в отеле. – И зачем-то напоил меня... странный такой...

Я подхватил его на руки и вынес в холл.

Глава 24. Подарок для Тони.

Я вынес Ноэля в холл, и к нам тут же подошел Итон.

- Надеюсь, мой подарок понравится тебе, Энтони. – С коварной улыбкой проговорил он.

Ноэль захихикал и прижался к моему плечу, потерся щекой.

- А я надеюсь, что это не то, что я думаю... - поглаживая дрожащие бедра моего мышонка, ответил я дяде. Итон кивнул.

- Сегодня праздник не только у тебя. – И с этими словами он направился в дальний темный угол, где, сверкая пьяными зелеными глазами, прятался Кот.

- Тони, что-то случилось? – у Терри были точно такие же сверкающие глаза, а вот Дан, обнимающий чуть пошатывающегося мужа, был трезв.

- Нет, Змеюка, все в порядке, я просто пойду и распакую свои подарки. А вы веселитесь, увидимся на открытии.

- Конечно! – с восторгом повиснув на шее Стоуна, ответил он.

Да, Итон постарался на славу, этот порошок был не сильно действующим афродизиак. Добавлялся исключительно в жидкости и держался всего несколько часов – делая партнера чувствительным, но не лишая его сознания.

Шел выгнул спинку.

- Тони...

- Сейчас, мой мышонок.

И хорошо, что Итон додумался напоить им только избранных, Лоф провожал нас абсолютно чистым взглядом. Представляю масштабную истерику, если бы он потерял

контроль над ситуацией. Бедный Ларсен.

Я сел в такси и назвал адрес отеля, водитель кивнул и завел мотор, плавно поехал в заданном направлении.

Ноэль немного поерзал на моих коленях и, блестя счастливыми глазами, по секрету сообщил:

- Я тебя хочу.

Я улыбнулся и обхватил его бедра, придвинул к себе, накрыл дрожащие губы. Он тихо простонал, толкаясь шелковистым язычком мне в рот и запуская руки в волосы.

Притягивая к себе, стараясь быть как можно ближе, и в то же время ерзая и постоянно шепча:

– Ты такой красивый... я как увидел тебя сегодня - и все, пропал, так хотелось подарить тебе нечто особенное, но я лучше ничего не придумал, прости.

- Ноэль, мышонок, это самый шикарный подарок. – Я легонько надавил на анальную пробку, и он начал задыхаться.

- Странное чувство, как будто это ты, но в то же время я прекрасно осознаю, что это просто игрушка. Приятно, давит.

Первый раз это произошло, когда я потерял голос, он все время старался описывать словами то, что ощущает. Сначала стеснялся и краснел, а потом вошел во вкус и теперь иногда забывается и начинает говорить об ощущениях в постели.

Машина остановилась, и я подхватил Шела на руки, пошел ко входу в маленький частный отель. Таких тут было много, всего на несколько номеров, но обслуживание было по первому классу, номера большие и оснащенные всем необходимым – мини-люксы, как называл их Итон.

Я показал парню на ресепшене карточку-ключ, и он проводил нас к номеру для особых гостей. Поклонился и сказал, что ужин подадут через час.

- Лучше через пару часов. – Улыбнулся я.

- Как пожелаете, сэр. – Снова поклон, и он, открыв нам дверь, удалился.

Я поставил на пол уже совершенно задыхающееся существо и опустился на колени, чтобы немного привести его в чувства.

Аккуратно расстегнул ширинку и обнаружил, что мой мальчик подготовился на все сто процентов – на нем не было белья.

Я обхватил губами сочащуюся головку и услышал сверху самый восхитительный звук.

- Ах, Тони!

Он снова запустил руки в мои волосы, сейчас имеющие свой натуральный цвет, мои знаменитые сине-зеленые пряди ушли вместе с именем Мираж.

Он начал двигать бедрами, пытаюсь достичь разрядки быстрее, а я немного придержал его и спустил джинсы ниже, обхватил анальную пробку и медленно заскользил ею, заставляя моего мальчика замереть.

А потом начать неистово двигаться, ловя удовольствие. Он кончил и тут же упал на колени, впился мне в губы, а я щедро делился с ним его собственной спермой.

- Ноэль... подожди.

Но он не услышал, стягивая с меня и с себя одежду. Морща идеальный носик и закусывая красные губы.

- Не могу, и я, кажется, понял, для чего меня опоил Итон.

- Об этом мы поговорим позже, а сейчас я хочу свой подарок.

Он взвился и скинул джинсы, огляделся и, лукаво улыбаясь, смотря на меня завораживающим взглядом, пошел к кровати. Медленно покачивая бедрами, проводя дрожащими пальчиками по соскам, он соблазнял меня, правда, мышонку было невдомек, что я полностью в его власти. И пожелай это создание кусок луны, я бы достал.

Он дошел до кровати и, наконец, повернулся ко мне спиной, залез на нее, устроился на атласном покрывале цвета слоновой кости. Я поднялся с пола и скинул остатки одежды, было приятно смотреть на него: на плавные линии спины, на тонкие руки, которыми он раздвигал половинки и обводил пробку кончиками пальцев, дразня и себя и меня.

Я медленно подошел к кровати, опустился на ее край.

- Поиграй ею.

Он всхлипнул и облокотился на одну руку, второй мягко вытащил пробку, а потом так же медленно вставил в себя. Я облизал губы, вмиг пересохшие от возбуждения.

- Хочу тебя, хочу в себе глубоко и ярко... хочу. – Шептал мой мальчик, я смотрел, как он, задыхаясь, отбросил игрушку и повернулся ко мне. – Давай так, сейчас, прошу, я потом сделаю все, что ты пожелаешь.

- Ноэль, иди сюда.

Я лег на покрывало и подтянул дрожащее тело к себе, он оседлал мои бедра.

– Знаешь, что ты самый дорогой подарок? – тихо спросил я, плавно входя в него. Он был влажный от смазки, так что проникновение не принесло ему дискомфорта. Я бы просто не вынес, если бы он сейчас попросил меня о грубости, Ноэль как будто понимал, чего именно сейчас я желаю. Медленно приподнялся и так же медленно опустился на мой член, давая прочувствовать шелковистость его стенок. Я смотрел в переливающиеся жидким золотом карие глаза и млел от восторга.

Все чувства, что я испытывал в данную минуту, описать было нельзя. Он поражал, заводил, отдавался так естественно, и это было не из-за того, что у него богатый опыт в соблазнении, нет, он просто доверял, верил мне.

Я перехватил инициативу и подкинул бедра, придерживая его за талию, Шел прохныкал и наклонился надо мной. Высунул язычок, прошелся им по моей щеке, нежно к уголку губ. Я высунул свой, встречая его ласку. Он тут же обхватил мой язык губами и начал посасывать, играть с пирсингом, который я теперь не вытаскивал вообще, потому что мой мальчик обожает им играть.

Я продолжал проникать в него и сходить с ума от всего и сразу.

Наш секс был похож на затянувшуюся прелюдию, и не хотелось прекращать глубокие толчки в его жаждущую плоть, но я чувствовал свою кульминацию, обхватил тонкое тело Шела и опрокинул на кровать, усилил напор – вколачивая его в покрывала цвета слоновой кости. Он метался подо мной, просил о большем, всхлипывал и царапал спину.

- Дай мне. – Прошептал я. И его выгнуло, мышцы сжались, и Ноэль ухватился за мою талию ногами, и вжался в меня сильнее, прокричал:

- Да!

Я последовал за ним, накрывая его влажные красные губы.

Мы лежали после душа на великолепно-мягкой и удобной кровати.

- Было так необычно. – Тихо прошептал Ноэль.

- Что было необычно? – улыбаясь и поглаживая его влажные волосы, спросил я.

- Все тело покалывает, и я чувствую, что уже устал, но все равно хочу тебя еще.

- Так иди сюда, потому что я совершенно не против дать тебе еще...

Ноэль засмеялся и перекинул через меня ногу, я прошелся языком по всей длине его члена, по яичкам, к дырочке, обвел ее кончиком языка.

- Обожаю это. – Раздался сверху хриплый голос моего мышонка.

Я продолжал ласкать его, прошелся ладонями по нежным бедрам, выше по бокам, к сосочкам. Покружил кончиками пальцев, языком по яичкам, Шел раздвинул ноги сильнее, прогнулся в спине. Все его существо дрожало и просило большего, я мог лишь подчиниться и мягко проскользнул кончиком языка в пульсирующую дырочку. Он зашипел.

- Я, конечно, скажу спасибо Итону, но и выскажу ему все.

Я улыбнулся про себя, как только действие порошка подошло к концу, мой мальчик все проанализировал и понял. Мое восхитительное существо.

– Тони, медленней.

Я плавно выскользнул из-под него и обнял, притянул к себе.

- Мой подарок. – Прошептал я в его волосы. – Мой мышонок. Моя сексуальная флейта.

На последнем он как-то весь застыл, а потом тихо рассмеялся.

- Я люблю тебя, Энтони.

- И это взаимно, ты прекрасно знаешь.

- Знаю. А Итону все равно выскажу...

Через два часа нам принесли по-королевски сервированный ужин. Я с удовольствием выпил бокал вина и полакомился с любимых пальчиков сметанным соусом к мясу, да и самим мясом тоже. Шел придерживал кусочки губами и кормил меня. Да, мы все перемазались, но были по-настоящему счастливы в своем маленьком мирке.

Номер оказался действительно мини-люксом. Обстановка была выдержана в светло-коричневых и бежевых тонах. Особенно понравились кровать и ковер возле камина. Да, особенно пушистый ковер...

Через полчаса проснется солнце и окрасит гостиничный номер в утро. Мой мальчик крепко спал после такой насыщенной ночи, мы бы продолжили и дальше, только я видел, он устал и хочет спать. Поэтому, нежно целуя, я отнес его в ванну, сполоснул теплой водой уставшее юное тело и, также на руках, вернулся в комнату, уложил в кровать и накрыл легким одеялом. Он уснул сразу, как только его голова коснулась подушки, а я устроился рядом и наблюдал за его крепким сном.

Ноэль изменился, стал более уверенным и не боится теперь доказывать свою точку зрения. Я однажды был свидетелем его спора с поставщиками. По поводу отделки стен и пола в музыкальном классе. Какая была горячая баталия, настолько, что я после затащил его в кабинет и долго утолял свою потребность в нем. В таком жарком, страстном и невозможно нежном...

Я не чувствовал за собой, что за эти полгода сильно изменился, но была одна деталь, которой раньше я не замечал. Я стал спокойней. Моя неудовлетворенность с потерей голоса стала уходить, я теперь четко знаю, чем хочу заняться, и совершенно не чувствую себя не нужным. Ноэль делает все для того, чтобы я не ощущал себя потерянным в этом мире.

В то время как отец давит на меня именно этим.

Что они опять хотят предложить мне?

Мы вроде начали общаться на деловом уровне, даже мама признала, что я чего-то стою и у меня может получиться прекрасная обитель для обделенных детей.

Так зачем опять начинать все это?

Хотя я допускал и то, что это официальное приглашение на ее день рождения имеет совсем другой смысл.

Естественно, это касается кожаного кресла, но мы обсуждали это, и не раз, поэтому отец, а потом за ним и мама, признали меня состоявшимся взрослым человеком и решили, что я достоин свободы выбора.

Я вздохнул и дыханием взъерошил каштаново-золотые локоны моего мальчика. Он улыбнулся во сне и сонно пробормотал:

- Тони... любимый.

- Спи, мое сокровище.

Он прижался сильнее и засопел.

Я тоже прикрыл глаза, но сон не шел, хотя тело было уставшим. На столике рядом с кроватью завибрировал мой телефон, я аккуратно, чтобы не разбудить Шела, протянул руку и взял его, нажал на прием вызова.

- Да? – тихо ответил я, вставая и прикрывая Ноэля одеялом.

- Привет, вы там как? – раздался сонный голос Кота.

- Все хорошо. – Я прошел в ванную и присел на бортик. – Что-то случилось?

- Нет, я просто хотел услышать, что с тобой и Ноэлем все хорошо. Итон вчера подсыпал какую-то дурь в наши бокалы...

- Эта была не совсем дурь, Кот. Это был легкий афродизиак.

- Я уже понял это. Хотя сначала хотел его убить, покусать и исцарапать. – Он явно усмехался.

- Итон нам еще понадобится, надеюсь, он жив?

- Жив, но морально неустойчив.

Мы снова засмеялись.

– Тони, мы подарки все забрали и ждем тебя дома.

- Точно, сегодня же дом перевозят, я и забыл.

- Не рвитесь сюда, мы все сделаем, уж Итон точно. Ему придется отрабатывать мой стресс. – Снова смешок и уже совсем тихо. – Мы переспали.

- На самом деле я за вас рад. Я уже не знал, как вам помочь разобраться и обрести собственное счастье.

- Главное, чтобы оно было не мимолетным, правда? – с какой-то грустной ноткой спросил он.

- Это зависит от тебя.

Он вздохнул.

- Твой дядя мне нравится, но иногда он невыносимый глупец или еще хуже – заносчивый идиот.

- Это кто идиот? – раздалось сонное и приглушенное итоновское. – С кем ты там разговариваешь?

- С Тони. – Ответил ему Кот.

- Боже, иди сюда и дай им отдохнуть после бурной ночи.

Послышалась возня и потом уже в трубку:

– Приятного доброго утра, Энтони. – И гудки.

Я улыбнулся.

Мой дядя запал на Кота, но в последнее время у них, так же как и у нас, почти не было времени на личную жизнь. Может, именно поэтому Итон решился на этот шаг.

Ладно, это все не страшно, главное - чтобы они, наконец, разобрались со всем и были вместе или разбежались по разным углам. Потому что их пикировки и постоянное примирение в общедоступных местах – надоели.

Я вернулся в комнату и обнаружил взъерошенное создание в постели.

- Что-то случилось? – сонно спросил Ноэль, потирая глаза кулачками.

- Все хорошо. – Я вернулся в постель и притянул его к себе. Он был теплый и пах восхитительно-нежно. – Поспи еще, я больше никуда не уйду.

- Тони, тебе понравился мой подарок? – Он устроился у меня на груди и щекотно сопел.

- Очень, мышонок.

- Я хотел сначала обвязать себя бантом, но потом подумал, что анальная пробка лучше ленточек и еще... - он повозился и свесился с кровати, поднял свои джинсы и достал из кармана что-то маленькое. – Это только половина моего подарка, я вчера устал, так и не смог подарить, так что прости, что с опозданием. Вот. – С этими словами Ноэль протянул мне сложенный пополам листок.

Я развернул и ошарашенно смотрел на нотный лист, исписанный знаками. Аккуратный почерк Шела я узнал сразу и с улыбкой посмотрел на него.

- Напой мне.

Он тихо замурлыкал мелодию на листке.

Я закусил губу.

- С днем рождения, Энтони. – Проговорил он. – Я хотел сразу наиграть тебе ее, но видишь, как получилось. – Немного грустно.

- Спасибо, любимый, это самый лучший подарок на день рождения.

Он покраснел, а я смотрел на листок и млел от счастья.

Один человек не может быть настолько счастливым. Мое счастье было как огромный огненный шар, оно все ширилось, и я боялся, что сгорю, но когда он подался вперед и накрыл мои губы, я понял, что счастья не может быть слишком много, что оно, разделенное на двоих, дарит потрясающее тепло душе.

Я отстранился и аккуратно сложил лист, положил его рядом с выключенным телефоном на прикроватный столик.

А потом прижал к себе розовое счастье и накрыл его губы.

Он раскрылся тут же и обнял меня за шею, запутал тонкие пальчики в волосах. Тихо постанывая, я уложил его обратно на кровать, мысленно благодаря Итона за номер на двое суток.

Мы вспыхнули сразу, и он уже молил меня всем телом о проникновении, а я, не в силах

сопротивляться, давал ему себя.

Я нашарил дрожащей рукой тюбик смазки - опять же, спасибо, дядя, - и нанес на пальцы, плавно ввел в него сразу два. Понял, что зря стараюсь, и нанес смазку на член.

Напев все еще звучал в моем сознании, и его тихие стоны, при проникновении, сливались в потрясающе нежную, страстную мелодию. Я делал плавные толчки и был счастлив, счастлив оттого, что он не сопротивляется, что дарит мне себя, принимает мои ласки, отдается - и подарил мне песню своей души.

- Тони! – спинка выгнулась, и я успел поймать его и приподнять, снова насадил несопротивляющееся тело на себя, кончая глубоко в нем. Даря ему тот миг блаженства, когда мы вместе навсегда.

- Это было как-то вообще не описать... - блаженно прошептал он полчаса спустя.

- Мы с тобой сегодня дорвались друг до друга.

- Да, и впервые за столько времени делаем это, наконец, в постели. – Со смешком ответил он.

- Ничего, мышонок, потерпи, Кот напомнил мне, что сегодня перевозят дом. Так что, возможно, уже через несколько дней мы будем при собственной кровати.

- Хочу манговое покрывало и коврик бирюзового цвета, а еще давай заведем собаку... - вдруг он весь сжался и очень кротко посмотрел на меня. – Прости.

- За что? – я поцеловал его в висок. – Мы обязательно заведем собаку, только давай что-нибудь поменьше, чем у Лофа.

Он подпрыгнул на мягком матрасе и захлопал в ладоши. Он иногда такой ребенок. А за всеми этими событиями я совсем забыл, что он и есть ребенок.

Сейчас совершенно сияющий, довольный, имеющий собственный дом и получивший разрешение на питомца.

Что еще нужно для его счастья?

Думаю, только...

- Тони, я тебя люблю!

Я.

Глава 25. Семейное счастье.

Суббота подкралась незаметно. Я бы и не вспомнил об обещании отцу, со всеми перестановками, переездами, небольшим косметическим ремонтом, я закурился и забыл о

дне рождении мамы.

Утренний мелкий дождик тихо стучал свою песню по подоконнику, а в моих руках был самый нежный и теплый комочек.

- Мммм? – я прошелся кончиками пальцев по контуру лица, также нежно по ресницам, наклонился и накрыл теплые губы Ноэля.

– Тони... - промурлыкал он в поцелуе.

- Доброе утро, мышонок.

Он открыл свои затуманенные, счастливые глаза и приподнял руки, обнял меня за шею.

- Доброе. Знаешь, так приятно просыпаться с любимым в одной постели, после ночи потрясающих ласк. Я даже не ожидал, что буду чувствовать себя так завершено, так чудесно и непередаваемо... дома.

В карих глазах с золотыми искорками было ожидание, он немного боялся. Я видел.

- Я счастлив, что ты чувствуешь эти эмоции и делишься ими со мной, Ноэль. И сегодня я обещал тебе зоомагазин.

Глаза заблестели, и он закусил губу.

- А как же твое приглашение на день рождения мамы?

- Ноэль, мышонок, ты что думаешь, оно мне важнее, чем твой счастливый смех?

Он улыбнулся и потерся щекой о мое плечо.

– Вот и хорошо, а сейчас давай в душ и собираться.

Как только он скрылся в ванной комнате, я уткнулся в подушку лицом и взвыл.

Ехать в дом своего детства не хотелось, за то время, что я не сталкивался с отцом, я совершенно отвык от его тона, от постоянно плаксивых маминых причитаний, от разочарованных взглядов. Я отвык от всего, что связано с домом моего детства, я полностью вырвал их из своего сердца и не хотел возвращаться, даже имея такой благородный предлог, я все еще ждал подвоха.

День рождения моей мамы всегда был пышным, и она совершенно не стеснялась продемонстрировать свой возраст, величественно задувала свечи. Но во всем этом всегда была фальшь, как и в обществе окружающих моих родителей.

Всегда фальшивые улыбки и поздравления. Такие дни больше использовались для заключения контрактов, чем для веселья.

Даже мой день рождения делался для этого. И я не помню, чтобы на празднике были дети...

Скучно и постно.

Я не любил свой день рождения, но когда создал группу и мы начали подниматься по карьерной лестнице, я впервые понял, что такое настоящий праздник и что такое, когда рядом люди, которым ты небезразличен, и когда тебе дарят настоящий клад, в виде коробки шоколадных конфет в форме музыкальных инструментов...

Я осознал, что променял свои хоромы на манговое покрывало, а кучу незнакомых людей и их совершенно бездушные подарки - на конфеты в форме гитары. И это счастье.

Я сполз с кровати и огляделся, комната была самой большой в доме, мы ее выбрали с Шел и ребята не возражали. Только вчера закончили обустройство, и комната приняла свой законченный вид.

Я сам лично ездил за ковром и купил гардины чуть темнее, чем его бирюза, также полки и стеллажи из светлого дерева. Шел был в таком восторге, когда я сказал, что в шкафу-купе у него свои полки, и он может разложить вещи. Он порхал по комнате, расставляя разные безделушки, и сокрушенно пожаловался, что места мало. Пришлось покупать еще и отдельный стеллаж, для всякого рода статуэток, которые надарили ему Марио и Терри.

Я смотрел на обстановку и вдруг понял, на что это все похоже. Понял и тихо рассмеялся. Я - женатый человек.

Да, эта комната была похожа на жилище женатой пары. Ноэль вышел из ванной и недоуменно похлопал мокрыми ресницами:

- Что рассмешило тебя?

- Ничего, так, взрослые заморочки.

Он надул губы.

— Не делай так, иначе мы никуда не попадем.

- Ванная свободна, взрослый. — Фыркнул Шел, а я, проходя мимо него, несильно хлопнул его по ягодице.

— Тони! — не возмущенно, а, скорее, довольно воскликнул Ноэль.

Что-то на лирику потянуло, и я, уже включая воду в кабинке, прислонился лбом к запотевшему стеклу и тихо прошептал:

- Семейное счастье? – никто не ответил, но я услышал, как заработал фен в комнате, как тихо полилась мелодия из включенного Ноэлем центра, и улыбнулся. – Да.

Когда мы спустились в кухню, расположенную на первом этаже, я увидел потрясающую картину. Итон стоял со спины Кота, и они аккуратно держались руками за рукоять ножа для хлеба. Вдвоем.

- Смотри, Котенок, это несложно, если ты откроешь глаза, он тебя не укусит.

- Главное, чтобы никто этого не увидел. – Тихо проговорил Кот.

- Главное, чтобы ты поборол свою фобию и мог спокойно брать в руки режущие предметы. – Не согласился дядя.

Я спокойно прошел в уютную кухню, а Кот даже не дернулся.

- Я сразу понял, что это Тони. – Улыбнулся он, на вопросительный хмык Итона.

- И как, интересно?

Дядя отошел от Кота и сел на высокий стул около барной стойки.

- По запаху. – Кот отложил немного подрагивающими пальцами нож и отодвинул его.

– Доброе утро, Тони, Ноэль.

- Привет. Нас сегодня, наконец, ждут нормальные бутерброды? – поддел Кота Шел.

- Это все Итон, ему позарез нужно, чтобы я научился нормально резать... - он запнулся, а я нахмурился и подал чашку кофе Ноэлю, наклонился и поцеловал Кота в щеку.

- Доброе утро, котенок, и прекрати тушеваться. Если у тебя выйдет первый бутерброд под руководством Итона – это прекрасно.

Кот фыркнул.

Мы спокойно завтракали, когда в кухню влетел Майлз, а за ним Митчел.

- Привет! – почти в один голос, и шлепнулись на свои места за столом, я смотрел, как Митч мажет тонкий тост маслом и как кормит Рея.

Это было тоже странно, Митчелл влился в наш коллектив очень легко, и по темпераменту он подходил Рею намного больше, чем Ад. И когда Рей пришел ко мне и, немного стесняясь, спросил: «Можно ли комнату в новом доме разделить с Митчеллом?» Я не задумываясь над ответом и обнял его, сказал, что в этом доме он может делать всё, что ему захочется. Счастье.

Возможно, моя семья - именно они.

Итон поймал мой взгляд и одними глазами одобрил мои мысли.

Я думал, что раньше мне не хотелось ехать к родителям, но сейчас мог откровенно признаться – это было не так.

Шел помогал мне с галстуком и поймал мой взгляд:

- Тони, не хмурься.

- Не хочу ехать туда. – Немного капризно и морща нос, ответил я.

Мы решили, что выбор щенка может затянуться, и я сразу лучше надену костюм, чтобы потом не спешить, ведь моя мать считает опоздание – моветоном. Но еще больший моветон - влететь в зал с гостями взмыленным как лошадь.

- Я понимаю, но они твои родители, и ты обязательно должен поздравить маму.

- Мой рассудительный мышонок. Поверь, им обоим абсолютно все равно на мое присутствие, просто у них какой-то важный разговор... вот и вся причина.

- А почему они Итона не пригласили? – вдруг спросил он, уже выходя на улицу.

- Хороший вопрос, но я думаю, что он бы помешал своим насмешливым выражением лица. Да и особой любви между ним и моей матерью нет и не было никогда.

Мы сели в машину, и я завел мотор, плавно выехал на дорогу. Мы решили сделать небольшой отрезок дороги более удобным и даже сделали стоянку. Сейчас тут были только три машины и внедорожник-монстр Митчелла. Я помню, мы даже все высыпали на пяточок перед главным зданием приюта, когда услышали визг Рея по поводу машины бой-френда.

А потом полночи гоняли по бездорожью, распугивая местных жителей и горланя репертуар Лофа.

- Мне странно видеть такие отношения между родственниками. – Тихо проговорил Шел. – Я, конечно, вообще не совсем понимаю, что такое семья, но...

- Разве? – улыбаясь и смотря на дорогу, спросил я.

Он притих.

А потом я почувствовал тяжесть его головы на своем плече.

- Ты для меня намного больше, чем просто семья, Тони. – Прошептал он. – Ты – музыка моего сердца.

Я тоже немного наклонил голову и потерял о мягкие волосы моего мышонка щекой.

- И ты для меня намного больше, чем просто любимый человек.

Он тихо рассмеялся.

Когда мы открыли двери зоомагазина, он тут же растерялся. Тут, кроме щенков в вольере, были все представители фауны, и мой Ноэль пошел вдоль стены с клетками грызунов, снюсая и посмеиваясь, потом потоптался возле крокодильчиков. Птицы его не очень интересовали, но огромный попугай с красным хохолком заставил удивленно округлить глаза. У клеток с непонятными животными он долго стоял и читал таблички.

Я не мешал ему, а подошел к консультанту.

- Вас что-то заинтересовало, сэр?

Надо отдать ему должное, он узнал меня, но тут же взял себя в руки и натянул профессиональную улыбку стоматолога.

- Пока нет, но я хочу узнать о щенках... нам бы что-то среднее... Ноэль?

Он подлетел ко мне, глаза горели, как звезды, и эти его золотые искорки стали такими четкими, делая глаза почти нереальными.

– Тебе что-то приглянулось?

Он кивнул и сжал мои пальцы.

- Можно? – и тонкая рука потянула меня к небольшой клетке, консультант пошел следом.

В ней были мелкие обезьянки, назвать их обезьянами у меня не повернулся бы язык.

- О, это - *Sebuella rugtaea* (карликовая игрушка), редкое, недавно привезли.

Я посмотрел на Шела.

Он не отводил глаз от клетки, щеки порозовели, пальцы, которыми он дотронулся до тонких прутьев, немного дрожали.

- Лоф тебя не простит, ты же сказал ему, что хочешь собаку.

- Я назову ее Марио. – С придыханием ответил он мне.

- Лофарго тебя не простит, лучше назови ее по-другому.

Он улыбнулся.

- Правда?

- Если ты хочешь обезьянку за несколько тысяч евро, я не могу возразить.

Он еще больше смутился.

– Я не для этого назвал вслух ее цену. Я только боюсь, что она слишком маленькая, Ноэль, потеряется.

- Эм... сэр, для этого у нас продается целая система, ее устанавливают дома или в квартире, и обезьянки спокойно чувствуют себя, бегая по переходам. А потом, эти очень быстро привыкают к рукам...

Я улыбнулся, видя, как Шел внимает консультанту, а тот рассказывал, как содержать экзотику, что с ней делать, чем кормить.

Конечно, это у них незаконно, и в клетке было всего две особи, которых мы и купили, собственно, вместе с клеткой и системой, условились с мастером и отбыли.

Шел сидел в машине в обнимку с клеткой и совал между прутьев кусочки яблока.

- Спасибо, Тони. Они так восхитительны...

- Я рад, что у тебя теперь есть питомцы, я могу надеяться, что не наступлю на одного из них ночью?

Он улыбнулся, и от этой улыбки мне самому стало тепло, и я ощутил себя вот этими контрабандными мартышками, которые еще не знают, какие у их хозяина теплые руки. А я знаю, завидуйте...

Я высадил Шела с его животными около ворот, на которых красовалась надпись «Черный ирис». Я был так горд, что мы почти уже все закончили, перевезли дом, обжили, и ремонт в главном корпусе тоже закончен, остался только бассейн и проводка... и так, по мелочи.

Это было самое мое заветное желание, после Шела, конечно, сделать это старое ранчо чем-то подобным, сделать из него цветок, дом для детей.

- До вечера?

- Мыш, ты меня не жди, ладно? Я пока не знаю, чем может закончиться мой визит в родные пенаты.

- Ладно, но мы с обезьянками будем ждать тебя.

- Придумай им достойные имена, мышонок.

Он наклонился и поцеловал меня, мягко проскальзывая языком мне в рот. Обезьянки притихли. Он отстранился и улыбнулся, облизывая свои блестящие розовые губы.

Я надел солнечные очки и развернул машину, в зеркало заднего вида я видел, как к Ноэлю подошел Бетховен и хмуро осмотрел приобретение, потом улыбнулся и помог Шелу занести все за ворота.

Я подъехал к дому, снаружи было удивительно много народу. Мелкими кучками, парами разгуливали по газону гости, что было удивительно, ведь моя мать не выносит такого по отношению к своему ровному, зеленому газону.

Я поставил машину в ряд с остальными и прихватил букет лилий, который не забыл купить по пути сюда, направился по парадной лестнице в белый зал.

Мама была восхитительно прекрасна, как и должна быть любая леди в свой день рождения.

- Мама, поздравляю тебя с этим знаменательным событием. – Спокойно и улыбаясь проговорил я. Она тоже улыбнулась и тихо проговорила:

- Отец в кабинете, просил тебя подойти.

И всё. Ни «спасибо», ни «здравствуй, сын»?

Собственно, ничего другого, кроме как дань семье, я и не ожидал, она для меня мать «как бы, между прочим».

Я коротко кивнул и вышел из зала.

Создавалось впечатление, что я здесь последний раз, что вся эта роскошь - с самого первого года моего рождения - только иллюзия, подделка действительности. Я должен быть благодарен моим родителям за свое сладкое детство, я должен восхищаться красотой матери и благоговеть перед отцом.

Я остановился перед дубовой дверью и вспомнил один эпизод. Мне было семь, я играл в саду и поранился, пошел за помощью, зная, что папа в кабинете, а маму найти сложно, так как она могла быть где угодно в доме. Но мама и папа были здесь, они разговаривали на повышенных тонах. И моя мать говорила, как устала от своей жизни, как ей надоело вечно следить за мной, как она хочет отдохнуть... На следующий день меня отправили в мою первую школу для мальчиков.

Любовь к семье? Уважение?

Тогда, в таком юном возрасте, я еще не знал, что можно ненавидеть, тихо глотая слезы.

Я открыл дверь.

Первое, что бросилось в глаза, это молодой парень в сером костюме и бежевом галстуке. Отец стоял около окна, повернулся на звук.

- Энтони, рад, что ты не опоздал, мама очень волновалась... - но улыбка сразу сошла с его лица. Я ухмыльнулся и зацепил зубами пирсинг, поиграл им.

Прошел в кабинет и присел на край стола. Почтение?

- Я приехал, потому что ты меня лично позвал, папа. Ты сказал, что у тебя есть разговор, я тебя внимательно слушаю. – Я не смотрел на этого парня, я уже прекрасно представлял все, что мне хочет сказать отец. Новость?

Нет.

- Энтони, прошу, сядь в кресло.

- Зачем, мне и тут удобно. – Я заулыбался шире, когда этот парень передернул плечами. Отец лишь вздохнул.

- Хорошо. Позволь тебе представить, это Филипп Ромою, мой очень хороший друг и коллега. – Отец показал рукой на кресло около окна, там восседал, по-другому и не скажешь, старик. Он хмуро смотрел на меня, я же не среагировал на его ауру власти, сам такой, а может даже лучше.

– А этот молодой человек - его младший сын Сильвестр. Господа, мой сын Энтони. – Отец улыбнулся.

Я продолжал спокойно сидеть на столе. Младший сын, у которого наверняка даже наследства нет, отличный приемник, отец.

- Папа, ты позвал меня сегодня, чтобы познакомить с твоими друзьями? Мог бы так не утруждаться, да и у меня полно дел, знаешь, сегодня купил своему мальчику отличных контрабандных обезьянок, редких и дорогих. Хотел провести прекрасный вечер с ними наедине...

- Тони!

Я видел, как с каждым моим словом лица этих «друзей» вытягивались, у старика даже задергался глаз, а вот парень покраснел.

- Что, папа? Ты думаешь, раз я не участвую в твоей хваленой жизни, то ничего не понимаю?.. Могу тебе сказать, что все прекрасно понял. – Я встал со стола, повернулся к

старику Филиппу.

– Мистер Ромою, поздравляю Вас с хорошим вложением денег, но не забывайте, даже если я не занимаюсь делами своего отца, я не позволю Вам захватить мое состояние. Сильвестр, смотри, чтобы кресло моего отца не вскружило тебе голову, ты молод и мог бы сделать свое личное имя, не зависеть от своего старика...

Я посмотрел на них и покачал головой, направился к двери, мне не было совершенно никакого дела до них, я, почему-то, был уверен, что мой отец уговорит этого Филиппа подписать договор. Пусть.

Они не остановили меня, не окликнули, и я свободно спустился обратно в зал. Потанцевал с мамой один танец, выслушал ее домыслы о моей личной жизни и карьере в частности, и с облегчением оказался на своем любимом балкончике.

Все детство я верил, что меня любят, юность - я заблуждался, и сейчас я окончательно понял, что недостоин даже уважения.

Почему?

Я никогда не смогу ответить себе на этот вопрос, может они бы смогли мне ответить, но мои родители подчас совершенно забывают о том, что я их сын.

Я поставил так и не тронутый бокал шампанского на каменное ограждение балкончика и вышел из своего укрытия - чтобы столкнуться нос к носу с Сильвестром.

Он отпрянул и, не сказав ни слова, быстро покинул место столкновения, я ухмыльнулся.

А может, и нет, может ему самое место в стеклянной клетке?

У самого выхода меня поймал отец:

- Тони, пойми, это самое верное решение.

- Я понимаю, и совершенно не злюсь на тебя.

- Я не лишу тебя наследства, просто я устал, мне нужен преемник, я обещал твоей матери, что мы отдохнем...

- Я все понимаю.

- Тони?

- Пап, что ты хочешь от меня услышать? Что я доволен твоим выбором? Я доволен, главное, чтобы ты был им доволен, и чтобы потом не говорил мне, что это моя вина в том, что дело всей твоей жизни летит в пропасть! Я уже давно сказал – мы партнеры и больше ничего. – Я понизил голос, потому что на нас начали оборачиваться гости. - Ты вложил

приличную сумму в мое детище, я благодарен и только. Это был знак благотворительности, и мы оговаривали это вместе с Итоном. Я думаю, что и дальнейшие наши отношения будут строиться по этой схеме. А теперь меня ждет мой любимый человек и две обезьянки...

Я аккуратно убрал пальцы с моего предплечья и спустился с лестницы. Семья?

Я влетел в дом, даже толком не закрыв машину, поднялся по лестнице и распахнул дверь нашей комнаты. Он стоял на коленях, клетка с питомцами на кровати, он что-то ворковал. Как только открылась дверь, Шел подскочил и кинулся ко мне:

- Тони, что случилось? Ты бледный, давай, садись. Тони?

Я сгреб его в объятия и уткнулся в пахнущие лимоном волосы.

Он обнял меня за плечи и устроился в объятиях.

- Я люблю тебя. – Тихо прошептал я.

Чувствовал я себя в этот момент как последний вампир.

- И я тебя тоже, очень. А еще, я назвал их Марио и Терри.

Я рассмеялся и накрыл его улыбающиеся губы своими губами.

Ничего больше не надо.

Глава 26. Дом Черного Ириса.

- Вы уверены, мсье Максвелл?

Я ухмыльнулся, смотря на этого, по сути, мелкого чиновника поверх солнечных очков.

– Вы понимаете, это бизнес...

- Нет, не понимаю и понимать не хочу. Здесь список, состоящий из сорока фамилий или имен. – Я придвинул к нему несколько листов со столбиками. – В Ваших интересах принять мое предложение, иначе я пойду выше, и Вам это, конечно, не понравится. Более того, я не шучу...

- Я понимаю, что Ваш отец заинтересован, но...

- Причем тут мой отец, Вы видите его здесь? Нет? Значит, он тут вообще ни при чем. И даже если бы мой отец заинтересовался Вашей мелкой персоной, он бы прислал сюда не меня, а своего секретаря, а тот перепоручил бы это дело своему помощнику... продолжать список бессмысленно, так как он заканчивается помощником помощника... - я снова постучал по бумагам.

– Послушайте, я знаю о Ваших делишках все и если Вы называете это бизнесом, то я называю это преступлением против личности! – я снял очки и серьезно посмотрел на начавшего обливаться потом чиновника. – Вы видели хоть одного из этих детей?

- Нет, но...

- Вот видите, Вы даже не знаете, как они выглядят, как страдают, как хотят просто жить и иметь возможность быть ячейками общества. Я – этот шанс для них. А Вы – мне мешаете, я могу Вас просто раздавить, но предпочел уладить этот вопрос мирно.

- Мсье Максвелл, Вы не понимаете, о чем просите, ведь это структура, система... А тот, кто идет против системы – умирает.

- Вы боитесь смерти?

Он округлил глаза, вытер пот со лба замызганным платком.

– Поверьте, Вас и так уже ждет ад.

- Мсье Максвелл, я понимаю Ваше желание побыть меценатом, но...

- Поверьте, это здесь ни при чем, я просто хочу быть полезным нашему слепому обществу, хочу быть другим, не таким, как Вы, хочу свое место там, где поют ангелы, хочу быть для этих детей опорой, это не благотворительность, это смелость. А Вы - трус.

Он прикрыл глаза и протянул руку к спискам.

- Я делаю это лишь для безопасности моей семьи. – Прошептал он.

Я встал с неудобного кресла.

- И в следующий раз думайте об этом же, думайте о том, как Ваша маленькая дочка будет спокойной ходить в школу, думая, что ее папочка - святой. И еще... - я остановился у двери. – Поменяйте кресло, в нем невозможно сидеть, в следующий раз - я хочу кофе и удобное кресло.

С этими словами я захлопнул дверь в кабинет этой крысы.

Спустился на первый этаж и сел в машину, Итон тут же притянул меня к себе.

- Говорил же, что этот урод не поможет. – Серьезно проговорил он.

- Вообще-то, он помог, только дело не в этом, я чувствую себя так, как будто искупался в бассейне с помоями.

- Он взял списки? – повернулся с переднего сидения Кот.

- Взял.

- Ты угрожал ему?

Я уткнулся в плечо Итона и буркнул:

- Немного.

- Надеюсь, что это не выйдет нам никаким боком... - прошептал Кот.

- Не должно, он - как крыса - первый побежит с корабля. Итон, почему ты не мог поговорить с ним сам?

- Этот урод меня знает как облупленного, я часто с ним сталкивался, роя информацию.

- Понятно. Сначала он решил, что я клиент.

Кот резко повернулся и уставился на меня огромными зелеными глазами.

- Так он еще и клиентов тут принимает, под самым носом социальной службы? Потрясающе... - дядя вздохнул. – Так, все, на сегодня стрессов хватит, поехали домой.

- Нужно подготовиться к встрече с журналистами, так что стрессы только начинаются. – Кивнул я.

Мысли в голове были похожи на хоровод матерных слов. Я и представить себе не мог, что все продажи детей проходят именно тут, что у них действительно система.

Итон говорил, что надавить не получится, потому что теплое местечко достаточно быстро разжижает мозг, и начинает казаться, что ты неуязвим. Этот чиновник был не главным, но занимался именно поиском «товара», получал деньги и уже после этого искал, по своей личной базе, подходящие кандидатуры. Ведь детей иногда брали и в довольно шикарные условия, но все равно на рабском положении.

За время строительства «Черного ириса» Итон рыл носом землю, но достал именно то, что нам было нужно. Сложность заключалась в другом - в финансовой подоплеке нашего плана.

Всех скупить или перекупить было сложно, но, узнавая списки, мы могли переводить детей бесплатно. С первыми десятью мы так и поступили, и тревогу забила наша крыска, ведь товар ушел туда, откуда достать его не получится, так как мы нечто новое и совершенно непознанное.

Я откинулся на сидение и улыбнулся милому фото на моем дисплее, мой мышонок нервничал и звонил.

- Ответишь? – немного насмешливо спросил Итон.

- Да, мышонок? – ответил я, нажимая на дисплей и не отводя говорящего взгляда от дяди.

Он лишь хмыкнул.

- Тони, как прошло? – взволнованно, и наверняка закусывая губу, спросил мой любимый мальчик.

- Всё хорошо, Ноэль, не переживай. – Я отсел от Итона и снова облокотился на сидение, прикрыл глаза. Мне было достаточно просто слышать его, просто знать, что он волнуется обо мне.

- Когда вы будете? А то тут уже Рей и Митчелл развлекают журналистов, Бета зажали в углу спонсоры... да и я в осаде, точнее в саду. – Зачастил он.

- Ноэль, мы скоро будем, как там ребята?

- Все хорошо, они немного в шоке, но справляются быстро, комнаты понравились всем, а малышам я лично помог устроиться.

- Молодец.

- Тони, я люблю тебя. – Совсем тихо прошептал он.

- Мы скоро будем, и я первым делом поцелую тебя.

- Тони! – в один голос проворчали Итон и Кот.

Я повесил трубку и покосился на дядю.

- Итон, и когда вы перестанете играть в это?

- Тогда, когда Вильям перестанет капризничать и строить из себя обиженного ребенка. – Ответил он мне, Кот фыркнул.

- Ты требуешь от меня невозможного, Итон. – Прошипел Котёнок.

Я вздохнул, всё это уже изрядно раздражало окружающих, после моего дня рождения Кот только и делал, что провоцировал Итона, а дядя все больше припирает его к стенке.

Но несмотря на то, что произошло почти полгода назад, они остались все на той же стадии. Романтизма в их отношениях не появилось, и я так понимаю, моему дяде мешал этот факт. А вот что мешало Коту произнести три решающих слова, я не знал.

- Кот, будь уже взрослым. – Устало проговорил я. – Вы не замечаете, что всё это слишком затянулось и что игра не стоит уже всех этих усилий, что вы оба вкладываете в

каждый акт. Итон любит тебя, и я прекрасно знаю, что ты его тоже. Тогда почему бы просто не признаться в этом...

Я видел, как зеленую радужку заполнил черный зрачок, как он приоткрыл губы и уже почти произнёс слова отрицания. Но вдруг покраснел и отвернулся.

- Кот? – Итон наклонился вперед и негромко проговорил: - Люблю тебя.

Мне было интересно наблюдать за ними, я прекрасно знал, что Кот играет, он не был смущенным мальчиком, он был Котом, и я так надеялся, что дяде удастся приручить его.

Кот медленно развернулся и, смотря в его глаза, еле шевеля губами, произнес:

- Тоже.

Я прикусил губу, чтобы не засмеяться и не испортить момент, наш водитель сидел также тихо, потому что давно привык к нашим выкрутасам.

- Что-то это мало походит на признание в любви до гроба. – Фыркнул Итон.

- Хотел быть оригинальным. – Точно также фыркнул Кот.

- Вил, ты у меня уникам, но я хочу услышать...

Кот вздохнул, сверкая злыми глазами, прошипел:

- Ялюблютебяпридурка.

- Хм... четче.

Я прикрыл глаза.

- Итон Сомтоу, я люблю тебя.

- И я тебя, Вильям, люблю.

- Рrrrrr...

- Мяу. Звучит намного лучше.

- Это невыносимо, парни, вы заставляете меня страдать. – Проговорил я. – Надеюсь, теперь я не буду слышать крики и ор, а до меня будут доноситься только сладострастные стоны.

Но мне никто не ответил. Итон сильным рывком затащил Кота к нам на заднее сиденье, усадил к себе на колени и впился в губы.

Я знал, что небо не упало бы, если бы они и раньше признались друг другу, но они оба

были слишком упрямы.

Но сейчас я отвернулся от сладко постанывающего парня на коленях моего дяди.

Возможно, если бы не эта ситуация с открытием приюта и накалом страстей, Итону пришлось бы ждать дольше.

Я смотрел на пробегающие проспекты и думал о будущем.

В начале моей карьеры мне казалось, что это предел всех мечтаний – быть на сцене, дарить свой голос, получать овации и смотреть, как другие восходят на вершину музыкального олимпа и падают с него.

Позже, когда образ Миража стал неотъемлемой частью меня, я уже не наслаждался чужими победами и неудачами, я писал музыку только для себя, я творил и параллельно с этим лепил свою группу.

Еще позже - мне стало казаться, что это крах. Голос был для меня всем, я выражал эмоции при помощи тембра, я сводил с ума лишь взглядом. И когда я лишился этого, я думал, умру, как личность. Но оказалось, что под этой личностью всё еще скрывается тот парень, который плакал на качелях в саду, в день смерти единственного друга. Моя личность под маской была другой, но я не замечал, пока в мое личное пространство не вплелась мелодия флейты.

Пока он не озарил темноту своим светом. Пафосно, но по-другому невозможно, ведь именно так и есть.

Я улыбнулся проносящимся мимо афишам. Лоф и его группа были на пике популярности, Ворон со своими немцами тоже, а я нашел новый путь, новую дорогу, по которой собираюсь идти и вести за собой моих парней.

Машина остановилась у ворот, журналисты были здесь второй день - по факту мы открылись неделю назад, но нам с Итоном нужна была шумиха, и Ханна не подвела и сейчас.

Здесь были представители всех ведущих журналов и газет, я ухмыльнулся, а Итон оскалился. Мы шли к этому долго, но это того стоило, и сейчас мы покажем, чего мы добились.

Я уже хотел выйти из машины, но дядя остановил меня, поправил галстук и, смотря пристально в глаза, проговорил:

- Ты знаешь, что это только начало, ты знаешь, что мы всегда будем с тобой, и я хочу, чтобы ты знал - ты для меня самый дорогой человек, член моей семьи. – Исправился он, получив по голове от все еще сидящего на его коленях Кота. – И я хочу, чтобы сейчас ты

блистал, как в своем далеком прошлом.

- Все будет прекрасно, я обещаю.

Он отпустил меня, и я вышел из машины.

Вышел и вспомнил мое далекое прошлое, мою славу и те моменты, когда эти камеры были мне привычны.

Вспышки, вспышки, вспышки...

- Мсье Максвелл, как Вам пришла идея...

- Мсье Максвелл, как Вы планируете...

- Мсье Максвелл, что думает по этому поводу Ваш отец и как относится...

- Мсье Максвелл, почему Вы решили бросить карьеру...

- Мсье Максвелл, Вы не собираетесь возвращаться на звездный олимп...

- Мсье Максвелл, какие у Вас планы на будущее...

- Неужели Вы совершенно не скучаете по сцене...

И еще цепочка бесконечных вопросов. Я поднял руку, как в своем прошлом, успокаивая их лихорадку сенсации, и чуть властно, но тихо, проговорил:

- Господа, Вы приглашены на открытие приюта для сирот, а не на светский прием и не на личное интервью. Так что прошу в гостиную нашего общего творения под названием «Черный ирис».

Они расступились, и я приглашающе указал рукой на вход в главное здание.

Мы решили не сильно отходить от маминого вкуса и сделали холл в теплых бежевых тонах, отсюда на второй этаж вела деревянная лестница с ковровым покрытием темно-кофейного цвета, на стенах пока не было картин, Марс сказал, что можно будет устроить тут галерею детских рисунков. Мы его поддержали.

Мы, всей толпой, включая присоединившихся к нам детей и ребят, прошли в специально сделанную для таких случаев гостиную. Она была выполнена в морской тематике, но так, чтобы не раздражало глаза. Любимое место Рея и Митчела.

Журналисты расселись по голубым в полоску диванам и креслам и уставились на меня.

А я смотрел на детей. Их сейчас было всего с десяток, но зато именно отвоєванных у системы. Они смотрели настороженно и держались ближе к Бетховену и Рею. Я улыбнулся

самой маленькой девочке, ее звали Роза, ее я просто вырвал из рук ополоумевшей воспитательницы. Девочка робко слезла с дивана и меленькими шажками подошла ко мне, я присел на корточки, и она обняла меня за шею.

Вспышки, вспышки, вспышки...

Я сел в свободное кресло и устроил Розу на руках, она лишь прижалась ко мне.

- Итак, господа, отвечая на вопросы, я намерен получить от Вас помощь. Она будет заключаться в подробной и качественной рекламе. Мы - не приют и не детдом, мы - дом для детей-сирот. Именно Дом, с большой буквы. Не благотворительная организация, занимающаяся вроде бы проблемами детей-сирот, а именно помогающая им вступить во взрослую жизнь с багажом знаний и с профессией, мы будем учить, развивать, заниматься дикцией и даже этикетом.

При этих словах Итон не смог сдержать смехок, я тоже улыбнулся шире.

– В программу обучения также будет входить музыкальное образование, хореография, сольфеджио, и тех детей, кто проявит рвение в этой, и не только, области, мы будем направлять в специальные учебные заведения, с которыми подписали контракты.

- Мистер Максвелл, это все очень хорошо, и перспектива молодых дарований, описанная Вами, прекрасна. Но нам всем хотелось бы узнать нечто другое... - начала молодая рыженькая, но уже с акульей хваткой, журналистка, как только я замолчал.

- Я понимаю Ваше рвение, но я еще раз повторяюсь: мы собрались здесь по другому поводу.

- Узнаю Миража! – хохотнул мужчина на диванчике слева, я тоже ухмыльнулся. – Но, я так понимаю, хоть мы давно знакомы, Вы, мсье Максвелл, совершенно другой человек... а это интересно всем нам. Вы занялись благородным и прекрасным делом, но утолите наше любопытство, расскажите о себе хоть немного.

В этот миг дверь гостиной открылась, и в нее вошел Шел с подносом.

- Простите, задержался на кухне. – Немного смущенно, но смотря только на меня и Розу. – О, у меня уже конкуренты, а только на минутку отвлекся.

Мои ребята не выдержали и засмеялись. Журналистская братия тоже, но каждый из них не забывал шелкать, как Ноэль подошел к столику рядом с ними, поставил поднос с канапе, и устроился рядом с нами с малышкой, прямо на полу, на пушистом ковре цвета лазури. Маленькая Роза погладила его по голове, и я немного позавидовал ее детской непосредственности, но тоже украдкой запустил руку в его шелковистые волосы. Он запрокинул голову и улыбнулся нам.

За неделю мы тут все познакомились. Конечно, было трудно, и первые несколько дней ребята были очень насторожены и на контакт шли неохотно. Первый, как ни странно,

пробился Кот.

Роза не отходила от меня почти сутки, она не разговаривает, но у нее потрясающие карие глаза, почти с такими же золотистыми искорками, как у Шела. Итон даже пошутил вчера, что мы похожи на семью, а я воспринял это как-то до боли тепло.

Они все моя семья, но есть люди, которым отведено самое укромное место в моем сердце.

Журналисты задавали вопросы наперебой, я старался держать их в рамках, и моя профессиональная выдержка спасала в период самых нелепых вопросов, на которые даже Кот не мог ответить.

Когда мы проводили экскурсию по территории ранчо, на их лицах было написано только одно «Ничего себе, сколько же вбухано», но я невозмутимо игнорировал финансовый вопрос. А вот идущие рядом будущие спонсоры весьма интересовались им, на что я лишь загадочно улыбался. Наши финансы были в полном порядке, и даже вложения моего отца здесь были не причем. Я просто продал то, что было мне не нужно, самолет, например, и еще один журнал, осталась только Ханна, но и там, в основном, управляла она, это меня устраивало. И доходы были, так что волнение спонсоров я не разделял, мы сможем содержать все в первоизданном виде. Да собственно, мы это сделаем и все.

Они уезжали довольные, с очередной сенсацией, с багажом интриг и наконец-то заполучившими интервью в приватной обстановке. Я рассказал им о Ноэле, рассказал им о потере голоса, я рассказал почти все, утаивая те моменты, которые считал личными.

Я был действительно откровенен, и они приняли меня таким, с немного несвойственным мне поведением, новым, но все таким же целеустремленным и значимым.

Я не потерял ничего, только приобрел счастье - и в душе теперь все ее кусочки и нет надрыва, и только песня флейты, мелодия завершения и нового начала.

Я поднялся в комнату Розы, девочка сидела на мягком большом подоконнике и смотрела, как ребята в вечерней заре играют в футбол.

- Спать не пора, Роза? – тихо спросил я.

Она не ответила, а я невольно вспомнил себя больше семи месяцев назад. Девочка покачала головой.

- Тони? – послышалось от двери, и в комнату вошел мой любимый мальчик.

Ноэль тоже изменился, хотя не так сильно, как я. Его детскость давно ушла, и ее место заменила юношеская грация, глаза стали другие, и в них больше нет той тоски и испуга. Я рад этим переменам. Искренне рад.

Он подошел ближе, и я обнял его, с другого боку ко мне прижалась Роза, я погладил ее по белокурым волосам.

Было спокойно и не хватало только одного.

- Шел, сыграй нам. – Тихо попросил я.

- Твой подарок? – также тихо спросил он, я кивнул. – Хорошо.

Флейта в футляре лежала тут же на подоконнике, мы вчера тут занимались с Розой и несколькими желающими.

Он взял ее в свои изящные ручки и поднес к чувственным губам, и она запела песню.

Как в первый раз, только сейчас ее мелодия была завершенной, полной, моей.

Он играл ее только для меня, всем своим существом выражая свои чувства.

Я прикрыл глаза и уткнулся в его волосы, пахнущие лимоном.

Мой мальчик. Все теперь будет по-другому - лучше, качественней, реальней, и только твоя флейта для меня навсегда - оплот надежды и мечтаний.

Эпилог.

- Энтони, ты что, опять не понимаешь? – спросил меня голос матери.

- Нет, мама, я не приеду на очередной банкет по случаю... - серьезно ответил я, помешивая в миске тесто. – У меня полно других, более важных, дел.

- Я понимаю, но этот вопрос не терпит твоего отсутствия! – взвизгнула она, я даже остановил венчик. Моя мать никогда так не разговаривала.

- Мама, что случилось на сей раз? Мы не виделись и не слышались полтора года, мама! – я отставил миску и повернулся к столу, взял другую, с клубникой.

- Вот именно! И у меня для тебя прекрасная новость! – снова сменила она тон.

Я удивленно приподнял бровь и снова поставил миску на стол, в кухню вбежали Ноэль и Роза, он держал ее за ручку и что-то весело рассказывал, они тут же стянули клубнику из миски, я строго погрозил им пальцем.

- Мама, скажи, пожалуйста, все по телефону, будь добра, я не приеду. И что там может случиться такого важного? Отец, наконец, открыл глаза на своего преемника?

Она молчала.

В кухню вошел Вильям под ручку с Итоном, они тоже о чем-то разговаривали, и по нежным взглядам я сразу понял, что они обсуждают свое романтическое путешествие.

- Нет, не это. – Тихо ответила она.

- Тогда что? Только не говори мне, что вы обанкротились, я слежу за новостями, все же это мое наследство.

- Энтони, понимаешь... - замямлила она. Я выпал из реальности. Моя мама и мямлит?

- Пока нет.

- Ты скоро будешь не один у нас в семье. – Робко и с какой-то странной, затаенной нежностью, проговорила она.

- Что, прости?

- Я беременна, и у тебя скоро будет братик или сестричка. - Прошептала она.

Я заторможенно перевел взгляд на собравшихся в кухне людей, они все синхронно повернулись и посмотрели на меня.

Я помолчал еще минуту и спокойно спросил её:

- Мама, вам с отцом больше нечем было заняться?

- Конечно, дорогой, чем, собственно, заниматься в пустом доме? Не волнуйся, на крестины я приглашу весь бомонд... это будет сенсация – в семействе Максвеллов новый член!

- Лучше бы папа перевязал свой...

- Энтони, что за тон, что за манеры, ты там со своим домом "Ириса" уже потерял все величие рода Максвеллов! Я очень надеюсь, что ты приедешь и будешь рад новости, это еще секрет.

- Всё, мама. – Я положил трубку и уставился в одну точку.

- Тони, что случилось? – спросил Итон.

- Хм... у нас пополнение в семье, дядя.

Он подносил в этот момент очередную клубнику к губам Вильяма, она выпала из его онемевших пальцев. Дядя повернулся ко мне и хрипло спросил:

- Шутка?

- Не думаю. Элеонора беременна.

В кухне было тихо, а потом Итон упал на стол и заржал.

- Джаред дает! Ну, не могу, старичок!

Я, не веря, все так же стоял и смотрел в одну точку, вдруг мои глаза встретились с любимыми шоколадными озерами и я подумал: какая разница, у них своя жизнь.

А у меня своя - яркая и невозможно счастливая, со всем, чего мне так не хватало в детстве. С поцелуями по утрам, с блинчиками на завтрак, с криками и ссорами, с играми и, конечно, любовью.

Ну, а что там, в холодном поместье предков, скоро раздастся детский плач, это даже к лучшему.

Моим родителям можно всё, даже это.

А я буду жить как жил - в коконе прекрасного, счастливого мира под названием «Дом Черного Ириса», и вечерний променад мне успешно заменяет приятная и нежная мелодия флейты.

Конец.

Conversion of WMF images is not supported

Use Microsoft Word or OpenOffice to save this RTF file as HTML and convert that in calibre.

calibre 1.14.0

Не забудьте оставить свой отзыв: <http://ficbook.net/readfic/126881>

Дикий кот в моих руках.

<http://ficbook.net/readfic/333271>

Автор: Melara-sama (<http://ficbook.net/authors/Melara-sama>)

Бета: assyr_g

Фэндом: Ориджиалы

Персонажи: Итон/Кот (Вильям), Энтони(Мираж)/Ноэль(Шел), Митчел/Рей(Майлз),

Рейтинг:NC-17

Жанры:Слэш (яой), Романтика, Флафф, PWP, POV

Размер:Мини, 9 страниц

Кол-во частей:1

Статус:закончен

Описание:

Он меня с ума сводит: колется, ластится, шипит и мурлычет – он совершенство с зелеными глазами, каких я в своей жизни не имел чести видеть, но я уже теряю терпение. Ох, мой Дикий Котёнок, ты еще не знаешь, что ты делаешь со мной, но я покажу тебе... да, вот прямо сейчас!

Посвящение:

Для тебя мой дорогой, Alex))

Публикация на других ресурсах:

Только с разрешения автора :)

Примечания автора:

1. "Золото моих чувств"
2. "Чашка кофе" (можно читать как отдельную историю)
3. "Золото моих чувств. Примирение"
4. "Флейта"
5. "Танец"
6. "Да, Себастьян!"
7. "Дикий кот в моих руках"

Conversion of WMF images is not supported

Use Microsoft Word or OpenOffice to save this RTF file as HTML and convert that in calibre.

Дикий кот в моих руках

Как только Энтони покинул нашу компанию, я обернулся в поисках моего личного несговорчивого чуда.

В помещении было темно, но я разглядел блеск зеленых глаз из угла за барабанной установкой.

Ухмыльнулся. Мой небольшой сюрприз с выпивкой поможет не только Тони, но и мне. И по блестящим гневом глазам я понял, что она подействовала.

Я приблизился к темному углу и наклонился над парнем, сидящим на корточках в обнимку с бокалом шампанского:

- Котик, не хочешь уединиться? – прошептал я в макушку моему обожаемому Коту.

- Отвали, Итон. – Сквозь зубы проговорил он.

- Уверен? – я присел рядом с ним и повернул его лицо к себе, не настаивая, а медленно и стараясь не делать резких движений. Афродизиак должен заглушить инстинкты и позволить мне, наконец, насладиться его телом.

Он бежит от меня уже слишком долго, чтобы я не воспользовался таким уникальным явлением, как возбужденный Кот.

- Да. – Ярко зеленые глаза говорили совершенно другое, но он слишком напуган и упрям, чтобы согласиться в ту же секунду. Я улыбнулся и немного подался вперед, накрыл его сухие губы мимолетным поцелуем. – Итон... не надо. – Невнятно проговорил он и несильно толкнул меня в плечо.

Я улыбнулся и снова мягко поцеловал его, не давая убежать.

- Сегодня такая замечательная ночь, я могу показать тебе, как загораются звезды...

- Итон, я не романтик, мне не нужен млечный путь из спермы. – И захихикал, пьяно и немного развязно.

- Да, мой Котик, у нас будет много спермы...

- Дурак. – Его повело и мне пришлось ловить его, я упал на колени и обхватил его за талию и шею, он уткнулся мне в плечо и снова захихикал: - Напоил меня чем-то?

- Конечно.

- Я так и знал, говорил Тони - не приглашать тебя и не давать выпивку в руки.... И... Итон? – я накрыл его возбужденный член сквозь джинсы и сильно сжал.

Моё собственное желание зашкаливало без всяких добавок, я давно уже хочу его, люблю его, мечтаю о нем, он сводит меня с ума, заставляя держаться подальше. Всё время ускользая от моих рук...

- Пойдем наверх? – зашептал я ему. – Вил, пойдем, я так хочу тебя...

- Не называй меня так.

- Хорошо. – Он обхватил меня руками за шею и тихо прошептал:

- Я тебе это припомню.

- Я знаю. – Я подхватил легкое тело и аккуратно встал, его выгнуло. – Котик...

Он сам накинута на мою шею, потерся носом об ухо, я понимал, что времени мало, все же эта легкая «отрава» должна быстро потерять эффект.

Я встал и поискал глазами Мака, он недоуменно приподнял бровь, и покачал головой, но указал наверх.

Я улыбнулся и пролетел лестницу, даже не обратив внимания на возмущение Лофа.

Первая же дверь привела меня в спальню, причем я мог сказать, что это гостевая, так как она была слишком стерильной. Я уложил Кота на застеленную кровать, его снова выгнуло, и он сам резко расстегнул ремень и джинсы, тихо заскулил.

Я прикрыл дверь и защелкнул замок, чтобы нам не помешали.

С ума сводящее зрелище: Кот извивался, чтобы выскользнуть из своих джинсов, кончик языка промелькнул между розовых губ, и он снова выгнул спину.

- Итон! – я сделал шаг к кровати. – Я тебя покусаяю...

Я не слушал его, опустился на колени возле постели, и подтянул чуть на край за бедра, уткнулся в его живот лицом.

Он замер.

А потом несмело запустил мне руку в волосы, сжал.

Я снова улыбнулся и сквозь рубашку поцеловал его подтянутый живот.

Он меня действительно кусает, если я сейчас остановлюсь. Немного приспустил расстегнутые джинсы и прошелся языком по тазобедренной косточке. Наградой мне был тихий и мурлыкающий стон. Он отпустил мои волосы и резко поднялся. Я отстранился и посмотрел на него.

- Кот, давай, ты сейчас просто доверишься мне.

- А что потом? – он схватился за свой член. – Это невыносимо.

- Я могу сделать так, что тебе станет лучше...

- Естественно, ты сделаешь так, потому что кроме тебя я доверяю только Тони, но его тут уже нет. Всё продумал, да?

- Да. – Тихо ответил я и повалил его на кровать, впиваясь в губы, раздирая рубашку и одновременно с этим толкаясь в его пах.

Кот лишь раздвинул ноги и вцепился в меня, толкаясь навстречу.

- Покусаю.

- Котик мой. – С губ на вкусную шейку, пахнущую душистым мылом и тонким ароматом туалетной воды.

Я сходил с ума, я был покорен. Отзывчивый и страстный, желающий меня, млеющий от моих прикосновений.

Я обхватил его за щеки и, смотря в, уже начинающие приобретать осмысленность, глаза, прошептал: - Не отпущу тебя.

Он ничего не ответил, лишь повернул голову и облизал мою руку острым язычком.

Отстранился от него всего на секунду, скинул джемпер и снова накрыл его собой. Кот застонал громче и вывернулся из-под меня, оседлал мои бедра, фыркнул, сбросил рубашку. Я притянул его ближе, поглаживая по атласной коже.

С его волос слетела резинка, и они рассыпались, падая на плечи волнами черного шелка. Он откинул их с лица, а я закусил губу, чтобы не повалить его лицом вниз и сразу, без подготовки, ворваться в это желанное тело.

- Я знаю, Итон, что ты давно уже облизываешься на меня. – Промурлыкал он.

Я не ответил, схватил его за волосы и притянул к себе, впился в раскрытые от желания и удивления губы. Ворвался языком во влажный рот, снова подавляя его инициативу. Кот выгнул спину и застонал в поцелуе.

Сейчас, в данный момент, я позабыл обо всем, что хотел сделать, я просто перевернул нас, оказываясь сверху, и продолжал трахать его в рот своим языком.

Он не сопротивлялся, а только подкидывал бедра и мычал, хватал меня пальцам, сжимая так, что его короткие ногти вспарывали кожу. Я рычал, но продолжал ласкать его рот, вылизывать и доводить нас до исступления.

Но когда гибкое тело подо мной застыло, и он еще сильнее вцепился в меня, я понял, что мой котёнок пришел к финалу.

Я отстранился и мягко прикоснулся к его пылающей щеке губами. Повел цепочкой поцелуев по влажной коже к пульсирующей жилке на шее.

- Мой котёнок. – Прошептал я в его ухо.

- Итонякончилсебевштаны... - не разделяя, просипел он.

- И это только начало, мой котик. – Пообещал я.

Я отстранился и стянул с него джинсы, прошелся руками по икрам, к бёдрам, сильно прижимая пальцы к коже. Почти царапая нежную, бархатную поверхность бёдер.

Кот сжал кулаки. Но даже не дернулся, когда я скинул свои штаны и оседлал, на сей раз его.

- О! – удивленно раскрыл он глаза, когда я легонько, кончиками пальцев, прошелся по его спящей эрекции, и она среагировала на прикосновение. – Нет! – я обхватил его член в кольцо пальцев, но дрочить не спешил, я внимательно смотрел, как Кота ломает и как его глаза, из темно-зеленых, становятся черными. – Я припомню тебе каждую минуту моего унижения!

- Глупый котёнок, это не унижение - это ласка. – Прошептал я, немного съехал и наклонился, облизывая языком ровную розовую головку. Он приподнял голову и посмотрел на меня туманным от наслаждения взглядом. Потом резко дернулся, и мне пришлось отпустить его, я рыкнул и поймал почти скатившегося с кровати парня за лодыжку.

- Отпусти! – заорал он.

- Ага, сейчас, а потом ты будешь полночи дрочить в туалете? – я подтянул его к себе и снова накрыл собой. – Не сопротивляйся.

- Лучше уж туалет, чем в чужой постели! – его глаза все еще были туманными, с поволокой, и губы красные от поцелуев, и этот его невинный румянец. – Итон? – придушенно.

А я слетел с катушек. Впился в его плечо, мокро прошелся по ключице, обхватил губами сосок, вобрал его в рот, причмокнул, сжал зубами и оттянул горошину.

Кот снова замер, но тут же закричал от восторга, выгибаясь подо мной дугой. Я обхватил руками его попку и сжал половинки до красных следов, я точно знал, что он потом будет весь в синяках. И я буду просить прощение за свое поведение в постели, умолять его подпустить меня ближе, следить украдкой и выпрашивать невинные поцелуи, а когда моя сила воли достигнет своего потолка, он сам поцелует и тихо прошепчет:

- Итон, пожалуйста! – да, именно это.

Я терся об него, опять доводил его до грани, делал всё, чтобы он забыл, что мы вроде оба предпочитаем женщин. Хотя в этой ситуации было понятно, что это далеко не правда. Забыл, что мы в чужом доме, на чужой постели.

Я укусил его за второй сосок и точно также оттянул, немного лаская внутри языком, глядя упругую горошину, доставляя ему удовольствие. Кот запутал руки в моих волосах, сильно прижимая к своей груди, заставляя меня ласкать интенсивней, сильнее прикусывать.

Он дышал почти на вдохе, глотая вязкий воздух и пытаясь выдохнуть, но задыхался от моих манипуляций.

Я начал плавно толкаться в его пах, делая нарочито скольльзящие движения бёдрами. Касаясь его члена своим, чувствовал его шелковистую кожу, я прикрыл глаза, чтобы не видеть цветные круги.

Отстранился от сосочка и подул на чувствительную кожу, пальцы в моих волосах разжались, и Кот раскинул руки на покрывале.

- Котёнок?

- Что ты подлил в шампанское? – я ухмыльнулся.

- Не волнуйся, оно несильное, немного расслабило тебя и заставило хотеть прикосновений... - я убрал руки от его попки и прошелся кончиками пальцев по влажной груди. – Желать поцелуев. – Задел горошинку соска, она стала темной от ласки. – Мечтать, чтобы тебя ласкали.

Я медленно провел двумя пальцами по его шее к губам, он безропотно раскрыл рот, но я не спешил проникнуть пальцами в его теплое нутро. Опасно.

Кот ухмыльнулся и повернул ко мне голову, с тихим рыком осведомился:

- Страшно? – я тихо рассмеялся и немного наклонился к нему, и облизал собственные пальцы, его глаза вспыхнули, как два зеленых фонаря. – Итон Сомтоу, что ты делаешь, извращенец? – но это было сказано не как обычно, а немного мурлыкающе и с приоткрытых, влажных губ слетел тихий стон-вздых.

Я медленно наклонился ниже и аккуратно провел пальцами по его губам, мягко лаская их своими. Я видел, как в глубине этих зеленящих озер рождается самая настоящая буря.

Он высунул язык и толкнулся между моих влажных пальцев, я немного прикрыл глаза и также мягко толкнулся языком ему навстречу.

Танец?

Возможно, но больше всего это было похоже на игру «Кто кого доведет до ручки».

Через несколько минут непрерывной игры языками, Кот отвернулся, тяжело дыша, и прошипел:

- Сделай это, иначе я просто уйду. – Я немного дергано раздвинул его ноги и чуть резко ввел в него влажный от слюны палец. Кот скривился. – Я никогда не прощу тебя за это, слышишь?

Я снова наклонился и прошептал в его висок:

- Котёнок, Вил, ты нужен мне. – Я почувствовал, как он дрожит, как его тело подчиняется мне, как он прикрывает глаза и закусывает губу. От того, что я проникал в него все решительней, Кот лишь морщился.

Но когда я добавил второй палец и поцеловал его в уголок губ, почти нежно, он не выдержал и вскрикнул. Протяжно, безнадежно. И его ноги сами раздвинулись, и он подкинул бёдра, насаживаясь на мои пальцы.

Я отстранился, не переставая трахать его пальцами, мне хотелось видеть его, хотелось властвовать, но я понимал, что если покажу свое желание, он тут же убежит. Еще несколько толчков в шелковистую глубину стенок и мой котик снова шипит:

- Итон, блять! – он резко поднялся и вцепился мне в волосы, потянул на себя и впился в губы. Я резко оттолкнул его от себя и накрыл собой.

- Это почти предел. – Зашептал я в его шею. – Предел моего желания. Дальше только искры удовольствия.

Я сплюнул на руку, растер слюну по моему стволу и медленно, дюйм за дюймом, входил в его разгоряченное тело, делая его своим, помечая каждым дюймом своего члена. И когда наши тела соприкоснулись, я понял, что такое рай. Он выгнул спину и снова цеплялся за мои плечи – царапая.

Котёнок мой.

Остановился, задыхаясь в агонии, ждать не было сил, я сделал первый пробный толчок в него, тут же пожалел об этом, он располосовал мне спину и укусил за плечо, выражая свой протест. Я сглотнул и снова попытался, на этот раз Кот не сопротивлялся, а только тихо поскуливал мне в шею.

- Похотливая скотина... Ммммах! Морально неуравновешенный.... Да! Ммммха! Зоофил! Итон, да-да-да-да...

Дальше я не разобрал, но в этом не было нужды, он подался вперед, потом еще и еще раз, и мы задвигались в едином ритме.

Было просто восхитительно слушать, как он матерится и медленно сходит с ума вместе со мной.

Я подогнул одну его ногу и улегся на бок, продолжая толкаться бёдрами в его горячее и восхитительное... тело.

- Вильям, мое ты сокровище...

- Заткнись! – рыкнул Кот.

Дернулся, но уже было поздно, я держал его слишком крепко и отпустить был не в силах. Я только притянул его к себе и прихватил на шее кожу губами, ставя ему темный засос.

Ребячество, но мне с самого начала хотелось посмотреть, как на его светлой коже будут выглядеть мои метки.

Он подавался на меня сам, и я млел от его неистовых толчков, и в сочетании с руганью и нежностью его пальцев, которые схватили мою руку и сжали, всё это не могло продолжаться вечно.

Я сделал еще несколько толчков и излился ему на бедро, перевернул притихшего парня и накрыл его член ртом.

И вот тут я понял, что Кот – это опасное и злопамятное животное.

Он толкнулся и зафиксировал мою голову, трахая меня на всю длину. Из моих глаз хлынули слезы, я начал задыхаться, а он:

- Еще раз, хоть один чертов раз, назовешь меня этим именем, я привяжу тебя к кровати и отражаю всеми игрушками Тони! – толчки стали более резкими и он в последний момент отпустил мою голову и кончил мне на лицо. – Сволочь! Ты сволочь, Итон!

Я подполз к нему и, смотря прямо в злые зеленые глаза, хрипло проговорил:

- Твоя. – Он отвернулся и закусил губу.

Я видел, как он снова задрожал, как нахмурился, как прикрыл глаза, и ресницы затрепетали, словно крылышки у бабочки.

Я знал, что он не мой, но я сейчас обозначил свою позицию, теперь только он вправе решить, что между нами.

- Это просто секс. Ты хотел, ты получил, что тебе еще надо? Хочешь, чтобы я как Шел, носился за тобой, или как Рей, был всегда рад видеть и млел от взгляда? Или может тебе нужно совершенно другое? Может...

- Замолчи уже. – Он резко повернулся и уставился на меня. – Я устал постоянно бегать за тобой, я устал быть для тебя объектом, который ты обходишь стороной, и если только сам захочешь, то приходишь на ручки. Ты человек, Вильям! А не уличный кот! – я не хотел, правда, не хотел ругаться после такого потрясающего секса, но он меня взбесил.

- Я предупреждал. – Рыкнул он и спрыгнул с кровати, подхватил свои вещи и хлопнул дверью ванной.

Я тоже встал и натянул джинсы прямо на голое тело, сел на кровать.

Нам нужно поговорить, но разговора сейчас не получится, я был уверен. И ничуть не удивился, когда он пролетел мимо меня, уже одетый, к двери. Я успел перехватить его и прижать лицом к ее гладкой поверхности.

- Вильям - это такое красивое имя. Хочешь, я буду звать тебя Би? Буду шептать тебе, в темноте комнаты с мягкой кроватью, «Мой ласковый мальчик, мой Вильям»? Хочешь, я подарю тебе радость принадлежности? Хочешь, укурю теплыми объятиями? Хочешь, буду только твоим... Вил, пойми, ты мне нужен.

Я не знал, что еще могу ему сказать, как объяснить, что он мне дорог.

- Отпусти.

- Упрямое ты существо. – Я прижался к нему всем телом и мягко потерся носом о его шелковистые волосы. – Тебе понравилось?

Он задохнулся от возмущения и тихо буркнул:

- Извращенец.

- Вильям.

- Придурок.

- Вильям. – Тихо шептал я в его ушко.

- Да. – Совсем тихо ответил он.

И обмяк в моих руках, оперся о дверь, царапая поверхность, я обнял его, повернул, чтобы он не портил чужое имущество.

- То, что ты позиционируешь себя с котом, беспокоит меня, ты слишком своевольный и гордый – это неплохо. Но, Вильям, я старше тебя и, конечно, не имею полного права наставлять на путь истинный, кто бы мне самому объяснил, что это, но ты можешь прислушаться к моим доводам... - я наклонился и накрыл его губы, нежно и мягко. Отстранился и спокойно проговорил: – Я всё о тебе знаю, но это «всё» тоже не совсем то, что я бы хотел знать. Это пустые черные строчки на бумаге, это сухие отчеты полиции, но ты, с твоими зелеными глазами и кошачьей улыбкой, покорила меня. Понимаешь?

Он смотрел настороженно и в тоже время с вызовом. Я ждал ответа на свои слова, я млел от его близости, хотя несколько минут назад сжимал в объятиях это потрясающе отзывчивое тело.

Он чуть отвернулся и снова сморщил нос, прищурился по-кошачьи и прошептал:

- Я не хочу быть для тебя кем-то, кто просто занимает вакантное место, я знаю, что ты собой представляешь, ты такой же, как все эти женщины – любительницы кусочка кумира.

Ты не замечаешь, как давишь, или навязываешь, ты просто даешь, и если это не взять – ты злишься. – Он повернулся и, смотря мне в глаза, проговорил: - Ты сказал, что «ты мой», что «я нужен тебе», но, Итон, ты вообще знаешь значение этих слов? Я с самой первой минуты нашего знакомства заметил твой заинтересованный взгляд, я не знаю, что тебе помешало сразу затащить меня в постель... Итон, я так не хочу.

- Как? – не отпуская его, спросил я.

- Ты прав - я кот и я гуляю сам по себе.

- Ты хочешь сказать, что сейчас произошедшее между нами - ничего не значит? – он фыркнул и запрокинул голову, ударился затылком о дверь.

- Ты же понял меня, зачем прикидываешься? – и улыбка такая, что я не удержался и накрыл его губы, отстранился, он даже не закрыл глаза, смотрел немного насмешливо.

- Секс.

- Да. – Кот снова вздохнул. – Но я не буду к тебе приходить, прокрадываясь ночью по всему дому... И показывая каждому желающему вид наших отношений. Я не буду покорным и никогда, слышишь, никогда, не прощу тебе «Вильяма». И еще кое-что... Отпусти меня.

Я разжал свои объятия, он открыл дверь и вышел в коридор, и уже оттуда проговорил: - Ты старше, я это очень хорошо понимаю, у тебя опыт и возраст, но у меня слишком неидеальная жизнь, которая сполна компенсирует твой возрастной опыт. И ещё: ты был хорош. – Он лукаво улыбнулся и быстро спустился по лестнице, не давая мне хоть что-то сказать.

Я вздохнул. Со своим пониманием и знаниями, я совершенно позабыл, с кем имею дело. Забыл, что он не просто мальчик со сцены, за плечами которого взрослый папик, а тот, кто прошел довольно жестокую школу жизни.

Мне нужно было продумать всё это получше, может сделать поромантичней или нежнее, без всякого пошла...

Но теперь только его желание, я так понимаю?

Неделю. Я жду уже неделю.

Я стоял на балконе в главном корпусе нашего общего детища и рассматривал, как Рей и Митчел красят забор вокруг конюшен, которые мы, наконец, закончили восстанавливать.

Они больше пачкали друг друга, и я действительно видел, как Рей млеет от одного только взгляда на своего бой-френда, чем красили забор. Как загораются его глаза, как сам Митчел нежно придерживает его за талию и что-то шепчет, Рей краснеет, но не вырывается из объятий, становящихся с каждой минутой все интимней.

- Парни, идите в душ! – закричал Бетховен снизу, я улыбнулся.

- Чем мы тебе мешаем, Бет? – обернулся Рей, сверкая счастливыми глазами и белой полосой на щеке от краски.

- Вы портите мне настроение.

- Рей, мы мешаем Бету наслаждаться его любимыми книгами. – Довольно громким шепотом ответил Митчел.

- Бетховен, бросай эту лабуду и присоединяйся к нам. – Задорно помахал кистью Рей.

Митчел застыл, а потом все, кто был во дворе, рассмеялись, я тоже не удержался от смешка, Бет протянул:

- Майлз, приглашаешь меня в ваш дуэт?

- Я тебя сейчас разукрашу! И не краской! – Митчел еле удержал своего парня.

Я отвернулся от них и улыбнулся сидевшему в кресле и пьющему чай Тони.

- Итон, ты стал слишком молчалив после моего дня рождения. Что-то непоправимое случилось?

Я подошел и присел на край стола рядом с ним, Тони смотрел спокойно, я помню, сколько я выслушал от сестры по поводу такого грубого нарушения правил столового этикета.

- Смотри, что считать непоправимым. – Ответил я.

- Хм, и что в твоём понятии непоправимо? – я ухмыльнулся, а он отставил чашку. – Итон, ты трахнул Кота и остался жив, это уже предел всех мечтаний.

- Мой предел ещё далеко, но я был так близко к нему.

- Я видел Кота утром, рано, он стоял перед дверью в твою комнату... - улыбаясь, проговорил Энтони.

Я резко повернулся к нему и, не веря, прошептал:

- Неужели? – Тони кивнул и закусил губу, сдерживая улыбку. – Я уже неделю в ожидании чуда, а он даже на меня не смотрит. Ты видел, что было сегодня за завтраком, он вообще ушел, как только я обозначил приветствием свое присутствие.

- Да, но ты не думаешь, что нашему коту просто хочется еще раз оказаться в твоих сильных руках, Итон, но он боится сделать тот шаг, на который сам себя обрек. – Я

непонимающе уставился на племянника, конечно, я так не воспринимал Энтони, он намного ближе мне, чем просто родственник или сын моей сестры. – Я говорил с ним.

- Он рассказал тебе? Всё?

- Нет, конечно, но суть я понял. Итон, ты же взрослый мужчина и должен был понять его эгоистичные слова. М?

- Энтони, если бы эти его слова не били так откровенно по моим чувствам... - я вздохнул, Тони отставил чашку и встал с кресла.

- Мы сегодня уезжаем по делам, я, всех желающих понаблюдать за вашими «кошками-мышками», заберу с собой, сделай его счастливым, а то я уже не могу смотреть на его тусклый вид. – Он наклонился и прошептал мне на ухо. – Он на чердаке, устроил там себе лежбище, как настоящий котик, ждущий хозяина. Иди и приласкай его.

Я расхохотался и обнял Тони за шею.

- Кто бы мог подумать, что однажды, я буду пользоваться твоими советами, малыш. – Мы оба рассмеялись, и Тони ушел с балкона.

Я еще с полчаса стоял на месте, пытаюсь решить, что мне делать? Как, не рняя самолюбие парня, сделать его своим, без всяких условий и громких слов?

Возможно, он был прав, сравнивая меня с его фанатками, возможно, я слишком торопился показать ему, что нам будет хорошо вместе. Я воспринимал его сразу своим котом, он стал в одночасье близок и любим, и как объяснить это упрямому и гордому Вильяму, я просто пока не знал.

Я поднялся на чердак нашего общего дома, здесь тоже был ремонт, хотя Тони не хотел этого делать, но ребята настояли на перепланировке. Некоторые комнаты просто совмещали или же наоборот - переделывали под нежилые помещения.

Я выбрал комнату в другом конце дома, подальше от спальни Энтони и Ноэля. Специально, во избежание претензий от моего будущего парня. И сейчас я бы очень хотел, чтобы этот ершистый котик превратился в котёнка с пушистыми ушками и мягкими лапками.

Я медленно поднялся по деревянной лестнице на чердак, открыл люк и попал в просторное помещение, я увидел Кота сразу, а вот он...

Он спал. Растянувшись на обычном матрасе, положив одну руку под голову, а второй обнимая себя за талию. Волосы рассыпались по плечам и поверхности спального места.

Я тихо прошел и присел на корточки.

За эту неделю я успел соскучиться по нему, не видел и не чувствовал его.

Его тонкий аромат, его изящное тело - манили, мне хотелось разбудить его и в тоже время совершенно не хотелось этого делать. Под трепещущими ресницами были синяки, значит, он не спал, мучился, думал, наверняка, ходил по своей, еще не обставленной, комнате на первом этаже.

Я улыбнулся и лег рядом с ним, обнял со спины и уткнулся в шелковистые, черные, как смоль, волосы. Он вздохнул.

- Итон...

- Спи. – Прошептал я.

- Я выскажу все Тони. – Сонно пробормотал он и повернулся в моих руках, уткнулся мне в ключицу.

- Ты сегодня пушистый и домашний котёнок? – он улыбнулся, я почувствовал это сквозь футболку и не только улыбку, но и его теплое, приятное дыхание.

- Нет. – Я вздохнул и запутал свои пальцы в его волосах.

- А какой ты?

- Зачем ты пришел, Итон? – проигнорировал он мой вопрос.

- Потому что я соскучился и устал ждать тебя и того момента, когда ты откроешь мою дверь и войдешь в мою комнату своей кошачьей, плавной походкой и когда ляжешь на мою постель, и промурлычешь свою любимое – мурл. – Он уткнулся сильнее в меня и приглушенно проговорил:

- Я бы не нашел в себе силы... прости.

- Я пришел сам. И готов приходить каждый раз, когда ты поставишь себе невыполнимые задачи, когда тебе будет грустно или весело, когда ты будешь сходить с ума от одиночества, когда ты будешь счастлив, или когда просто захочешь, чтобы я тебя обнял.

- И когда я буду диким?

- Да, и тогда тоже. Ты будешь диким котом в моих руках. – Он фыркнул.

И, несвойственно своему обычному гонору, как-то сжался, а потом приподнял голову и накрыл мои губы.

- Я хочу быть разным для тебя. – Проговорил он прямо в поцелуе, я приподнял его футболку и заскользил руками по голой коже. – Я за эти дни много думал, но к знаменателю не пришел. Мы из разных миров, у нас разный статус...

- Это что сейчас ты говоришь, Вил? – он сморщил нос, как всегда при произношении своего имени, но не огрызнулся. – Что ты слишком хорош для меня?

Он вскинулся и почти зашипел, но я опрокинул его на матрац и, как и в первый наш раз, накрыл собой.

- Итон, я серьезно, как твоя семья посмотрит на то, что я?...

- Мне безразлично это и ты сам прекрасно знаешь, что я изгой в своей благородной семье, и что моя сестра меня, по большей части, терпеть не может, и что Тони единственный, о ком я действительно заботился все это время и о ком волновался,... но сейчас у него есть Ноэль, и я хочу заботиться о тебе.

- А еще я прекрасно знаю, что ты не только о нем заботился. – Я рассмеялся и нежно прикусил мочку его уха. Кот в моих руках нахмурился. – Я никак не могу понять, когда ты серьезен. – Тихо проговорил он.

- Я сейчас серьезен, Вильям. – Легкий толчок кулаком в мое плечо. – И я предлагаю поговорить о серьезных вещах.

- О каких серьезных вещах? – ероша мои волосы пальцами, спросил он.

- Я... хочу предложить тебе переехать ко мне в комнату, а тут устроить любовное гнездышко для нас. Хочешь, поставим тут твою малышку и будем бренчать над головами? Или же просто устраивать здесь посиделки только вдвоем, на шелковых простынях, когда моя кровать тебе будет надоедать?

- Итон, ты серьезно, по-поводу комнаты? – в зеленых глазах было любопытство, и я мысленно улыбнулся, главное, чтобы не грусть и не ужас.

- Да, я хочу, чтобы ты стал домашним котёнком и только моим.

- А больше ничего не хочешь? – ехидно и в тоже время мягко спросил он.

- А ты мне что-то желаешь предложить... - а он только рассмеялся.

Эта неделя была сложной для нас обоих, мы оба не знали, как лучше сделать первый шаг, как быть ближе и не сделать больно хрупкой душе, как прикоснуться и не сломать то, что уже есть, как показать жар своего желания и не спалить друг друга.

Но, скорее всего, ничего бы не получилось, если бы он был, скажем, такой, как Шел или Рей.

Ведь он единственный - дикий и непокорный, мягкий и нежно мурлыкающий, милый и агрессивно-сдержанный, улыбающийся и плачущий, стонущий и матерящийся...

Мой Вильям.

Мой Кот.

- А знаешь, я уже почти дотронулся сегодня до ручки твоей двери... - прошептал он мне в шею. – Но в последний момент вспомнил, что я Кот...

- Котёнок. – Поправил я его и почесал за ушком. – Мой.

Он ничего не ответил и, наверное, мне придется долго ждать подтверждение словами, но я могу быть терпеливым, хотя... - Любимый.

Он застыл и, не веря, приоткрыл губы для глупого вопроса в его духе, но тут же закрыл рот и еще сильнее вжался в меня.

Я подожду, мне несложно, просто я хочу обнимать его и знать, что жду не напрасно, и он все же откроет эту «дверь» сам.

Конец.

Conversion of WMF images is not supported

Use Microsoft Word or OpenOffice to save this RTF file as HTML and convert that in calibre.

calibre 1.14.0